А. М. САХАРОВ

ГОРОДА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV–XV ВЕКОВ

Издательство Московского Университета
1959

А. М. САХАРОВ

ГОРОДА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV-XV веков

Под редакцией
проф. Л. В. Черепнина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1959

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории северо-восточных русских городов XIV—XV вв. имеет большое значение для выяснения предпосылок и условий образования централизованного государства в России. К сожалению, этот вопрос еще слабо изучен, хотя внимание ему в исторической литературе уделяется уже давно. Очевидная неудовлетворительность разрешения вопроса о характере и значении городов дворянской и буржуазной историографией должна быть объяснена не только состоянием источников, но прежде всего методологическим направлением исследований, несмотря на ряд верных наблюдений и ценных конкретных данных, имеющихся в старой литературе. Сама проблема города в историческом развитии России возникла как предмет специального исследования лишь в середине XIX в., хотя отдельные интересные мысли по этому вопросу были высказаны еще В. Н. Татищевым и М. В. Ломоносовым. При рассмотрении истории городов многих исследователей интересовал преимущественно вопрос о судьбах вечевого строя.

Так, Н. М. Карамзин останавливал внимание своих читателей на городах лишь в связи с полным, по его мнению, исчезновением вечевого строя в северо-восточных русских городах XIV — XV вв. Он объяснял это монголо-татарским вторжением и считал, что «совершилось при Моголах легко и тихо, чего не сделал ни Ярослав Великий, ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III: в Владимире и везде, кроме Новагорода и Пскова, умолк вечевый колокол... Сие отличие и право городов древних уже не было достоянием новых»[1]. Другие аспекты истории городов оказались за пределами

[1] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. СПб., 1892, стр. 230.

интересов Карамзина, и это объясняется в первую очередь самим подходом дворянской историографии к изучению истории, которая рассматривалась прежде всего как история монархической власти. Именно в этой связи Карамзин и сделал отмеченное наблюдение над судьбами вечевого строя, рассматривая его исчезновение как фактор, благоприятствовавший усилению самодержавной власти, и стремясь обосновать свой тезис о том, что «Москва обязана своим величием ханам»[2].

Значительно шире осветил различные вопросы, связанные с развитием городов, С. М. Соловьев. В его «Истории России с древнейших времен» приведены данные о ремесле, торговле, городском быте. Однако в целом значение городов в истории XIV—XV вв. Соловьев связывал также лишь с судьбами вечевого строя. Как и Карамзин, Соловьев отметил исчезновение вечевого строя в Северо-Восточной Руси: «Города Северо-Восточной Руси в описываемое время представляются нам с другим значением, чем какое видели мы у городов древней, Юго-Западной Руси. Усобицы между князьями продолжаются по-прежнему, но города не принимают в них участия, как прежде, их голоса не слышно; ни один князь не собирает веча для объявления городовому народонаселению о походе или о каком-нибудь другом важном деле, ни один князь не уряживается ни о чем с горожанами»[3]. Падение роли веча Соловьев не связывал с монголо-татарским вторжением. Он объяснял отличие роли городов Северо-Восточной и Юго-Западной Руси различными условиями общественного развития в этих районах, но сами эти условия видел в первую очередь в особенностях географического местоположения.

Развитие капитализма в России в середине и второй половине XIX века привело к возрастанию интереса к истории городов в исторической науке. Стали появляться специальные работы, посвященные исследованию развития городов в России. В этих работах основное внимание сосредоточивалось, как правило, на изучении правовых отношений в городах.

А. П. Пригара, автор специального исследования о истории русских горожан заметил, что никаких отличий в пра-

[2] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, стр. 235.

[3] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общественная польза», кн. 1, стр. 1192.

вовом положении городского и сельского населения XIV—XV вв. найти невозможно. Это привело его к печальному заключению о северо-восточных городах: они, по его мнению, «до царей Московских были не более, как огороженные села»[4]. Другой автор, Н. Хлебников, тоже отрицал развитие городской жизни в Северо-Восточной Руси и считал, что до XV в. города имели по преимуществу лишь военное значение и не являлись торгово-промышленными центрами[5]. Еще более решительно высказался в этом направлении И. И. Дитятин, автор специальной работы о городах. Он писал: «В сущности, история нашего города есть ничто иное, как история регламентации, преобразований торгово-промышленного городского населения со стороны верховной власти. Ход этих преобразований определяется воззрениями, какие верховная власть имела на государственные интересы»[6]. И еще: «Со времени завоевания татарами, а в особенности начиная с XIV столетия, времени зарождения Московского государства, положение дел изменяется и город теряет всякое значение. Едва ли кто решится утверждать, что русский город, начиная с этого времени, играл какую-либо а к т и в н у ю роль в истории развития самого государства. Отрицая п о л о ж и т е л ь н у ю роль нашего города в развитии политического строя, я не думаю, однако, отрицать его, если можно так выразиться, о т р и ц а т е л ь н о е значение в нашей истории, наоборот, это его значение по своим результатам весьма велико»[7].

Иначе подошел к оценке городов автор специального исследования о Северо-Восточной Руси Д. Корсаков. Он отметил, что в XIII—XV вв. в Северо-Восточной Руси город и деревня представляли собой различные явления. «Город в XIII—XV веках является уже не в первоначальном своем значении о г о р о ж е н н о г о места, а в значении земского, княжеского, административного и военного центра»[8]. Д. Корсаков собрал и уточнил большой факти-

[4] А. П. П р и г а р а. Опыт истории состояния городовых обывателей при Петре Великом. ЖМНП, 1867, июль, стр. 679.

[5] См. Н. Х л е б н и к о в. О влиянии общества на государство в царский период русской истории. СПб., 1869.

[6] И. И. Д и т я т и н. Устройство и управление городов России, т. 1. Города России в XVIII столетии. СПб., 1875, стр. 109.

[7] Там же, стр. 107.

[8] Д. К о р с а к о в. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 243.

ческий материал относительно городов Ростово-Суздальской земли, но не учитывал значения городов в экономическом развитии Северо-Восточной Руси.

Различные типы русских городов пытался определить А. П. Щапов. Высказав интересную мысль о том, что наиболее естественным процессом возникновения городов было их «саморазвитие... из сел, из слобод, вследствие свободного торга и промысла»[9], А. П. Щапов, однако, относил эту закономерность лишь к «вольно-народным», «земско-вечевым» городам, типичным представителем которых он считал Новгород. Северо-восточные русские города А. П. Щапов рассматривал как «льготно-вотчинные», выросшие из княжеских вотчин при помощи льгот, предоставлявшихся населению княжеской властью.

Таким образом, схема А. П. Щапова вела к представлению о некоторой искусственности возникновения северо-восточных городов, об отсутствии внутренней экономической основы городского развития Северо-Восточной Руси.

В. О. Ключевский считал, что «в Суздальской Руси XIII и XIV вв. иссякли источники, из которых прежде старший волостной город почерпал свою экономическую и политическую силу», и что города в Северо-Восточной Руси вышли «из строя активных сил общества»[10]. Тем самым В. О. Ключевский отрицал сколько-нибудь значительную роль северо-восточных городов в историческом процессе.

Тезис об искусственности русских городов настойчиво доказывал П. Н. Милюков. Он писал: «Русский город, как мы могли уже заметить по медленному развитию русской торгово-промышленной жизни, не был естественным продуктом внутреннего экономического развития страны. За единичными исключениями, русский город возникал не из скопления в одном месте населения, занятого промыслами и торговлею... Раньше, чем город стал нужен населению, он понадобился правительству... Русский город был, прежде всего, правительственным и военным центром... Итак, государственная потребность в городах как средоточиях управления и военной обороны с древности и до нашего времени опережала естественное развитие город-

---

[9] А. П. Щапов. Соч., т. 1. СПб., 1906, стр. 783.
[10] В. О. Ключевский. Соч., т. 1. М., 1956, стр. 367.

ской жизни. Городское население приходилось создавать насильно»[11].

Мало чем отличалась позиция Н. А. Рожкова в этом вопросе: «При полном почти отсутствии торговли и городской промышленности население городов по существу не отличалось от сельского, занималось в главной массе своей также земледелием, и было вообще малочисленным». Объясняя неразвитость городского веча в Северо-Восточной Руси, Н. А. Рожков пришел к крайней точке зрения о «ничтожном значении городских промыслов и торговли» и о том, что «города в области Волги и Оки были не торговыми и промышленными центрами, а временными убежищами на случай военных нападений»[12]. Н. А. Рожков считал Московскую Русь «деревенской» и отрицал возможность существования там развитых городов.

В конце XIX и начале XX в. появилось немало работ, посвященных истории отдельных городов и княжеств, в которых содержались иногда отдельные наблюдения над экономическим развитием городов (например, работа В. С. Борзаковского об истории Тверского княжества, работы краеведов А. С. Гациского о Нижнем Новгороде, А. А. Титова о городах Поволжья и другие). Но в этих работах основное внимание направлялось на выяснение фактов политической истории, а общая схема построений обычно вытекала из установок «государственной» школы. Не случайно поэтому значение определяющего фактора в развитии городов придавалось политике княжеской власти.

Мнения о незначительной исторической роли северо-восточных русских городов, об искусственном характере их развития упорно держались среди большинства буржуазных ученых во второй половине XIX и начале XX в. Эти мнения вытекали, с одной стороны, из распространенного в буржуазной историографии тезиса о коренных отличиях исторического развития России и Западной Европы.

С другой стороны, выводы буржуазных историков о характере северо-восточных городов XIV—XV вв. строились на весьма ограниченном материале. Почти совсем не производилось археологическое изучение русских городов,

[11] П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, изд. 6, ч. 1. СПб., 1909, стр. 241 и 243.

[12] Н. А. Рожков. Город и деревня в русской истории. М., 1920, стр. 36.

материалы которого имеют столь большое значение для истории их экономического развития.

Однако даже тот ограниченный материал, который имелся относительно экономического развития русских городов, позволил Г. В. Плеханову с других позиций подойти к их оценке. Г. В. Плеханов считал бесспорным фактом то, что «города Северо-Восточной Руси вовсе не были теми более или менее обширными деревнями, за которые их так охотно принимали теоретики русской самобытности. Этой Руси тоже нечуждо было экономическое разделение труда между городом и деревней»[13] .

Правильно подметив особенности политического развития северо-восточных русских городов XIV—XV вв., буржуазные историки склонились к приданию этим особенностям решающего, определяющего значения для оценки характера развития городов, к необоснованному принципиальному противопоставлению их городам Западной Европы и русским «вечевым» городам.

В советской историографии изучение средневековых русских городов значительно продвинулось вперед. Принципиальной особенностью советских исследований является стремление раскрыть социально-экономические процессы, обусловившие развитие городов. В этой связи впервые стало проводиться научное исследование факторов экономического развития и классовой борьбы в средневековых русских городах.

Одной из первых попыток обобщить наблюдения над развитием городов в советской литературе была статья С. В. Бахрушина, опубликованная в 1930 г. в 18-м томе первого издания Большой Советской Энциклопедии (раздел статьи «Город»). С. В. Бахрушин высказал мнение о том, что города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. были «вотчинными», придавая этим городам значение в первую очередь вотчинных центров княжеского хозяйства и недооценивая развитие ремесла и торговли в городах. Большое значение для изучения русских городов конца XV — начала XVI в. имело исследование В. Е. Сыроечковского о гостях-сурожанах (1935 г.). В. Е. Сыроечковский не избежал общих установок так называемой «школы Покровского», когда характеризовал свое исследование

---

[13] Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. 1, СПб., 1914, стр. 87.

как выяснение роли торгового капитала и процесса складывания «московской буржуазии» XV—XVI вв. Однако в конкретном изучении материала В. Е. Сыроечковский убедительно показал типично феодальный характер той торговли, которую вели с Югом городские купцы конца XV — начала XVI в., сделал ряд важных наблюдений над социальным составом городского купечества.

В 1946 г. вышла первым изданием монография М. Н. Тихомирова «Древнерусские города», посвященная русским городам до татаро-монгольского нашествия. Эта работа явилась крупным шагом вперед на пути марксистского исследования русских феодальных городов. М. Н. Тихомиров решительно высказался против мнения о неразвитости древнерусских городов и выступил с рядом доказательств существования в древнерусских городах элементов цехового устройства и городских вольностей. М. Н. Тихомиров четко определил исторические предпосылки возникновения и развития феодальных городов на Руси: «Настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма в области общественных отношений»[14]. В новом издании, пополненном анализом дополнительных источников (1956 г.), М. Н. Тихомиров продолжает отстаивать и развивать свои взгляды. М. Н. Тихомирову принадлежат также специальные исследования о Москве — книга «Средневековая Москва» (1957 г.), соответствующие разделы «Истории Москвы» (т. 1, 1952 г.). В этих работах М. Н. Тихомиров обстоятельно проанализировал историю крупнейшего русского города XIV—XV вв. — Москвы, показал его социально-экономическое и культурное развитие. М. Н. Тихомиров подошел к изучению средневековых русских городов прежде всего как центров ремесла и торговли и привлек для анализа большой материал письменных и археологических источников. М. Н. Тихомиров исследовал также «Список русских городов», определил его датировку — конец XIV в.— и назначение, проделал сложную работу по историко-географическому выявлению городов, указанных в списке. Работы М. Н. Тихомирова серьезно обогатили советскую историческую литературу о феодальных городах и выдвинули проблему русского города на одно из видных мест в советской историографии.

[14] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 39; изд. 2, М., 1956, стр. 64.

Много занимался историей развития городов И. П. Смирнов. Результаты его изысканий обобщены в труде «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.». П. П. Смирнов делил города на «раннефеодальные» и «среднефеодальные». Он писал, что «характерными признаками города XIV—XV вв., который мы считаем раннефеодальным городом, является преобладание в нем крупного феодального землевладения — княжеского, боярского и церковного, представленного городскими вотчинными дворами и слободами феодалов-землевладельцев. Основным признаком города периода цветущего феодализма XVI—XVII вв., среднефеодального или так называемого средневекового города, является принадлежность его территории, как правило, королю, или у нас — великому государю Московскому, который отдает эту территорию в держание, военное — белое и оброчное — черное, своим государевым «холопям», т. е. служилым людям, и «сиротам» — черным тяглецам»[15]. Таким образом, в основу своей классификации городов П. П. Смирнов клал принадлежность городской земли тому или иному феодальному собственнику.

В соответствии с этим П. П. Смирнов рассматривал «раннефеодальный город XIV—XV вв.» как город «вотчинный», как «укрепленный поселок землевладельцев-феодалов — князей, бояр, монастырей и т. п., которые составляли в нем основной городообразующий состав населения»[16]. Что же касается развития ремесла и торговли, то эти явления, по П. П. Смирнову, происходили не в городах, а в слободках. Из этих слобод выросли к XVI в. города в смысле центров ремесла и торговли, которые «преобразовывают по своему подобию раннефеодальные города XIV—XV вв.»[17]. Подгородные слободы и посады XIV—XV вв. П. П. Смирнов исключал из понятия «город». В городе XIV—XV вв. он видел лишь феодальный вотчинный центр. «Настоящий» город возник, по мнению П. П. Смирнова, лишь в связи с «посадским строением» XVI—XVII вв., когда особое «слободское право» XIV—XV вв. распространилось государственной властью на городские посады. П. П. Смирнов далее рисовал картину того, как в этих слободах-посадах сформировался «класс посадских людей», равнозначный

[15] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1. М.—Л., 1947, стр. 4.
[16] Там же, стр. 19.
[17] Там же, стр. 31.

бюргерству Западной Европы, как этот класс добился полной своей свободы, вершиной которой явилось, по утверждению П. П. Смирнова, «Соборное уложение 1649 г.». Концепцию П. П. Смирнова разделял в этой части и ответственный редактор его книги С. В. Бахрушин.

Схема развития русского феодального города, предложенная П. П. Смирновым, вызывает самые серьезные возражения. Посады и подгородные слободы были необходимыми составными частями феодальных городов. Без посада не было и города в социально-экономическом понимании этого термина. Выделение посадов и слобод в особую категорию, якобы противостоящую феодальному строю, лишено основания. По П. П. Смирнову получалось, что основание слобод было освобождением массы населения от крепостной зависимости, создавалась «слободская воля», новое юридическое положение населения, которое и стало основой для создания такого же правового строя в городах.

Действительно, слово «слобода» было синонимом слова «свобода». Но источники говорят, что это была с в о б о д а о т в е л и к о к н я ж е с к о г о т я г л а, а вовсе не от всякой феодальной эксплуатации. Исследователи отмечают, что организация слобод есть одна из форм привлечения непосредственных производителей разными льготами для их последующего закрепощения. Слобода — путь не к свободе, а к феодальнозависимому состоянию. «Слобода XIV—XV вв., — пишет Н. Н. Воронин, — это поселок феодальнозависимого населения на владельческой земле, но временно или постоянно «обложенного» от несения тягла или некоторых повинностей»[18]. А. И. Яковлев указывает, что слободы «служили весьма сильным средством для приманивания населения из чужих владений»[19]. Льготы, которые предоставлял князь организатору слободы, носили тот же характер, что и наделение феодала-вотчинника иммунитетными правами. И то и другое явилось результатом развития феодальных общественных отношений.

С. В. Бахрушин в одной из последних своих работ доказывал, что «в связи с ростом ремесленного производства и развитием городского рынка изменяется в XV в. характер

[18] Н. Н. В о р о н и н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Известия ГАИМК, вып. 138. М., 1935, стр. 41.

[19] А. И. Я к о в л е в. Холопы и холопство в Московском государстве XVII в. М.—Л., 1943, стр. 23.

русского города. Для эпохи феодальной раздробленности характерен был тип города, не утратившего еще черт разросшейся владельческой усадьбы. Город XIII—XV вв. — в первую очередь центр вотчинного княжеского хозяйства и опорный пункт феодального господства над окрестным крестьянским населением, то, чем в частной вотчине был двор вотчинника...», и лишь в XVI в. «город выступает уже с чертами значительного торгово-промышленного центра»[20]. Этот тезис С. В. Бахрушина покоился на неправильном представлении о том, что рыночные отношения будто бы появляются только в XV в. Справедливо отметив важную функцию городов XIV—XV вв. как «центров вотчинного княжеского хозяйства» и «опорных пунктов феодального господства», С. В. Бахрушин был неправ, представляя эти черты главными и определяющими в характеристике городов времени феодальной раздробленности. Ряд соображений о природе городов XIV—XV вв. высказал П. И. Лященко. Он правильно отметил двойственный характер феодального города, который являлся неотъемлемым элементом феодализма и в то же время, в особенности в эпоху позднего феодализма, подготавливал упадок феодального строя и расчищал дорогу новым, буржуазным отношениям. Вслед за С. В. Бахрушиным и П. П. Смирновым П. И. Лященко считал северо-восточные русские города XIV—XV вв. «вотчинными», выросшими из княжеских вотчин. П. И. Лященко считал также, что «роль города в русской хозяйственной жизни, даже в XVI—XVII вв., не говоря уже о более ранней эпохе... была значительно меньше, чем в Западной Европе»[21].

Очень серьезным вкладом в изучение русских городов XIV—XV вв. явилась монография Б. А. Рыбакова о древнерусском ремесле (1948 г.). Его выводы могут служить прочной основой для суждений об общем уровне экономического развития городов XIV—XV вв. Правда, недостаток материала заставил Б. А. Рыбакова основывать свои суждения о развитии русских городов XIV—XV вв. главным образом на материалах Новгорода и Пскова — наиболее развитых русских городов того времени. После монографии Б. А. Рыбакова значение русского города XIV—XV вв.

[20] С. В. Бахрушин. Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. В кн. «Научные труды», т. I. М., 1952, стр. 38.

[21] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1947, стр. 201.

как центра ремесленного производства стало неоспоримым. Представлению о городах как только лишь вотчинных центрах был нанесен решительный удар исследованием Б. А. Рыбакова. Б. А. Рыбаков попытался проникнуть также и в характеристику социальных отношений в городах. Путем ряда сложных и остроумных построений он доказывал существование в русских городах цехов, но вынужден был все же сделать крайне осторожные выводы на этот счет, отметив отсутствие прямых свидетельств источников. Высоко оценивая политическую роль горожан XIV—XV вв., Б. А. Рыбаков необоснованно применил по отношению к ним характеристики «третье сословие» и «революционные элементы города», являющиеся модернизацией изучаемой эпохи. Преувеличение степени общественно-политического развития русских городов сказалось в статье И. У. Будовница, опубликовавшего в 1952 г. небольшую статью, посвященную роли горожан в объединении русских земель вокруг Москвы[22]. В этой статье И. У. Будовниц высказал мало обоснованное мнение о значительных успехах в развитии внутреннего рынка и о том, что уже с самого начала XIV в. горожане последовательно поддерживали объединительную политику московских князей [23]. В более поздней работе И. У. Будовниц относит значительные успехи в процессе общественного разделения труда к еще более раннему времени — второй половине XIII в. — и считает, что «самым знаменательным в описываемое время является факт хозяйственного и политического роста северо-восточных городов. Старые центры края — Владимир, Ростов и Суздаль, разрушенные дотла ордами Батыя, потеряли свое былое значение. Зато во второй половине XIII в. наблюдается рост новых городских центров»[24]. Ниже, при рассмотрении конкретного материала, мы увидим несправедливость этого положения.

За последние годы наука обогатилась ценными материалами археологических исследований городов. Среди тру-

---

[22] См. И. У. Будовниц. Поддержка объединительных усилий Москвы населением русских городов. В кн. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952.

[23] См. там же, стр. 118—119.

[24] И. У. Будовниц. Отражение политической борьбы Москвы в тверском и московском летописании XIV века. «Труды древнерусской литературы», т. XII. М.—Л., 1956. стр. 81.

дов советских археологов по изучению русских городов видное место занимают работы Н. Н. Воронина, которому принадлежат многочисленные статьи, посвященные отдельным вопросам истории многих городов Северо-Восточной Руси — Владимира, Твери, Ярославля, Переяславля-Залесского, Коломны, Мурома, Старицы, а также и несколько работ общего характера, как например, его доклад об итогах и задачах археологического изучения русского города на сессии ИИМК в 1950 г.

Ценные историко-археологические исследования произведены Б. А. Рыбаковым о Звенигороде, М. Г. Рабиновичем, А. В. Арциховским, М. В. Фехнер и другими — о Москве, Л. А. Голубевой — о Верее и Белоозере, Э. А. Рикманом — о тверских городах.

В целом изучение русских городов XIV—XV вв., в том числе и северо-восточных, в советской литературе достигло уже заметных успехов. Это позволяет предпринять попытку обобщения материалов истории городов Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. на основе учета данных письменных источников, вообще говоря, весьма скудных для изучения городов, а также результатов археологических исследований.

Главной задачей изучения городов XIV—XV вв. является исследование их социально-экономического развития, их места и значения в процессе объединения русских земель.

Методологическую основу такого исследования составляют труды основоположников марксизма-ленинизма, подвергнувших в ряде работ глубокому анализу общие проблемы развития феодализма, зарождения буржуазных отношений и роли городов в этом процессе, образования централизованных государств.

Феодализм в различных странах имел многочисленные и разнообразные особенности, но основные закономерности развития феодального способа производства были едиными во всех странах и у всех народов. Точно так же и феодальные города по-разному развивались в разных странах, что обусловливалось особенностями исторического развития той или иной страны. Но при этом общее направление развития городов в феодальную эпоху всюду было единым. Наличие этих общих закономерностей исторического развития феодальных городов установлено в трудах основоположников марксизма-ленинизма, указавших подлинно научный путь

исследования социально-экономических отношений в городах.

Подчеркивая, что «вся внутренняя организация народов, все их международные отношения... являются выражением определенного вида разделения труда»[25], К. Маркс указывал, что «основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем обмена товаров, является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности»[26]. Таким образом, городам принадлежит важнейшая роль в ходе исторического прогресса. Особенно большое значение имели города в период формирования буржуазии и разложения феодализма, когда «бюргеры стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и обмена, образования социальных и политических учреждений»[27]. «Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов; из этого сословия горожан развились первые элементы буржуазии»[28].

Однако в средние века города были тесно связаны с господствующим феодальным строем. Степень развития товарного производства была еще незначительной. В этот период городской ремесленник был «сам еще до известной степени крестьянин»[29]. Развитие товарного производства и товарного обращения на определенном этапе играло вспомогательную роль в феодальной экономике и еще не вело к разложению феодализма, так как, по словам К. Маркса, товарное обращение может существовать, несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначенных непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем объеме подчинен господству меновой стоимости. В период средневековья «производство с целью обмена, производство товаров еще только возникало. Отсюда — ограниченность обмена, ограниченность рын-

---

[25] К. Маркс. Ф. Энгельс. Избранные письма. 1953, стр. 25.
[26] К. Маркс. Капитал, т. I, 1951, стр. 360.
[27] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. В кн. «Крестьянская война в Германии». 1952, стр. 154.
[28] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 4, изд. 2-е, стр. 425.
[29] К. Маркс. Капитал, т. III, 1949, стр. 911.

ка, стабильность способа производства, местная замкнутость по отношению к внешнему миру, объединение внутри местных рамок, марка в деревнях, цехи в городах»[30].

Принципиально важным условием успешного изучения истории городов в феодальную эпоху является рассмотрение их в тесной связи с общей обстановкой социально-экономического развития страны в целом.

Изучая северо-восточные русские города XIV—XV вв., необходимо постоянно помнить, что эти города существовали и развивались в стране, где феодализм находился еще в полосе своего подъема, в отличие от некоторых стран, где уже в XV в. феодальная система приходила в упадок и где крепостничество становилось пройденным этапом. Историческое значение городов в данную эпоху было разным в разных странах. Поэтому открытие аналогий и тождеств социально-политической характеристики городов на Руси и в других странах указанного времени не может полностью разрешить задачу исследования места и значения городов в историческом процессе. Исследование истории русских городов нужно вести в неразрывной связи с условиями их развития, созданными общественно-экономической обстановкой в стране, и установить, каким образом в данных условиях проявлялись те общие закономерности, которые вскрываются при сопоставлении городов разных стран в феодальную эпоху.

Предметом изучения в настоящей работе являются северо-восточные русские города (без Мурома и Рязанской земли) в период от монголо-татарского нашествия до 80-х годов XV в., т. е. в период складывания предпосылок для объединения русских земель в одном государстве.

---

[30] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. 1950, стр. 256.

Глава I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XV вв.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Термин «город» в источниках имеет разные значения. Советская наука при изучении городов имеет в виду город как особое социально-экономическое явление феодального общества, как центр ремесла, торговли, товарного производства и товарного обращения, отличающийся по своей социально-экономической характеристике от других видов поселений или укреплений.

К сожалению, до сих пор можно встретить некритическое отношение к понятию «город» в источниках, следствием чего являются ошибки в важных оценочных положениях. Так, в «Очерках истории СССР XIV—XV вв.» безоговорочно сообщается, что «в XV веке в Северо-Восточной Руси насчитывалось до 78 городов»[1]. Авторы «Очерков» ссылаются при этом на подсчет городов, сделанный П. П. Смирновым. Но П. П. Смирнов под «раннефеодальным городом» того времени понимал лишь укрепленное поселение и в соответствии с этим производил свой подсчет. При этом он сам отмечал, что его список «не может иметь в настоящее время абсолютного значения»[2], исходя, впрочем, из соображений о неполноте данных источников относительно городов в его понимании.

---

[1] Очерки истории СССР XIV—XV вв. Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто. М., 1953, стр. 112.

[2] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. т. I. М.—Л., 1947, стр. 76.

Между тем при изучении средневековых городов необходимо обязательно убедиться в том, что мы имеем дело в каждом отдельном случае именно с городом в социально-экономическом значении этого термина. Только в этом случае можно избежать односторонности и натяжек в определении общего характера и уровня социально-экономического развития всей страны в целом.

Вместе с тем мы хотели бы обратить внимание и на другую сторону вопроса. Наблюдения над источниками показывают не только то, что термин «город» имел несколько значений, но и то, что эти значения действительно связаны с разными общественными функциями феодального города.

Чаще всего под городом понимаются укрепления. В летописях читаем: «замыслиша рубити град Москву» (1393 г.)[3], князь Борис Константинович в Нижнем Новгороде «заложи город сыпати» (1363 г.)[4] и т. п. В многочисленных жалованных грамотах встречаем освобождение населения феодальных владений от повинности: «А города не делают»[5]. Известный список русских городов конца XIV в. был именно списком укреплений, военно-оборонительных сооружений[6]. Термин «город» употреблялся и по отношению к временным полевым укреплениям. О татарском «царе» Улу-Мухаммеде в летописи под 1437 г. сказано, что он «постави себе город на реце на Белеве, от хврастиа себе исплет, и снегом посыпа, и водой поли, и смерзся крепко, хотя тут зимовати»[7]. Городом называли и другие военные сооружения. Афанасий Никитин так описывал индийское войско: «А бой их все слоны... да на них учинены городкы, да в городке по 12 человек в доспесех, да все с пушками да стрелами»[8]. Таким образом, термины «город», «град», «городок» широко применялись ко всякого рода военно-оборонительным сооружениям. В этом смысле городами назывались в источниках и укрепленные усадьбы, феодальные замки[9].

---

[3] ПСРЛ, т. XV, стр. 421.

[4] ПСРЛ, т. XV, вып. 2, ч. I, стр. 74.

[5] АСВР, т. II, № 192 и др.

[6] См. М. Н. Тихомиров. «Список русских городов дальних и ближних». «Исторические записки», т. 40, стр. 219.

[7] ПСРЛ, т. VI, стр. 150.

[8] Там же, стр. 331.

[9] О них см. А. В. Арциховский. Археологические данные о происхождении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. ПИДО, 1936, № 5.

Если нельзя, следовательно, видеть во всяком «городе» источника действительного города, то, с другой стороны, можно заметить, что указанное употребление термина «город» отразило одну из важных функций города в феодальную эпоху, вследствие чего этот термин и распространился так широко по отношению ко всяким оборонительным сооружениям. Город был укрепленным поселением, наличие укреплений — характерная, специфическая черта феодальных городов, возникавших и развивавшихся в обстановке укрепления собственности на землю, усиления могущества феодалов, частых междоусобных войн и внешних вторжений, облегчавшихся господством феодальной раздробленности.

Термин «город» распространился с укреплений собственно городов не только на всякие иные оборонительные сооружения, но и на само поселение, окруженное укреплениями. Так, летопись говорит, что Димитрий Донской «славный град свой Москву стенами чюдными каменми огради»[10]. В 1304 г. «много бысть замятни Суждальской земли во всех градех»[11]. Город как особый тип поселения источники отличают от других поселений и территорий. Рассказывая о московско-тверском конфликте в 1367 г., летопись отмечает, что московская рать вторглась в тверские пределы, но «божиим же заступлением градов не вземше, възвратишася назад, извоевавше точию власти и села»[12]. В таком же смысле упоминается о городе в рассказе об эпидемии 1364 г.: «Не токмо же в граде Переяславле было се, но и по всем волостям Переяславским был мор, и по селам и по погостом, и по монастырем... и в градех мертвыя, и в селех и в домех мертвыя»[13]. В 1319 г. кн. Юрий Данилович с Кавгадыем «нача грады жечи и многа села»[14]. В житии Петра митрополита говорится о том, что он после Переяславского собора 1311 г. «паче нача учити не токмо по градам, но и по весям»[15].

Различие между городом и другими населенными пунктами можно видеть также в терминологии актового материа-

---

[10] ПСРЛ, т. XI, стр. 109
[11] НПЛ, стр. 92.
[12] ПСРЛ, т. XI, стр. 8.
[13] М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 380.
[14] ПСРЛ, т. VII, стр. 190.
[15] Памятники церковно-учительной литературы, собранные Павловым, № 17, стр. 159.

ла, например духовных и договорных грамот, где перечисление владений всегда ведется в определенном порядке: сначала города, потом волости, затем села. Если какой-либо пункт, как например Руза, переходит из разряда «волостей» в «города», это, по-видимому, свидетельствует о действительных изменениях в его положении. Характерно, что, например, Шерна городок или Вышгород ни разу не указываются в числе городов, и это вполне объяснимо — они были лишь феодальными замками, укреплениями, но вовсе не городами в смысле особого типа поселения[16].

Таким образом, термин «город» в этом значении отчетливо выделяется как особый тип укрепленного поселения, отличного от деревни.

Характерно то, что в источниках изучаемого периода термин «город» в смысле населенного пункта распространяется во многих случаях только на поселение внутри укреплений. Отсюда очень часто встречаемые в летописи выражения: «... приходи рать Литовская к Можайску, и пожгоша посад, а города не взяша»[17], «князь Димитрей Юрьевич Шемяка пришел на Кашин город изгоном, города не взял, а посади пожега»[18], «погоре град Тверь весь и посад»[19]. Такое употребление термина «город», когда он противопоставляется посаду, исторически легко объяснимо, ибо возникновение посадов происходит позднее, чем появление укрепленных мест — городов.

Наряду с таким значением слова «город» мы встречаем много случаев, когда оно вбирает в себя и собственно город, и посад. Под 1365 г. в Симеоновской летописи говорится: «... погорел весь город Москва — и посад, и Кремль, и загородье, и заречье»[20]. Здесь понятие «город» обнимает все части города.

Летописные источники употребляют также термин «город» в смысле городского населения, например при рассказе о проводах кн. Александра Михайловича в Орду из Твери в 1339 г. сообщается, что «и бояре, и гости, и житейские мужи, и весь град плакался о нем»[21]. Понятно, что речь тут идет о всем городском населении, включая и

---

[16] ДДГ, ст. 34, 346.
[17] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 117.
[18] ПСРЛ, т. XV, стр. 495.
[19] ПСРЛ, т. I, стр. 540.
[20] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 104.
[21] ПСРЛ, т. X, стр. 204.

посадское. Точно так же можно думать, что термин «граждане» тоже относится не только к жителям собственно города, но также и посада[22].

Несомненно, что в этом смысле, т. е. имея в виду не только собственно город, но и посад, летопись говорит и в других случаях. Таковы, например, сообщения о вторжении татар в 1237 и 1293 гг. Под 1237 г., после рассказа о гибели Владимира, взятии других городов, летописец подводит итог: «А на Ростовской и Суздальской земли взяша городов 14, опроче свобод и погостов, в один месяц февруаль»[23].

Точно так же распространение термина «город» на все городское население, включая и посад, мы ясно видим в терминологии многочисленных жалованных грамот XIV—XV веков. Эти грамоты часто говорят о так называемом «смесном суде» между городским и сельским населением, подвластным княжеской власти, и монастырскими людьми, которые подлежат суду своего монастыря. В жалованной грамоте кн. Андрея Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на двор в Угличе говорится, что монастырь имеет «двор на Углече на посаде», что «у них в том дворе живут дворники», которые неподсудны угличским наместникам и их тиунам, что предусматривается процедура рассмотрения конфликта, если «случитца суд городцким людем или становным с монастырскими дворники»[24]. Очевидно, что речь тут идет о жителях угличского посада, которые могут оказаться в конфликте с дворниками, расположившимися тут же, на посаде, и что термин «городские люди» относится и к посадским жителям. В этом убеждает контекст аналогичных грамот на дворы в Кашине и Владимире [25], а также многих других грамот, где часто упоминается о смесном суде с городскими людьми.

Поэтому и в летописях термин «гражданы», «градские люди», как отмечено выше, исходит из понимания под словом «город» всего городского поселения, включая и посад.

Такое содержание понятия «городские люди» в источниках не только отражает отделение города от деревни, но и

---

[22] См., напр., рассказ 4-й Новгородской летописи об обращении новгородца Якова Прокофьева к устюжанам по поводу поимки Анфала, где устюжане названы «гражанами». ПСРЛ, т. IV, стр. 103.

[23] ПСРЛ, т. XXV, стр. 128.

[24] АСВР, т. I, № 506.

[25] Там же, № 298, 312.

содержит ясное указание на то, что посад в XIV—XV вв. рассматривался, как неотъемлемая составная часть города.

Феодальный город являлся не только средоточием ремесла и торговли. В системе общественных отношений феодализма он выполнял также важную функцию административно-политического центра, являясь опорой феодального властвования. Эту функцию феодального города отразило употребление термина «город» в источниках еще в одном значении. Например, в духовной грамоте великого князя Семена Ивановича мы видим такие выражения: «а в Переяславле купля моя село Самаровьское», «село на Костроме Олександровьское», село «в Дмитрове, что есмь купил у Ивана у Дроцьского» [26]. Во второй духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича — «село Василевское в Ростове», «село Богородицкое в Ростове» [27]. В 1504 г. вел. кн. Иван Васильевич посылал своих людей «городу Кашину с городом с Ростовом разъезд учинити» [28]. В духовной грамоте вел. кн. Василия Васильевича 1462 г. читаем о владениях великой княгини: «А что се купли, Романов городок, и Шокстна, и иные волости и села, в которых городах ни буди, в том волно моя княгини» [29]. Здесь названия городов и сам термин «город» выступают как обозначение целого уезда, центром которого является данный город. В соответствии с этим и само слово «город» и производные от него получают такое значение. Например, в духовной Ивана Калиты говорится о городских волостях и городском оброке [30], в духовной Ивана Ивановича — о городских пошлинах [31] и т. п. Мы будем еще касаться конкретного содержания этих пошлин и оброков, сейчас важно отметить, что они названы городскими не потому, что ими обложены горожане, а потому, что они собираются в городе, к которому «тянет» уезд. Поэтому и термин «город» употребляется иногда в значении «уезд».

Следовательно, термин «город» и производные от него имеют в наших источниках значения: а) всякого укрепле-

[26] ДДГ, стр. 14.
[27] Там же, стр. 33.
[28] Там же, стр. 371.
[29] Там же, стр. 196.
[30] Там же, стр. 5.
[31] Там же, стр. 17. О городских пошлинах упоминается также в новгородско-тверских докончаниях. См., напр., ГВНиП, № 5.

ния вообще; б) поселения, прикрытого этими укреплениями, собственно города, в противоположность другим видам поселений, в том числе и посада; в) города вместе с посадом, выделенных от остальной массы поселений и укреплений, соответственно этому и термин «городские люди» приобретает такое же значение; г) городского уезда, который «тянет» к городу — центру феодальной округи.

Поэтому в источниках иногда рядом употребляется термин «город» в разном значении. Например, в рассказе 2-й Софийской летописи о набеге кн. Даниила Борисовича на Владимир в 1410 г. упоминается, что «града тогда не было» (в смысле отсутствия в тот момент по каким-то обстоятельствам укреплений), но далее, описывая уничтожение владимирского посада, а потом и центральной части города с соборной церковью Успенья богородицы во главе, летопись вновь употребляет термин «город» в другом смысле — «огнем град запалиша»[32].

Употребление термина «город» и производных от него разнообразно, в совокупности значений оно охватывает все характерные черты феодальных городов. Города были укрепленными поселениями, центрами ремесленно-торговой деятельности, средоточием которой были посады; города являлись также центрами феодального господства, феодальной государственной и хозяйственной организации.

Таким образом, многообразие функций феодального города отмечается уже при знакомстве с терминологией источников, оно отчетливо выступает при конкретном рассмотрении развития городов и их роли в XIV—XV вв.

2. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ В XIV—XV вв.

Вторжение татаро-монголов на Русь в середине XIII столетия особенно тяжело отозвалось на русских городах. Города были разрушены, их население либо погибло, либо уведено в плен.

Развитию городского ремесла был нанесен тяжелый удар. Разрушились рыночные связи ремесленного производства, были забыты некоторые сложные технические навыки ремесленного искусства древней Руси[1]. На полвека

---

[32] ПСРЛ, т. VI, стр. 139.

[1] См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, 1948, стр. 525—534.

прекратилось каменное строительство в городах, достигшее столь значительных успехов в период до нашествия. «Политика Золотой Орды была вообще враждебна городам»[2], — писал К. В. Базилевич, и это вполне понятно: разрушая города, татары ликвидировали не только укрепленные центры сопротивления захватчикам, но и очаги того экономического развития, которое создавало материальные предпосылки для борьбы за независимость. Крайне отрицательное значение для развития городов имела образовавшаяся в период монголо-татарского ига изоляция русских земель от мировых торговых путей. Только Новгородская земля поддерживала еще непосредственные связи с европейскими торговыми путями. Северо-восточные города оказались в глубине континентальной страны, к тому же разоренной и постоянно вновь разоряемой вторжениями.

Но татаро-монгольское иго не могло изменить внутренних закономерностей развития, оно могло только задержать его. «Татары нигде не меняли общественного строя завоеванных земель, да и едва ли в силах были это сделать»[3], — отмечал Б. Д. Греков. Поэтому предпосылки для возникновения и развития городов, коренящиеся в самой общественно-экономической структуре феодального строя, продолжали существовать и в период татаро-монгольского ига, несмотря на созданные им тяжелые условия развития городов и многочисленные их опустошения.

XIV—XV вв. были временем дальнейшего развития феодального землевладения и хозяйства в Северо-Восточной Руси. Производительные силы постепенно восстанавливались, а со второй половины XIV в. наступил новый подъем ремесленного производства. Развитие феодальной экономики страны создавало необходимые объективные предпосылки восстановления и развития городов, с другой стороны, оно выдвигало потребность в городах. Подъем земледельческого хозяйства обеспечивал возможность концентрации населения в городах и снабжения их продуктами сельскохозяйственного производства. Между тем хозяйственное освоение Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. совершалось под влиянием увеличения плотности населения в этом крае весьма интенсивно, о чем свидетельствуют

[2] К. В. Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории», 1949, № 11, стр. 76.
[3] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 76.

наблюдения над актовым материалом. Появилось множество «починков», «слобод», распахивались «пустоши».

Необходимым дополнением феодальной экономики было товарное производство и обращение. Феодалы не могли обойтись без городов не только как укрепленных пунктов, но и как мест сбыта и приобретения продуктов промыслового и земледельческого хозяйства, предметов вооружения и роскоши. Средневековые города по своему происхождению неразрывно, органически были связаны с феодальным строем социально-экономических отношений и являлись необходимым и неизбежным их порождением. Конечно, поскольку города становились центрами товарного производства и обращения, постольку они несли в себе зародыш новых общественных отношений, враждебных феодализму. Но превращение этого зародыша в реальную историческую силу зависело от многих объективных условий, и в течение столетий города, содержа в себе объективную тенденцию возникновения новых общественных отношений, оставались необходимой составной частью феодального строя. Степень развития товарно-денежных отношений была при этом очень незначительной, господство натурального хозяйства и феодальной собственности долгое время сильно ограничивало сферу распространения товарного производства и обращения. Товарное производство, очагом которого были города, тогда обслуживало лишь феодальный строй, представляло собой вспомогательную силу в экономике.

Поэтому, нисколько не переоценивая степень развития денежных отношений, мы не можем в то же время отрицать сам факт их наличия, неизбежный в феодальном обществе. Зародившись еще в период возникновения классового общества, товарное производство и товарное обращение сопровождали докапиталистические формации. Тем самым существовала объективная экономическая основа возникновения городов как центров товарного производства и обращения всюду, где господствовал феодализм. Какими бы конкретными путями ни возникали города, они не могли существовать и развиваться, если не было товарного производства и обращения. Правильно обратив внимание на то, что организующей силой строительства и развития городов часто выступала княжеская власть, буржуазные историки не учитывали объективных закономерностей социально-экономического развития, и поэтому деятельность

княжеской власти рисовалась им в виде определяющей силы в истории северо-восточных городов, в то время как сама эта деятельность могла протекать лишь в рамках и на основе определенных объективных условий.

Искусственно существующих городов вообще не может быть в обществе, как не может быть искусственно созданного землевладения, государства и т. п. явлений общественного развития. Те города, которые появились лишь в результате потребности княжеской власти и, следовательно, были «нужны правительству раньше, чем населению», не развились в настоящие города, оставшись феодальными замками или военными крепостями. Вероятно, что в Северо-Восточной Руси их было значительно больше, чем подлинных городов, но так было в любой феодальной стране и нет никаких оснований соглашаться с мнением о принципиальном отличии «деревенской Московской Руси» XIV—XV вв. от «городской» Новгородской земли, тем более что в самой Новгородской земле, кроме Новгорода и Русы, города были развиты слабо[4].

Помимо наличия объективных социально-экономических предпосылок восстановления и развития городской жизни в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., нужно учитывать и другие факторы, способствовавшие росту городов. Главным из них была острая потребность обороны от внешних нашествий, заставлявшая князей усиленно заботиться о строительстве городов и привлекавшая население под защиту городских стен, валов и рвов. Рост плотности населения, стекавшегося в относительно безопасную Северо-Восточную Русь, также способствовал строительству и развитию городов. Развитие городов в феодальную эпоху, при узости сферы товарного производства и обращения, было особенно тесно обусловлено конкретными местными особенностями, оно непосредственно зависело от окружающей феодальной экономики.

Восстановление городов началось сразу же после ухода Батыя. «Ярослав Владимирович по Батыеве пленении приде с детьми своими и нача грады разоренные от Батыя ставити по своим местам»[5].

---

[4] В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. Л., 1958, стр. 86—136.

[5] ПСРЛ, т. X, стр. 140; ср. т. XXV, стр. 130.

3. РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКИЕ ГОРОДА

Древнейшим районом развития городской жизни в Северо-Восточной Руси было издавна освоенное земледельческое «ополье». Характеризуя его, С. Б. Веселовский писал: «Сочетание благоприятных для земледелия природных условий с удобными путями сообщения было причиной того, что так называемое Владимиро-Суздальское ополье было одной из древнейших и наиболее значительных местностей поселения славян в Северо-Восточной Руси. Река Клязьма представляла удобный путь сообщения для междуречья Волга— Ока с Окой и Волгой. Кроме Клязьмы, в Суздальщину вел другой важный водный путь, соединяющий ее с верхним Поволжьем. От Ярославля поднимались по р. Которосли и до оз. Неро (Ростовского), на берегах которого находится один из древнейших городов Руси — Ростов. Пройдя оз. Неро, поднимались по р. Саре, а с верховья Сары переходили волоком в небольшую речку Дубец, приток Нерли, и по Нерли спускались в Клязьму. Отсутствие в области ополья лесов и болот и хорошая сравнительно почва благоприятствовали со своей стороны развитию земледелия»[1]. В свою очередь подъем земледельческого хозяйства и связанного с ним ремесла и развитие феодальных отношений вызывали к жизни города в этом районе[2].

До монголо-татарского нашествия развитие городов в этом районе имело особенности, исследованные М. Н. Тихомировым. Общие условия городской жизни были здесь менее благоприятными, чем в Киевской или Новгородско-Псковской землях. «Ни Ростов, ни Суздаль, ни Владимир, ни Переяславль не могли похвастаться своим географическим положением на мировых торговых путях, подобно Новгороду и Киеву. Поэтому они всегда имели характер местных городских центров, терявших свое значение очень быстро в связи с изменением политического соотношения сил. Большинство городов Залесской земли возникли как местные центры, связанные с определенным округом»[3]. Такими округами и были земледельческие «ополья», в центре которых развивались города. Что касается удобства

[1] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947, стр. 157.

[2] См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 60.

[3] См. там же, стр. 393—394.

водных путей сообщения, отмеченного С. Б. Веселовским, то эти пути сообщения имели преимущественно местный характер. Значение Волги как крупного международного торгового пути определилось позднее, уже в рассматриваемое нами время, и оказало непосредственное влияние на судьбу древнейших городов Ростово-Суздальской или Владимиро-Суздальской земли.

В середине XIII в. эти местные городские центры подверглись полному разорению и опустошению со стороны монголо-татар. Несмотря на это, городская жизнь в этом районе не только не прекратилась, но получила в XIV — XV вв. дальнейшее развитие.

Ростов существовал уже в IX в. и с XI в. стал крупным политическим центром. В первой половине XIII в. Ростов был значительным ремесленным и торговым центром, большим по масштабам того времени древнерусским городом.

После монголо-татарского разорения издавна освоенное земледельцами плодородное ростовское «ополье» привлекало бежавшее из опустошенных татарами районов население, причем относительно глубинное положение Ростова в Северо-Восточной Руси не могло не способствовать превращению этого района в один из наиболее заселенных центров Залесской земли. К этому надо прибавить наличие важных путей, связывавших между собой русские земли и проходивших через Ростов. Важнейшим из них в XIV—XV вв. стал путь из Москвы через Переяславль Залесский и Ростов на Кострому, по которому центральные русские земли связаны были с великим волжским водным путем и по нему — с Ордой. Через Ростов шли также дороги из центра на Север, приобретший большое значение для Москвы в период образования Русского централизованного государства. Зимой через Ростов ездили из Москвы на Вологду [4], летом по водным путям проходили монастырские суда на Белоозеро[5]. По р. Которосли Ростов имел и другой выход на Волгу к Ярославлю [6].

Помимо земледелия, в районе Ростова развивались также важные промыслы — рыбные, преимущественно на озере Неро, и соляные («Соль Ростовская») [7].

[4] См. М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 91.
[5] См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 224.
[6] См. С. Б. Веселовский. Указ. соч. стр. 157.
[7] ДДГ, стр. 233.

Развитие производительных сил в районе Ростова в XIV—XV вв. способствовало росту феодального землевладения и хозяйства. Феодализация общественных отношений в Ростово-Суздальской земле вообще началась сравнительно рано и достигла значительного развития ко времени монгольского нашествия. Теперь возобновился интенсивный рост феодального землевладения в Ростовском уезде. Здесь были и земли московских князей, «купли» и «прикупы» которых в Ростове мы прослеживаем уже с духовной грамоты Ивана Калиты, и владения Троице-Сергиева монастыря, и вотчины Сабуровых, Патрикеевых и других крупных феодалов. Огромный земельный массив величиной свыше 20 тыс. десятин был приобретен в конце XIV в. московским митрополичьим домом, выменявшим свой город Алексин на Карашскую волость в Московском уезде. Уже в первой половине XIV в. в Ростове и уезде образовалось 7 новых монастырей [8].

Подъем экономики и рост феодального землевладения в Ростовском уезде создали благоприятные предпосылки для восстановления и развития Ростова как феодального города.

Судя по сообщениям летописи, Ростов, видимо, меньше пострадал от нашествия татар, чем Владимир, так как сразу же после битвы на р. Сити имеются известия, свидетельствующие о продолжении жизни в городе и наличии там населения. Именно Ростов был избран местом погребения погибшего в сражении на Сити великого князя Юрия Всеволодовича и умершего от ран князя Василька Константиновича. Летопись говорит даже о том, что «множество народа» присутствовало при погребении князей в соборной церкви Богородицы [9]. Однако соборная церковь Ростова была, по-видимому, значительно разрушена. Тверская летопись сообщает о том, что в пожаре 1408 г. сгорела дубовая церковь Богородицы в Ростове, простоявшая 168 лет. Следовательно, около 1240 г., т. е. вскоре после нашествия Батыя, в Ростове была выстроена новая дубовая церковь. Очевидно, это было выдающееся произведение строительного мастерства, потому что, сожалея о ее гибели, летописец заметил: «якоже не бывала такова в Русской земли и потом не будет» [10].

Таким образом, в Ростове раньше, чем в других городах

[8] См. М. К. Любавский. Ук. соч., стр. 18.
[9] ПСРЛ, т. XXV, стр. 129.
[10] ПСРЛ, т. XV, стр. 481.

Северо-Восточной Руси, возобновились строительные работы, что было бы невозможным без наличия городских ремесленников. Уже в 1253 г. был произведен ремонт церкви Бориса и Глеба, освященной 2 мая [11]. Очевидно, проводились в первые десятилетия после монголо-татарского завоевания и другие строительные работы в Ростове. В рассказе о деятельности князя Глеба Васильковича, бывшего ростовским и белозерским князем в 1238—1279 гг., летописец отметил, что Глеб Василькович «многи церкви созда и украси иконами и книгами» [12]. Хотя Глеб Василькович во время своего княжения находился преимущественно в Белоозере, он уделял большое внимание и Ростову, имел там свой двор [13], неоднократно бывал в городе, и восстановление церкви Бориса и Глеба было непосредственно связано со стремлением возвысить князей Бориса и Глеба Васильковичей. В 1278 г. Глеб Василькович «приведе с собою полон мног, приеха в свой град Ростов во чести велице и бысть радость велика в граде Ростове» [14]. Поэтому указанное сообщение о строительной деятельности Глеба Васильковича можно с большим основанием отнести и к Ростову. Известия о большой политической активности ростовских горожан и их вечевых собраниях в эти десятилетия, о многолюдных церемониях освящения церквей, переноса мощей, княжеских погребений и венчаний, приездах князей, в том числе и Александра Невского, в Ростов помогают представить город во второй половине XIII в. как один из наиболее значительных городских центров Северо-Восточной Руси, переживающих период своего обновления и подъема.

В 1280 г. в Ростове были произведены уже довольно значительные строительные работы: «епископ Игнатии покры церковь Ростовскую оловом и дно ея мрамором красным» [15], а в 1287 г. была предпринята перестройка церкви Бориса и Глеба. [16].

К началу XIV в. Ростов был значительным для того времени городом, с большим количеством церквей и других построек. Во время бури 2 июня 1301 г. были разрушены до основания 4 церкви, а со многих других церквей и «хоро-

[11] ТЛ, стр. 324.
[12] Там же, стр. 336.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же, стр. 335.
[16] Там же.

мов» сорваны крыши [17]. Известие о гибели двух больших колоколов в Ростове в 1304 г. [18] косвенно указывает на наличие там сложного колокололитейного производства, о котором для более позднего времени источники говорят совершенно определенно.

Подъем Ростова был, вероятно, задержан новыми татарскими вторжениями. В 1316 г. татары «много зла сътвориша Ростову» [19], а спустя два года татарский «посол» Кокча после нападения на Кострому «пограби Ростов и церкви разграби, а люди плени»[20]. В 1320 г. вновь «бяша в Ростове злии татарове». К этим же годам относятся неурожаи в Ростовской земле вследствие стихийных бедствий[21]. Серьезно пострадало население города от мора 1365 г. Все эти обстоятельства должны были неблагоприятно сказаться на дальнейшем росте Ростова, но, хотя сообщения о строительстве в городе надолго исчезают со страниц летописей, было бы неправильным делать на этом основании вывод об упадке города. Летописные сообщения о городском строительстве вообще неполны, а кроме того, у нас есть недатированное известие о сооружении епископом Федором каменного собора Богородицы [22]. Во всяком случае, на протяжении XIV в. Ростов стал большим и богатым городом, о чем мы можем судить по описаниям гибели города во время пожара 21 июня 1408 г. Сгорела соборная церковь Успения Богородицы, «яко и камение распадеся», а ее свинцовое покрытие расплавилось от пожара. Упали «комары», и обвалился украшенный золотом вход в собор. Сгорели иконы и многочисленные драгоценности в храме — золотые и серебряные изделия, украшенные жемчугом. Пожаром было уничтожено 14 церквей [23], сгорел почти весь город, в том числе княжеские и боярские дворы. В огне пожара плавились ко-

[17] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 95.
[18] ПСРЛ, т. X, стр. 275.
[19] ПСРЛ, т. XIII, стр. 107.
[20] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 108.
[21] ПСРЛ, т. XI, стр. 128.
[22] ПСРЛ, т. VI, стр. 122.
[23] В 1211 г. во время пожара в Ростове было уничтожено 11 церквей. Комментируя это известие, М. Н. Тихомиров отметил, что цифра в 11 церквей — «значительная и показательная для большого древнерусского города» (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, изд. 2. М., 1956, стр. 396). Отметим и то, что летописец сам сравнивал пожар 1408 г. с пожаром 1211 г., указав, что «толь велика пожара за двесте лет не бывало в Ростове» (ТЛ, стр. 467).

локола ростовских церквей. Погибло много людей: свыше трехсот человек утонули в озере, пытаясь спастись там от огня, а в городе сгорело «боле яко тысячи душ»[24]. Несмотря на тяжелый урон от пожара 1408 г., город стал восстанавливаться, но зимой того же года вновь подвергся сожжению во время нападения Едигея. По-видимому, к этому времени многие здания были уже отстроены вновь. Татарам не удалось поджечь Зачатьевский монастырь, но ущерб городу был нанесен снова большой. Горожане ушли из города при известии о приближении татарских полчищ[25].

Но вскоре опять начались восстановительные работы. Указанием на развитость ростовского ремесленного производства служат сообщения о восстановлении Успенского собора в 1409—1411 гг. Это каменное сооружение со свинцовыми покрытиями было построено довольно быстро для того времени, что изумило самих ростовцев: «людие дивляхуся, яко вборзе тако сделана бысть церковь»[26]. А в следующем, 1412 году, были «политы колоколы в Ростове»[27]. Значит, сложное для того времени колокололитейное искусство существовало в Ростове, и это известие бросает свет на состояние ремесленного производства в Ростове XIV—XV вв.

Суммируя общие впечатления о развитии Ростова в XIV—XV вв., можно представить, что город, несмотря на тяжелый урон, который он нес от татарских вторжений и других бедствий (отметим еще мор 1419 г.), сохранил в этот период значение крупного городского центра. Есть достаточные основания предполагать, что Ростов был тогда значительным центром ремесла и торговли. Помимо приведенных данных, об этом свидетельствует большое количество населения, наличие посада[28], указания источников на чеканку монет в Ростове[29]. О сборе торговых пошлин в Ростове говорится в жалованных грамотах Троице-Сергиеву монастырю[30]. Одна из частей города называлась в XV в. Заторжьем[31], что также указывает на существование

[24] ПСРЛ, т. VI, стр. 135; т. XV, стр. 481—482; т. XXV, стр. 237.
[25] ПСРЛ, т. XV, стр. 483.
[26] М. Толстой. Древние святыни Ростова Великого. М., 1847, стр. 20.
[27] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 144.
[28] Там же, стр. 153.
[29] См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, 1948, стр. 680.
[30] АСВР, т. I, № 97, 108.
[31] М. Толстой. Ук. соч., стр. 20.

постоянного торга в городе. О ростовском торге находим упоминание в житии царевича ордынского Петра[32].

Ростов приобрел немаловажное значение в системе владений Московского великого князя. Формальная самостоятельность Ростовского княжества сохранялась до 1474 г., но фактически ростовские князья уже с XIV в. находились в полной зависимости от Москвы. По требованию московских князей они участвовали во многих походах, собирая в Ростове свои полки. Политическое значение Ростова усиливалось тем, что он был центром огромной епархии, включавшей в себя Ярославль, Углич, Мологу, Белоозеро и Устюг. Среди других русских епархий ростовская имела большое значение. Ростов был крупным церковным центром, причем ростовские церковные деятели были очень тесно связаны с московской митрополией и великокняжеской властью. Они активно поддерживали ее в борьбе за объединение русских земель. Первую каменную церковь в Москве — Успенский собор, сооружение которого имело большое политическое значение, освящал ростовский епископ Прохор, а первый архимандрит первого московского монастыря — Иван — стал впоследствии ростовским епископом. Ростовские епископы участвовали в принятии важнейших политических решений московских князей, связанных с оформлением их духовных грамот. Роль Ростова для великокняжеской власти особенно ярко проявилась в годы феодальной войны второй четверти XV в. Ростов был тогда надежным убежищем великого князя и его семьи во время опасности, нависшей над Москвой. В 1432 году из Ростова пришло первое тревожное известие о движении Юрия Дмитриевича из Галича на Москву. Противники Москвы не решались появиться в Ростове, — потерпев поражение в 1431 г. между Ярославлем и Ростовом, Василий Косой «бежа в Кашин мимо Ростов»[33]. Ростовский епископ был во главе того духовенства, которое обратилось в 1447 г. к Димитрию Шемяке с требованием прекратить борьбу против великого князя[34]. С 1468 г. ростовским архиепископом стал знаменитый Вассиан Рыло, явившийся затем личным духовником Ивана III и оказавший на него большое влияние.

---

[32] М. Толстой. Ук. соч., стр. 20.
[33] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 183.
[34] АИ, т. I, № 40.

Развитие Ростова в XIII—XV вв. в значительной степени было связано с деятельностью сильных и богатых духовных феодалов, вкладывавших средства в городское строительство, а также великокняжеской власти. Ростовская епископия концентрировала в своих владениях ремесленников разных специальностей, обслуживавших потребности церкви, и не случайно в конце XV в. из Ростова по приказу епископа выезжали мастера-строители в другие города обширной ростовской епархии.

Ростов был и одним из наиболее крупных культурных центров своего времени. Здесь были богатые собрания книг при монастырях и церквах — о них упоминают жития Сергия Радонежского и Стефана Пермского и сообщение о пожаре 1408 г.[35].

В Ростове развивалось летописание, проникнутое объединительными тенденциями. Как предполагал М. Д. Приселков, оно возобновилось еще в 1207 г. (после перенесения летописания во Владимир в 1158 г.), а после Батыева нашествия владимирское летописание перешло в Ростов[36]. Ростовские живописцы писали иконы, продававшиеся на городском торгу[37].

Несмотря на утрату прежнего политического значения, Ростов XIV—XV вв. оставался значительным и развитым феодальным городом Северо-Восточной Руси.

Основанный в 1152 г. Юрием Долгоруким **Переяславль-Залесский** был расположен в одном из самых плодородных районов Северо-Восточной Руси[38]. Здесь находились также соляные разработки[39], бортные угодья[40], рыбные ловли[41]. Через район Переяславля-Залесского проходили важнейшие пути — отсюда шла большая дорога на Москву, а в противоположную сторону эта дорога уходила через Углич

---

[35] ПСРЛ, т. XI, стр. 128, 204; Житие Стефана Пермского, изд. Археографической комиссия. Под ред. Дружинина. СПб., 1897.

[36] См. М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). Уч. зап. ЛГУ, № 32 сер. исторических наук, вып. 2. Л., 1939, стр. 122 и сл.

[37] М. Толстой. Указ соч., стр. 20

[38] См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 413—414.

[39] АЮБ, т. I, № 31—XI.

[40] ДДГ, стр. 13.

[41] ААЭ, т. I, № 143.

на Белоозеро[42]. Водные пути по обеим рекам Перль связывали Клязьму с Приволжьем. Из Переяславля шли сухопутные дороги на Ростов—Кострому, Дмитров—Клин—Тверь. И из района верхней Волги, и из Суздаля и Владимира пути на Москву в XIV в. шли через Переяславль. Была дорога на Коломну минуя Москву. Этой дорогой распространялся в 1364 г. мор, пришедший с низовья Волги и двигавшийся от Нижнего Новгорода по Оке — «на Рязань и на Коломну, а оттуда в Переяславль, а оттуда на Москву»[43]. Троицкая летопись, описав этот же маршрут движения эпидемии, подчеркивает, что мор пришел «с Коломны на другое лето в Переяславль, а от Переяславля на другое лето в Москву»[44]. Видимо, этим же путем вели опального митрополита Пимена «с Коломны на Охну, не замая Москвы, а от Охны в Переяславль»[45].

Переяславский уезд принадлежал в XIV—XV вв. к числу наиболее заселенных в Северо-Восточной Руси, несмотря на татарские погромы второй половины XIII в.[46]. Земли и промысловые угодья принадлежали здесь многим крупным феодалам—московским князьям, митрополичьему дому, Троице-Сергиеву, Благовещенскому и другим монастырям, боярам Плещеевым, Копниным, Квашниным, Воронинным, Свиблу[47] и другим. Условия для развития города были весьма благоприятными, и Переяславль-Залесский, приобретший уже до татаро-монгольского нашествия значение одного из важнейших экономических и культурных центров Северо-Восточной Руси, сохранил это значение и в последующее время.

Летописи часто упоминают о Переяславле во второй половине XIII—XV вв. Здесь происходили княжеские съезды, собирались войска во время междоусобных войн[48].

Есть все основания представлять Переяславль-Залесский этого времени большим и оживленным городом, хотя город неоднократно подвергался разрушениям и опусто-

---

[42] М. К. Любавский. Ук. соч., стр. 69.
[43] ПСРЛ, т. XI, стр. 3.
[44] ТЛ, стр. 380.
[45] ПСРЛ, т. XI, стр. 41.
[46] М. К. Любавский. Ук. соч., стр. 8 и 43.
[47] АФЗиХ, стр. 107—129. См. С. Б. Веселовский. Село и деревня, стр. 13, 98, 102; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение, стр. 82, 146, 149, 155—169, 196 и др.
[48] ПСРЛ, т. X, стр. 175; т. XI, стр. 15; т. XV, стр. 414.

шениям во время междоусобных войн и эпидемий — в 1238, 1293, 1294, 1317, 1382, 1388, 1408, 1419 гг. Особенно страшен был «мор» 1364 г., когда «в граде Переяславли мерли люди по многу на день, по 20, по 30 на день, иногда на день 60, 70 человек, а иногда 100, а таковы дни были же поболе ста на день человек умирало»[49]. Но уже в 1369 г. были быстро («единого лета») сооружены деревянные укрепления Переяславля[50], и это, конечно, не первые по времени оборонительные работы в Переяславле. Речь идет о создании новых укреплений, построенных по приказу великого князя Московского Димитрия Ивановича накануне решительной борьбы с Тверью, в которой военно-стратегическое значение Переяславля было чрезвычайно велико. Вновь укрепления города были построены по приказу Василия Димитриевича в 1403 г.[51]. Симеоновская летопись, рассказывая о печальных событиях 1408 г. (нашествие Едигея), выделила особо сожжение Переяславля в числе других городов, назвав Переяславль-Залесский «великим градом»[52]. По-видимому, это был действительно большой город. Тверская летопись еще под 1372 г. упомянула о посадах у Переяславля во множественном числе («посады и села пожгли»[53]). В 1382 г., когда на город напал отряд Тохтамыша, «гражане выбегоша на озеро в судех и тамо избыша»[54].

К сожалению, археологические раскопки в Переяславле-Залесском не дали существенных данных для изучения ремесленного производства в городе. Слои XIV—XV вв. в произведенных Н. Н. Ворониным раскопках оказались чрезвычайно бедны и кроме керамики ничего не содержали[55]. Указаний в письменных источниках о переяславльском ремесле того времени нет. Лишь писцовая книга 1519 г. указала ремесленников, зависимых от монастырей и живших на посадской земле Переяславля-Залесского. Но все это, конечно, не дает права отрицать существование в Переяславле ремесленного производства, без которого невозможно

---

[49] ТЛ, стр. 380.
[50] Там же, стр. 389.
[51] ПСРЛ, т. IV, стр. 106.
[52] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 158.
[53] ПСРЛ, т. XV, стр. 432.
[54] ПСРЛ, т. VI, стр. 103.
[55] См. Н. Н. Воронин. Раскопки в Переяславле-Залесском. МИА, № 11. М.—Л., 1949, стр. 239.

было бы существование такого значительного города. Некоторые сведения сохранились о переяславльских купцах. В житии Димитрия Переяславльского сообщается о том, что он вышел из семьи богатого переяславльского купца. Брат Димитрия был тоже купцом, трижды ходил на Югру и Печору, где и погиб во время одной из поездок. Эти данные относятся ко второй половине XIV в.[56]. О переяславльских купцах, торговавших с Кафой, есть упоминания в документах начала XVI века[57]. Наличие богатого купечества, занимающегося ведением значительных торговых операций, усиливает представление о Переяславле-Залесском как развитом для своего времени городском центре.

В политических событиях XIV—XV вв. Переяславлю-Залесскому принадлежало видное место. Здесь собирались съезды князей, как например в 1303 г.[58], в 1310 или 1311 г. Переяславль был местом важного церковного собора, на котором при поддержке московского князя была отвергнута предпринятая тверским епископом попытка свергнуть митрополита Петра. Е. Е. Голубинский правильно указал на причину избрания Петром Переяславля местом собора: «Собор созван был не в стольном городе великого князя (тогда великое княжение держал тверской князь Михаил Ярославич. — *А. С.*) и в месте митрополита — Владимире, и не в стольно-удельном городе великого князя — Твери, а в пригороде московского удела — Переяславле нет сомнения, потому что ни ту, ни другую столицу великого князя не желал видеть его местом митрополит: в своих столицах великий князь имел бы большее удобство составить и вести собор таким образом, чтобы он оказался пристрастно-враждебным митрополиту»[59]. Во время борьбы с Тверью, а также с Суздальско-Нижегородским княжеством противники Москвы неоднократно стремились завладеть Переяславлем[60], потому что город имел очень важное значение для Москвы. Однако, когда в 1362 г. князь Димитрий Константинович Суздальский, захватив ярлык на великое

---

[56] См. Н. И. Суворов. Описание Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда, 1914. стр. 3—10.
[57] СРИО, т. 41, стр. 410.
[58] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 103.
[59] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, М., 1900, стр. 107.
[60] Там же, стр. 112.

княжение, засел в Переяславле, московское войско немедленно подступило к Переяславлю, и суздальский князь, «уразумев свое неизволение, беже с Переяславля в Володимерь и пока бежа из Володимеря в свои град в Суждаль в свою отчину. Князь же великии Димитреи Ивановичь, прогнав его с Переяславля, и сам седе в Переяславли, с своею братею и з боляры и с своею дружиною»[61]. Великий князь Московский часто бывал в Переяславле. Туда направлялся он в минуты опасности, как это было в 1382 и 1439 гг.[62], там происходили и семейные торжества, приобретавшие характер политических церемоний, например торжественное празднование дня рождения Юрия Димитриевича в присутствии всех князей и многочисленных бояр в 1373 г.[63]. Во время феодальной войны, в 1446 г., когда татары отпустили великого князя из плена, встреча его с семьей произошла в Переяславле. Так как здесь же были «вси князи и бояре и дети боярьские и множество двора его от всех градов»[64], то, видимо, Переяславль в этот очень напряженный момент на какое-то время оказался центром организации сил сторонников государственной централизации. В 1468 г. в Переяславле велись переговоры с послом Казимира IV, и великий князь специально выезжал туда из Владимира[65].

В Переяславле были большие рыбные ловли великого князя, на посаде сидел староста великокняжеских рыболовов, принадлежавших в начале XVI в. стольничьему пути великокняжеского дворца[66]. В Переяславльском уезде были бортницы и вотчины великого князя[67], и город, таким образом, был тесно связан с великокняжеским хозяйством. Наконец, богатый Переяславль московские князья в XIV—XV вв. неоднократно отдавали во владение тем, кого хотели привлечь на свою сторону: в 1379 г. князю Димитрию Ольгердовичу Трубчевскому, добровольно отдавшему свой город московскому князю[68], что должно было послужить примером для других князей, в 1406 г.

---

[61] ПСРЛ, т. XV, вып. 2, ч. 1, стр. 98.
[62] ПСРЛ, т. VI, стр. 99; т. XXIII, стр. 150.
[63] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 115.
[64] ПСРЛ, т. VI, стр. 172.
[65] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 218.
[66] ААЭ, т. I, стр. 143.
[67] ДДГ, стр. 13—14, 34, 196 и др.
[68] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 129.

выехавшему из Литвы князю Александру Нелюбу[69], а в 1408 г. — Светригайлу, получившему Переяславль в числе других городов[70]. Правда, все эти владения были непродолжительны, и город по существу не выходил из московских рук.

Приходится сожалеть об отсутствии ясных данных о культурном значении Переяславля-Залесского в XIV—XV вв. Но наличие монастырей в городе само уже указывает на вероятные книгохранилища, переписку книг и распространение просвещения — в типичных для того времени формах.

Рядом с Переяславлем находился **Клещин**, упомянутый в списке русских городов конца XIV — начала XV в.[71]. Однако в этот период Клещин давно уже был не городом. Там сохранились лишь древние укрепления в виде валов и рвов окружностью около 500 метров[72]. В XIV—XV вв. здесь было село, существовавшее на месте древнего города, перенесенного Юрием Долгоруким и бывшего основой для развития Переяславля-Залесского[73]. К числу городов в социально-экономическом значении этого понятия Клещин XIV—XV вв. отнесен быть, по-видимому, не может.

На пути от Переяславля к Суздалю находится **Юрьев-Польский**, основанный Юрием Долгоруким в 1152 г. Как и другие города Ростово-Суздальской земли, Юрьев развивался в земледельческом районе, а само название «Польский» указывало на положение города в «ополье». По словам М. К. Любавского, Юрьевский уезд в XIV—XV вв.— это «хлебородный оазис в междуречьи Волги и Оки» и, кроме того, здесь, как и в княжествах Переяславльском и Костромском, были богатые соляные источники — Великая Соль. Поэтому московские князья старались закрепить за Москвой этот хлебородный оазис, скупали здесь села у тамошних землевладельцев еще прежде, чем установилось твердо их владение этим краем[74]. Здесь также были владения таких крупных феодалов, как московский митрополичий дом, Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри,

[69] ПСРЛ, т. XI, стр. 193.
[70] Там же, стр. 211.
[71] НПЛ, стр. 477.
[72] См. Н. Н. Воронин. Переяславль-Залесский. М., 1948, стр. 6.
[73] См. М. И. Смирнов. Залесский город Клещин. Переяславль-Залесский, 1919.
[74] М. К. Любавский. Ук. соч., стр. 55.

кн. И. Ю. Патрикеев и др.[75]. Великий князь держал на Юрьеве своего посельского[76], что указывает на существование там княжеского дворцового хозяйства.

Летописи сравнительно редко упоминают Юрьев, и представить картину развития города в XIV—XV вв. весьма трудно. Известно, что Юрьев подвергался татарскому разорению в 1238, 1281, 1293, 1382 и 1408 гг. Указание на восстановление города после татарских набегов находим в житии Никона, ученика Сергия Радонежского. В житии рассказывается о строительстве каменной церкви Никоном в Юрьеве после одного из татарских разорений[77].

Юрьев перестал быть центром самостоятельного княжества уже во второй четверти XIV в., когда выморочный Юрьевский удел отошел к московскому князю. В Юрьеве сидели с тех пор московские наместники; судя по некоторым данным, ими были князья Ряполовские. Во главе с ними юрьевская рать участвовала во многих московских походах — на Пьяну, против Новгорода, Смоленска и др. Трудно представить себе Юрьев, к которому «тянет» Великая Соль и который расположен в центре столь развитого земледельческого района и на большой дороге, без ремесла и торга, хотя в источниках есть лишь одно косвенное указание на юрьевский торг — в жалованных грамотах монастырям, освобождаемым от уплаты торговых пошлин в Юрьеве. Ничего неизвестно пока и о юрьевском ремесле XIV—XV вв. Но раз там производилось каменное строительство, то это само по себе указывает на определенный уровень развития ремесленного производства.

В уже упомянутом житии Никона говорится о том, что он пригласил живописцев для украшения построенной им церкви. Прибыли тогда в Юрьев «мужие изрядны велми, всех превосходящи, в добродетели свършены, Даниил именем и Андрей сподник его и неких с ними, спешно бо сие творяше дело»[78]. По всей видимости, это Андрей Рублев и Даниил Черный. В 1471 г. В. Д. Ермолин восстановил древний Георгиевский собор со скульптурными изображениями святых[79].

[75] См. М. К. Любавский. Ук. соч., стр. 11; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение, стр. 147—149; АФЗиХ, ч. I, № 148; АСВР, т. I, № 148 и др.

[76] ПСЭИ, № 8.

[77] ПСРЛ, т. VI, стр. 138.

[78] Там же.

[79] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 159.

Суздаль существовал уже в XI столетии. По его имени долгое время называлась вся Северо-Восточная Русь «Суздальской» или «Суждальской» землей, и наименование это надолго пережило действительно господствующую роль города в крае. Еще в XIV в. в договорах Новгорода с северо-восточными русскими князьями мы встречаем название «Суздальская земля».

Говоря о древнем Суздале, М. Н. Тихомиров отметил, что «своим ростом и значением Суздаль обязан плодородному ополью, в центре которого он находится»[80]. Это ополье сохраняло большое значение для развития города и после монголо-татарского разорения, которому Суздаль подвергся наряду с другими северо-восточными русскими городами. Плодородные почвы, наличие соляных разработок, удобные пути сообщения, ведшие во Владимир, Переяславль, Юрьев и тесно связывавшие Суздаль с другими районами центральной части Северо-Восточной Руси, — все это весьма способствовало подъему производительных сил в Суздальском уезде. Сельское хозяйство здесь достигло, по-видимому, весьма высокого для того времени уровня развития. С. Б. Веселовский называл этот район «житницей Ростово-Суздальской земли»[81]. Естественно, что здесь быстро росло крупное феодальное землевладение. Самые старые и крупные владения митрополичьего дома, полученные митрополитами в XIV в., находились в Суздальском уезде. Здесь владели землями Суздальская епископия, Троице-Сергиев, Спасо-Преображенский, Спасо-Ефимиев и другие монастыри, московские князья, крупные бояре, такие, как князь И. Ю. Патрикеев, и другие феодалы[82].

Наличие развитого сельского хозяйства и феодального землевладения в районе Суздаля создавало благоприятные предпосылки для роста города. По летописным сообщениям трудно судить о конкретной картине восстановления и развития Суздаля во второй половине XIII столетия и в последующее время. У нас не сохранилось даже прямых указаний на городское строительство. Мы знаем лишь о повторных разорениях города в 1293 и 1382 гг., о море

---

[80] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 397.
[81] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. Известия ГАИМК, вып. 139. М.—Л., 1936, стр. 108.
[82] См. С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М.—Л., 1947, т. I.

1352 и 1410 гг., наносивших Суздалю тяжелый ущерб. Отсутствие суздальского летописания в XIV—XV вв. не могло не повлиять на обеднение картины истории города этого периода в дошедших до нас летописях.

В Суздале был посад, защищенный валом[83]. На территории его были в XV в. расположены некоторые монастырские владения[84]. Суздальский посад, как и посады других городов, был, несомненно, центром ремесленного производства и торговли. Об этом свидетельствуют, к сожалению пока еще незначительные, результаты археологических раскопок. В слоях XIV—XV вв. археологи обнаружили явные следы деятельности суздальских ремесленников того времени — изразцы, точильные бруски, прясла, железные ножи, замки, ключи, продукты обработки кожи и кости, остатки чеканки монет, о которой известно и по другим данным[85]. В музеях хранятся произведения суздальского ремесла XIV—XV вв. — железные вериги, медные кресты[86]. Таким образом, типичные для средневековых русских городов ремесла — обработка металла, кожи, кости, керамическое производство — существовали и в Суздале. Надо думать, что не исчезли в Суздале и строительные ремесла, имевшие столь широкое распространение там в дотатарское время и обеспечившие возведение многих великолепных сооружений древнерусского зодчества. Суздаль славился своими художественными промыслами, в особенности иконописным делом. По мнению местного историка, Суздаль XIV—XV вв. «был еще, несомненно, многолюдным и богатым городом»[87]. Сохранились произведения суздальских живописцев XIV в., свидетельствующие, однако, об обозначившемся уже в это время отставании суздальского искусства от московского[88].

В событиях XIV—XV вв. Суздаль играл немалую роль. Правда, значение Суздаля как политического центра в середине XIV в. снизилось в связи с перенесением княжеского стола в Нижний Новгород (с 1350 г.). На некоторое

[83] См. Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, т. 12. М.—Л., 1949, стр. 12.

[84] АИ, т. 1, № 116.

[85] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 92.

[86] Суздаль и его достопамятности. М., 1912, стр. 40

[87] См. Н. Н. Ушаков. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913, стр. 167.

[88] История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 10.

время Суздаль стал опорой сил, боровшихся против Москвы. В 1364 г. там укрылся князь Димитрий Константинович, пытавшийся соперничать с Димитрием Ивановичем. Суздальский епископ Дионисий занял в 70-х гг. XIV в. враждебную позицию по отношению к Москве. В дальнейшем суздальские князья неоднократно оказывались в лагере противников Москвы, они активно поддерживали Шемяку и пытались восстановить Суздальско-Нижегородское княжество на правах великого. В 1445 г. недалеко от города произошло одно из наиболее значительных сражений периода феодальной войны, в котором великий князь потерпел поражение и попал в плен к татарам.

«Пригородом» Суздаля была Шуя. Время возникновения Шуи неизвестно; в источниках она появляется в конце XIV в. В 1394 г. она стала центром удела, который был отдан великим князем Московским Василием Дмитриевичем мятежным нижегородским князьям — Василию Кирдяпе и брату его Семену, «выведенным» из Нижнего Новгорода. Как предполагает М. Н. Тихомиров, Шуя обозначена в списке русских городов конца XIV в. под именем «Шумьский»[89]. Вероятно, Шуя была небольшим феодальным центром, из которого впоследствии вырос город.

В Суздальском княжестве находился Лух, который, если не ошибаемся, только один раз назван в источниках городом — в духовной грамоте великого князя Ивана Васильевича, следовательно, уже в начале XVI в.[90]. Ранее о Лухе есть упоминания лишь под 1429 и 1445 гг., когда татары «Лух воевали»[91]. По-видимому, это был небольшой укрепленный городок, может быть, даже скорее замок-укрепление, городская жизнь в котором начала развиваться позднее XIV—XV вв.[92].

Владимир-на-Клязьме был основан Владимиром Мономахом примерно в 1108 г. и в период феодальной раздроб-

---

[89] М. Н. Тихомиров. «Список русских городов», стр. 252.

[90] ДДГ, стр. 357.

[91] ПСРЛ, т. VI, стр. 170; т. XII, стр. 8.

[92] С. Б. Веселовский обратил внимание на то, что «некоторые историки ошибочно отождествляли волость Луховец с г. Лухом, отстоящим от Владимира на несколько сот верст, в пределах Суздальского княжества, где у митрополитов никогда владений не было». Центром митрополичьей волости было село Луховец в 20—25 км к западу от Владимира. См. С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение, стр. 372.

ленности явился одним из крупнейших экономических, политических и культурных центров Залесской земли. Став со времени Андрея Боголюбского стольным городом великого княжения, Владимир оставался им и после монголо-татарского нашествия, пока Димитрий Донской не превратил великое княжение в «отчину» московских князей, хотя формальное значение Владимира, как стольного города, сохранялось и позже.

Общие условия развития Владимира были такими же, как многих других старых городов Северо-Восточной Руси. Земли близ Владимира были очень плодородны; Герберштейн писал даже об урожаях пшеницы сам-20 и сам-30 в районе Владимира [92]. Реки были богаты рыбой, к югу от Клязьмы простирались бортные угодья, на нижней Уводи находились соляные ключи и там возникали варницы[94]. Клязьма была одним из важнейших путей сообщения в Залесской земле. По ней шла дорога к Нижнему Новгороду и от него по Волге — в Орду. Через Владимир проходили и сухопутные дороги. Здесь, в частности, проходил один из важных путей, связывавших Северо-Восточную Русь через Владимир с Муромом и Муромо-Рязанской землей.

Вокруг Владимира, как и других городов Северо-Восточной Руси, интенсивно развивалось феодальное землевладение и хозяйство. Здесь были земли великого князя, неоднократно упоминаемые в духовных грамотах[95]; видимо, было развито и боярское землевладение, — в числе павших на Куликовом поле бояр, по сведениям «Сказания о Мамаевом побоище», было 30 бояр владимирских («Задонщина» указывает 35 бояр)[96]. Владимир был одним из центров княжеского дворцового хозяйства, — грамоты упоминают о «путях» и «селах», тянущих к Владимиру[97]. Во Владимирском уезде были сосредоточены самые значительные и ценные вотчины московского митрополичьего дома, приобретение которых началось со времени перенесения центра митрополии во Владимир в 1300 г.[98].

[92] С. Герберштейн. Записки о Московии. СПб., 1908, стр. 102.
[93] М. К. Любавский. Ук. соч., стр. 49.
[94] ДДГ, стр. 10, 16, 35, 195 и др.
[95] ПСРЛ, т. VIII, стр. 37.
[96] ДДГ, стр. 195.
[97] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение, стр. 367.

В центре этого развитого в хозяйственном отношении района рос Владимир. Разрушенный монголо-татарами и потом неоднократно подвергавшийся новым нападениям, пожарам и другим бедствиям, Владимир все же успешно развивался в XIV—XV вв. Правда, К. В. Базилевич высказал мнение о том, что Владимир после монголо-татарского разорения отошел на задний план вследствие того, что не смог восстановить своего прежнего экономического значения[99]. Но, во-первых, политическое значение тех или иных княжеств далеко не непосредственно зависело от хозяйственного развития стольного города, а, во-вторых, темпы развития Москвы были в XIV—XV вв. намного выше всех других городов, и Владимир, конечно, отставал от Москвы этого времени, но, судя по данным источников, был в XIV—XV вв. все же крупным городом.

Уже в 1238 г. ставший великим князем Ярослав Всеволодович обосновался во Владимире и отсюда начал деятельность по восстановлению княжеской власти и опустошенных городов и сел[100]. В 1239 г. во Владимире было уже возможным произвести торжественное погребение павшего на Сити великого князя Юрия Всеволодовича, тело которого было перевезено из Ростова и встречено во Владимире множеством бояр и слуг[101]. В дальнейшем указания на официальные церемонии во Владимире встречаются довольно часто — под 1248, 1249, 1250, 1252 и другими годами [102], что косвенно указывает на восстановление жизни в городе уже в первые годы после батыева нашествия. Когда в 1293 г. «Дюденева рать» вновь взяла Владимир, в городе были уже опять значительные богатства; по свидетельству летописи, татары тогда «церкви пограбиша, и дно чюдное медяное выдраша, и книги, и и иконы, и кресты черные, и сосуды священыя, и всяко узорочье пограбиша»[103]. Несомненно, что сохранение Владимиром положения официального церковного и политического центра весьма способствовало восстановлению и развитию города, так как самые крупные и богатые феодалы вкладывали в это немалые средства. Богатства вла-

[99] К. В. Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории», 1949, № 11, стр. 76.
[100] ПСРЛ, т. X, стр. 140.
[101] ТЛ, стр. 319.
[102] Там же, стр. 322—325.
[103] Там же, стр. 346.

димирских церквей росли за счет вкладов, о некоторых из которых мы находим упоминания в княжеских грамотах[104]. Город продолжал расти, несмотря на опустошения от мора 1364 и 1419 гг., вторжения отряда тохтамышевой рати в 1382 г. и других бедствий. В 1410 г. татарам, приведенным нижегородским князем Дмитрием Борисовичем, удалось внезапно напасть на Владимир. И снова сообщение летописи о разграблении города говорит о больших материальных ценностях. Татары «многое множество злата и серебра вземше», «не има порт, ни иного ничтоже, но токмо златое и серебреное, и кузни многое и безчисленное поимаша множество, а денги мерками делиша между собою»[105].

Позднее татары не раз пытались вновь направить свои удары на этот богатый город в 1421, 1445, 1448 гг.[106].

О размерах Владимира к концу XV в. можно судить по сообщению о пожаре 1491 г., когда сгорело 9 церквей «во граде» и 13 церквей на посадах [107]. По-видимому, тогда же были уничтожены и городские укрепления, так как в следующем 1492 г. по приказу великого князя в течение двух месяцев был срублен новый деревянный город[108]. Основываясь на рассказах русских послов в Вену, князя Ивана Ярославского-Засекина и дьяка С. Б. Трофимова, венский епископ И. Фабр в 1526 г. написал даже, что Владимир имеет «равную величину с Москвой»[109]. Это, конечно, преувеличение, но Герберштейн, побывавший в России сам, отметил, что Владимир — «большой город с деревянной крепостью»[110].

В этом большом и богатом городе развивались ремесла. Выше уже были отмечены сообщения источников о наличии во Владимире XV в. нескольких посадов, но нет оснований сомневаться в развитии владимирского посада и в более раннее время. Владимирская писцовая книга 1510 г. прямо указывает на церковных ремесленников, живших на владимирском посаде и работавших на митрополичий дом[111].

[104] ДДГ, стр. 16.
[105] ПСРЛ, т. VI, стр. 139.
[106] ПСРЛ, т. VI, стр. 171—172; т. XVIII, стр. 203.
[107] ПСРЛ, т. IV, стр. 359; т. XXV, стр. 352.
[108] ПСРЛ, т. IV, стр. 161.
[109] Е. Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические сведения о России. СПб., 1884, стр. 393.
[110] С. Герберштейн. Ук. соч., стр. 102.
[111] См. Л. В. Черепнин. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. «Исторические записки», т. IX, стр. 66—67.

который владел дворами в городе (грамота 1401 г.[112]) Конечно, далеко не все церковные ценности, хранившиеся во владимирских храмах, были сделаны местными владимирскими ремесленниками, так как значительная часть этих ценностей поступала в виде вкладов. Но несомненно то, что в стольном городе было немало своих мастеров, трудом которых возводились и ремонтировались храмы и княжеские дворцы[113] и создавались большие материальные ценности, в том числе и те многочисленные золотые и серебряные изделия, которые становились добычей татар. Сохранилось большое количество произведений владимирских ювелиров и других ремесленных мастеров XIV—XV вв.: серебряные и медные крестики, привесные крестики из малахита, яшмы и агата, золотой потир XV в., шитая шелком и золотом плащаница XV в. и другие предметы царского обихода. Имеются также царские врата XIV в., украшенные искусной резьбой[114]. В период 1410—1431 гг. был сделан искусный серебряный оклад икон[115], что указывает на ювелирное дело во Владимире. Об объеме работ, выполнявшихся во Владимире мастерами литейного дела свидетельствуют обнаруженные при реставрационных работах в 1890 г. в Успенском соборе медные листы общим весом в 127 пудов. Эти листы относятся к XIV в. по имеющейся на них надписи, помеченной 13 июля 1341 г. Медь была покрыта золотом, а в основании конструкции лежали железные листы[116]. Не исчезли, конечно, в XIV—XV вв. и строительные ремесла, развитые еще в дотатарское время, — напомним о прозвании владимирцев «плотниками» и «каменщиками». Есть указание на то, что строительные работы возобновились во Владимире после нашествия Батыя уже в 1278 г., когда «на торговищи» была заложена каменная церковь Воздвижения[117]. Известна также слава владимирских гончаров.

---

[112] Памятники русского права, вып. 3, М., 1955, стр. 422.

[113] Н. Н. Воронин считает, что владимирские мастера участвовали в XIV в. в строительных работах в Москве и Твери.

[114] См. Н. Н. Ушаков. Ук. соч., стр. 123—124.

[115] См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948, стр. 632.

[116] См. Н. П. Лихачев. Владимирская эпиграфическая запись XIV века. «Известия отделения русского языка и словесности» Акад. наук, т. VI, вып. 1. СПб., 1901, стр. 291—294.

[117] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI. М., 1899, стр. 15.

К сожалению, мало конкретного материала дали археологические раскопки. Н. Н. Воронин отметил лишь, что «верхние горизонтальные пласты культурного слоя для XIII—XIV вв. в отношении состава инвентаря мало чем отличаются от слоев XII в., но в общем его состав беднее и малочисленнее. Очевидно, перед нами факты определенного упадка материальной культуры Владимира, связанные с монгольским завоеванием» [118]. Но для общего суждения о материальной культуре Владимира XIV — XV вв. эти частные раскопки не дают еще должных оснований. Приведенные выше данные позволяют думать о том, что, несмотря на ущерб, понесенный в результате монгольского нашествия, Владимир оставался значительным центром ремесленного производства на Руси в XIV—XV вв.

О владимирской торговле у нас конкретных данных нет, кроме общего упоминания «торговища» в городе. Интересное сообщение содержится в уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана о церковных судах. В этой грамоте говорится о продаже живущими во Владимире митрополичьими людьми «своего домашнего» и их торговле «прикупом»[119]. Ссылаясь на эту грамоту, Л. В. Черепнин писал о живущих на владимирском посаде митрополичьих ремесленниках. Принимая вывод Л. В. Черепнина, можно заключить о продаже митрополичьими ремесленниками во Владимире своих изделий на торгу, а также о том, что митрополичьи люди занимались и большими торговыми операциями, ведя торговлю «прикупом».

Значение Владимира в событиях XIV—XV вв. в первую очередь определялось его положением как центра великого княжения и митрополии до определенного времени (Владимир перешел к московскому митрополиту с ликвидацией Владимиро-Суздальской епархии в 1355 г.). Позднее его роль снизилась, и хотя боярская оппозиция сильно оскорбилась отдачей Владимира Светригайлу в 1408 г., считая что нельзя было отдавать иноземцу «столы Русскыя земли, многославный Володимер, мати градом»[120], в этих словах отразилась уже больше историческая, чем современная слава Владимира. Роль первого политического

[118] Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира, стр. 239.
[119] Памятники русского права вып. 3, стр. 422.
[120] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 157.

центра объединяющейся Руси к этому времени уже прочно перешла к Москве, и даже главная церковная реликвия Владимира — «чудотворная» икона богоматери в подходящий момент была перевезена в Москву (1395 г.). Даже во время феодальной войны не заметно особого стремления Шемяки и его сторонников к овладению Владимиром, — захват его, видимо, не представлял для них уже особого интереса, они стремились овладеть Москвой и другими важными военно-стратегическими пунктами.

В области культурного развития Руси Владимиру в XIV—XV вв. по-прежнему принадлежало выдающееся место. Летопись не раз упоминает о владимирских книгохранилищах. В начале XV в. (1408 г.) гениальный Андрей Рублев вместе с Даниилом-иконником работал над росписью реставрируемого Успенского собора. В 1469 г. началась реставрация двух каменных церквей — на торгу и на Золотых воротах, которой руководил В. Д. Ермолин. Классические образцы владимирского зодчества были использованы при монументальном строительстве кремлевского ансамбля в Москве в конце XV столетия.

Находящийся вблизи от Владимира Боголюбов в XII—XIII вв. развивался как княжеский город-замок[121]. Никаких сведений о городской жизни в Боголюбове в XIV—XV вв. не имеется. По наблюдениям Н. Н. Воронина, Боголюбов в это время утратил черты города и являлся феодальным замком[122]. Превращение вотчинного города в замок было связано, по-видимому, с утратой владимирскими князьями своего прежнего значения. Во второй половине XIII—XVI вв. князья, добившись великого княжения Владимирского, продолжали сидеть в своих городах и вовсе не стремились во Владимир так же, как в свое время владимирские князья, получив титул великих киевских князей, остались у себя во Владимире. В этих условиях Боголюбов переставал быть резиденцией великого князя, что способствовало упадку города, превратившегося в обычный укрепленный замок.

Вниз по Клязьме от Владимира находился **Стародуб Ряполовский**, впервые упомянутый в летописи под 1218 г. Город был центром небольшого княжества. В 1363 г. мос-

[121] См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. стр. 152.

[122] Н. Н. Воронин. К вопросу об археологическом изучении поселения эпохи феодализма. ПИДО, 1934, № 5, стр. 98.

ковский князь Димитрий Иванович «согнал» князя Ивана Федоровича Стародубского, бежавшего после этого под защиту к сопернику Москвы — князю Димитрию Константиновичу в Нижний Новгород[123]. По сведениям А. В. Экземплярского, и после этого в Стародубе еще были свои князья[124]. Действительно, в источниках мы неоднократно встречаем упоминания о стародубских князьях как активных сторонниках великого князя во время феодальной войны. Князья Ряполовские фигурируют также как великокняжеские наместники в Юрьеве-Польском. О городе Стародубе никаких сведений в источниках нет, если не считать сообщения о разорении Стародуба татарами, возвращавшимися после набега на Владимир в 1410 г. [125], и упоминания Стародуба на Клязьме в известном списке русских городов конца XIV — начала XV в.[126]. Судя по этому последнему факту, Стародуб имел укрепления, как и всякий другой княжеский город. Поскольку город стоял на важном речном пути, связывавшем Залесскую землю с Нижегородским Поволжьем, можно предположить наличие там условий, способствовавших развитию города. Но прямых указаний на ремесло и торговлю в Стародубе нет. Видимо, Стародуб, бывший центром очень небольшого княжества и являвшийся столицей небогатых князей, оставался незначительным городком в XIV—XV вв. В последующем он стал селом.

Еще далее по Клязьме находился **Ярополч**. Он назван в списке русских городов конца XIV в., а впервые упомянут под 1160 г.[127]. Однако разведки владимирских археологов, произведенные в 1956 г., привели их к предварительному выводу о том, что Ярополч был заселен не в XII, а в XVI в. Этот вывод находится в явном противоречии со списком городов XIV в., где упомянут именно этот Ярополч между Стародубом и Гороховцем. Кроме того, Ярополч назван в числе московских владений в договорной грамоте князя московского Василия Димитриевича с серпуховско-боровским князем Владимиром Андреевичем 1389 г. [128].

[123] ПСРЛ, т. XI, стр. 2.

[124] См. А. В Экземплярский. Великие и удельные князья Северо-Восточной Руси в татарский период, т. 2. СПб., 1889, стр. 174—175.

[125] ПСРЛ, т. XV, стр. 485.

[126] НПЛ, стр. 477.

[127] ПСРЛ, т. II, стр. 346.

[128] ДДГ, стр. 31.

Продолжение раскопок в Ярополче позволит более точно выяснить характер Ярополча в XII—XV вв.

Далее вниз по Клязьме находился **Гороховец**. При первом упоминании под 1239 г. Гороховец назван «городом святыя Богородица», и, по мнению М. Н. Тихомирова, он был передан Успенскому собору во Владимире еще князем Андреем Боголюбским[129]. Последующие сведения о Гороховце отрывочны. В 1365 г. Сергей Радонежский, возвращаясь из Нижнего Новгорода, основал в Гороховце монастырь. В списке городов конца XIV — начала XV в. Гороховец есть. Наличие укреплений в городе объясняет почему здесь происходили сражения с татарами в 1445 г., когда они бежали от Мурома и были разбиты великокняжеской силой[130]. Некоторый свет на положение Гороховца в XV в. проливает жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Спасо-Евфимьеву монастырю от 1462 г. В этой грамоте говорится: «... волостели мои гороховские и их тивуны и их доводчики меж деревень монастырских не ставятся, а ставятся на пошлом стану на старом, также и мытники под монастырем мыта не наряжают, а сидят на мыте под городищом под Гороховским, как сидели преже сего по старине». Далее следует запрещение ездить «непошлой» дорогой через монастырь и приказание ездить всем «пошлою дорогою Бережецкой»[131]. Из этой грамоты видно, что на Гороховце сидели великокняжеские волостели и мытники, собиравшие пошлины на дороге в Бережец. Княжеские волостели на Гороховце упомянуты и в одной из грамот нижегородского князя Александра Ивановича в 1418 г.[132]. Следовательно, Гороховец уже не был собственностью Успенского собора. Важно и то, что княжеские управители названы в обоих случаях не наместниками, как обычно в городах, а волостелями. Это указывает на то, что Гороховец не считался городом в XV в., а был лишь центром волости, в которой были и черные и монастырские земли. Интересно и указание на «городище Гороховьское». По всей вероятности, это означает, что к тому времени существовали лишь остатки городских укреплений. Да и торговые пути пошли мимо Гороховца, покинув старую «пошлую» дорогу на Бережец. Все это говорит

[129] См. М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 171.
[130] ПСРЛ, т. VI, стр. 170.
[131] АИ, т. I, № 71.
[132] Там же, № 25.

об упадке Гороховца, который вообще больше в XV в. не упоминается. Возможно, что этот упадок наступил после вторжений татар 1445 г.

Рассматриваемые выше города имеют общие черты в условиях и характере развития. Ростов, Переяславль Юрьев, Суздаль, Владимир росли как крупные феодальные центры в неразрывной связи с развитием феодального землевладения и хозяйства в этом центральном, издавна освоенном и наиболее густозаселенном районе Северо-Восточной Руси. Княжеская власть заботилась о подъеме этих городов, являвшихся опорными пунктами феодального господства. Наличие развитой землевладельческой округи создало благоприятные условия для развития ремесленного производства и торговли в этих городах.

Характерно, что от Владимира на восток по Клязьме уровень городской жизни сразу понижается. Здесь почти нет городских центров, а те, которые имеются, совсем незначительны, и не без сомнения могут считаться городами — Стародуб, Лух, Гороховец. Эта восточная окраина Залесской земли не получила такого развития, как район между Ростовом и Владимиром. Рост феодального землевладения и хозяйства был главной основой развития наиболее древних городов Северо-Восточной Руси. Примечательно, что здесь незаметно возникновения новых городов в XIV—XV вв., это отразило и второстепенное военное значение этого района и его отдаленность от крупных торговых путей.

4. ГОРОДА ПОВОЛЖЬЯ

На северо-западной окраине Ростово-Суздальской земли находился **Углич**, впервые упомянутый в летописи под 1149 г. Этот город до монголо-татарского нашествия, по мнению М. Н. Тихомирова, большого значения не имел. После батыева нашествия, подвергшего Углич, как и другие города, разорению, Углич восстановился и в течение всего XIV и XV столетий являлся окраиной великого Московского княжества. В удел старших сыновей великого князя Углич никогда не входил, зато использовался как место ссылки политических противников. Это особенно выявилось в годы феодальной войны, когда и Василий Васильевич, и Шемяка, захватывая власть, отсылали друг друга в Углич.

Углич XIV—XV вв. вряд ли можно считать захудалым

сородком. В Угличском уезде развилось в это время землевладение, там были вотчины Троице-Сергиева монастыря и других феодалов. Через город шла зимняя дорога из Москвы на Белоозеро, а оживление волжского водного пути также усиливало значение Углича. В событиях напряженной борьбы Москвы с Тверью, а потом феодальной войны Углич приобрел значение важного стратегического пункта. Получив Углич, Шемяка в нарушение обычных иммунитетных прав монастырских владений оговорил, что освобождения монастырских крестьян от строительства городских укреплений не будет[1]. Все эти факторы должны были способствовать росту города. Если отбросить явно баснословные и сильно преувеличенные рассказы Ф. Киселя о славе и процветании древнего Углича[2] и опираться только на материалы существующих источников, то все же некоторые признаки роста Углича обнаружить можно. Так, обращает на себя внимание сумма дани с Углича для уплаты «выхода» в Орду, установленная договорной грамотой великого князя Василия Димитриевича с владевшим Угличем князем Владимиром Андреевичем. С Углича должны были платить 105 рублей, в то время как с Ярославля шло всего 76 рублей[3]. Это, конечно, значительно меньше, чем дань с Нижнего Новгорода, определенная в полторы тысячи рублей, но все-таки свидетельствует, правда очень косвенно, о развитии города и уезда. Позднее мы в грамотах несколько раз встречаем упоминания об угличском посаде[4], а о размерах города к концу XV в. можем судить по летописному сообщению о пожаре 1491 г.: «... згоре град Угличь весь, и на посаде погоре и за Волгою дворов более пятисот, а церквей сгорело 20»[5]. Известие о том, что город располагался по обоим берегам Волги и имел крепость, мы находим и у Герберштейна[6]. Пятьсот дворов — это не очень крупный, но и не маленький город для XV в. Во всяком случае на протяжении XIV—XV вв. Углич вырос и уже не был незначительным городом, как в первой половине XIII в.

Как и во всех феодальных городах, в Угличе был торг. Князь Андрей Васильевич в своей грамоте Троице-Сергиеву

[1] ААЭ, т. I, № 28.
[2] См. Ф. Киссель. История города Углича. Ярославль, 1844.
[3] ДДГ, стр. 43.
[4] АЮБ, т. I, № 42 и др.
[5] ПСРЛ, т. XXV, стр. 332.
[6] АСЭИ, т. I, № 361.

монастырю специально устанавливал право беспошлинной торговли для монастырских крестьян, которые «из тех деревень не Кашинского ездят в мою отчину на Углич торговати»[7]. На угличском посаде находился двор Троице-Сергиева монастыря, прикрытый иммунитетными правами. Через город шли монастырские лодьи с рыбой с Белоозера[8]. Вокруг Углича находились земли, принадлежавшие княжескому хозяйству, и в городе находился посельский князь[9].

Ничего неизвестно об угличском ремесле XIV—XVвв., но и общие данные о масштабах города и развитие городского строительства не позволяют представить Углич без ремесел. В литературе имеются даже указания на каменное строительство в Угличе при князе Андрее Васильевиче Горяе во второй половине XV в.[10], а каменное строительство требовало достаточно высокого для того времени уровня ремесленного производства.

С середины XIV в. в летописях и актах несколько раз упоминается **Устюжна**, «тянувшая» к Угличу и в середине XVв. отмеченная в перечнях московских владений. Устюжна подвергалась нападениям новгородцев. Сведений о развитии Устюжны как городского центра в XIV—XV вв. нет.

В XIV в. **Молога** была центром небольшого удельного княжества, выделившегося в 1321 г. из Ярославского княжества, в 1408 г. распавшегося на три части. В церковном отношении Молога входила в состав огромной Ростовской епархии. При перечислении состава войска, участвовавшего в 1386 г. в московском походе на Новгород, моложская рать упомянута отдельно, что подтверждает существование в это время отдельного княжества с центром в Мологе. В 1371 г. тверской князь Михаил Александрович, возвращаясь от Костромы, «взя город Мологу и огнем пожже»[11]. Под 1408 г. в связи с похоронами моложского князя Федора Михайловича упомянута в летописи соборная церковь в Мологе[12]. Еще раз о Мологе говорится под 1446 г., когда

---

[7] АСЭИ, т. I, № 506.
[8] Там же, № 505.
[9] Там же, № 71.
[10] См. Л. Ф. Соловьев. Краткая история города Углича. СПб., 1895, стр. 23—24.
[11] ПСРЛ, т. VIII, стр. 18.
[12] ТЛ, стр. 436.

сторонники московского князя во время феодальной войны пошли «из Мологи по Заволжью, по Тверскому рубежу и по Литовскому»[13]. Суммируя все эти данные, мы можем заключить, что Молога была окраинным, порубежным городом Московской Руси. Считать Мологу того времени развитым городом нет оснований. Укрепления Мологи, видимо, были сожжены в 1371 г. В списке русских городов конца XIV — начала XV в. Молога уже не упоминается. Подъем города, видимо, наступил позже, когда в конце XV в. Иван III перенес в Мологу большой торг из Холопья городка и Молога стала значительным торговым центром на Волге. Герберштейн уже отметил, что «при устье р. Мологи расположены город и крепость того же имени» и что « в этом месте бывает самый многолюдный базар изо всех существующих во владении московского государя»[14].

Холопий городок находился к северо-западу от города Мологи в 50 верстах на реке Молога. По мнению М. Н. Тихомирова, в списке городов конца XIV—XV вв. Холопий городок обозначен под именем «На Молозе Городец»[15].

История Холопья городка весьма неопределенна. В духовной грамоте Ивана III упоминается о совершенном им переносе ярмарки из Холопья городка в Мологу[16]. Герберштейн писал о том, что при нем громадный торг был в Мологе, а «в двух милях» от нее «стоит только церковь Холопьего города» и «можно видеть разрушенную теперь крепость»[17]. Существует еще рассказ Т. А. Каменевича-Рвовского, возникший в конце XVII в. В этом рассказе, видимо, собраны сохранившиеся к тому времени предания о ярмарке на Холопьем городке, причем, согласно рассказу Каменевича-Рвовского, эта ярмарка была еще до Василия Темного; на ярмарке торговали купцы из разных стран, и одних торговых пошлин собирали будто бы до 180 пудов серебра в год[18]. Сведения Каменевича-Рвовского явно фантастичны, но в них все-таки отразился реальный исторический факт существования ярмарки в Холопьем городке.

О происхождении Холопья городка в литературе выс-

---

[13] ПСРЛ, т. XXXIII, стр. 153.
[14] С. Герберштейн. Ук. соч., стр. 124.
[15] М. Н. Тихомиров. «Список русских городов», стр. 250.
[16] ДДГ, стр. 360.
[17] С. Герберштейн. Ук. соч., стр. 124.
[18] См. Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1892, прим. 323.

казаны разные догадки[19], но за отсутствием твердых данных вопрос не может быть решен. Н. М. Карамзин относил существование ярмарки еще ко времени Ивана Калиты[20]. М. Н. Бережков высказал предположение о том, что перенос ярмарки Иваном III был вызван его стремлением сосредоточить взимание торговых пошлин в своих руках и запретить торговлю в моложских селах потомков ярославских и моложских князей, чьи удельные права ликвидировались московской великокняжеской властью[21]. Соображение это, связывающее мероприятия Ивана III в отношении Холопья городка с процессом централизации Русского государства, весьма правдоподобно. Но если эта крупнейшая ярмарка так легко переменила свое место по указу из Москвы, то это свидетельствует о том, что ярмарка никак не была связана с местной экономикой и сам Холопий городок был лишь удобным местом для торговли привозными товарами, подобно тому, как многие другие крупные ярмарки обосновывались под стенами монастырей, как, например, Макарьевская ярмарка, с которой, кстати, и сравнивал Герберштейн ярмарку Холопья городка. Поэтому факт существования крупной ярмарки в Холопьем городке еще не может указывать на экономическое развитие Холопья городка, который сам по себе заметного значения не имел. Летописи никогда не упоминают о Холопьем городке.

В этот же период возник **Рыбинск** — тогда еще Рыбная слобода, которая уже в XIV—XV вв. выступает промысловым центром. По мнению К. Д. Головщикова, близость крупных торгов в Холопьем городке, а затем в Мологе помогла развитию Рыбной слободы[22]. Судя по имеющимся данным, Рыбная слобода в XIV—XV вв. не была центром феодального владения. Неизвестно, имела ли она укрепления. Возможно, что по типу своему она приближалась к новгородским «рядкам».

В начале второй половины XIV в. князь Роман Васильевич Ярославский, получивший небольшой удел к северу

---

[19] См., напр., А. И. Мусин-Пушкин. Историческое замечание о начале и местоположении древнего российского так называемого Холопья города. М., 1810; М. Н. Бережков. Старый Холопий городок на Мологе и его ярмарка. Труды VII Археологического съезда в Ярославле в 1887 г., т. I. М., 1890.

[20] См. Н. М. Карамзин. Ук. соч., т. IV, стр. 154—155.

[21] См. М. Н. Бережков. Ук. соч., стр. 43.

[22] См. К. Д. Головщиков. Рыбинск. Ярославль, 1890, стр. 8.

от Ярославля по Шексне, «поставил во имя свое» Романов городок[23]. В списке русских городов конца XIV — начала XV в. Романов городок не упоминается, а грамоты ростовских архиепископов Трифона и Вассиана в 1462 и 1463 гг говорят о «Романовской слободке»[24]. Но в духовной грамоте Василия Васильевича 1462 г. и летописных сообщениях об этой духовной мы встречаем название «Романов городок», причем выясняется, что к этому времени он был уже «куплей» великой княгини, которую она передала своему сыну князю Юрию Васильевичу[25]. Позднее Романов городок оказался во владении Андрея Васильевича. В 1468 г. там были сооружены деревянные укрепления[26]. Возможно, что с этого времени начался некоторый подъем Романова городка. В Судебнике 1497 г. Романов уже назван в числе административно-судебных центров Русского государства. Видимо, в XIV—XV вв. Романов проходил начальные стадии развития города.

К числу древнейших городов Северо-Восточной Руси принадлежит **Ярославль**. Он основан в первой половине XI в. Ярославом Мудрым. По мнению М. Н. Тихомирова, возникновение Ярославля, имевшее целью охрану пути от Волги к Ростову, произошло еще до 1015 г.[27]. Ярославль развивался в районе, благоприятном для земледелия и промыслов и находившемся на важных путях по Волге и Которосли. В первой половине XIII в. это был уже значительный город.

Тяжело пострадавший от нашествия Батыя, Ярославль восстановился и продолжал расти, несмотря на ряд опустошений города в XIV—XV вв.: в 1332 г. он был разрушен и сожжен Иваном Калитой и Ахмылом[28], в 1364 и 1419 гг. Ярославль сильно пострадал от эпидемии[29], в 1371 г. город взяли новгородцы[30], в 1432 г., начиная феодальную войну, князья Димитрий и Василий Юрьевичи «пограбиша Ярославль»[31]. Прямых указаний на строительство в городе совсем немного — под 1302 г. есть сообщение о строитель-

[23] См. А. В. Экземплярский. Ук. соч., т. 2, стр. 85.
[24] ААЭ, т. I, № 30 и 34.
[25] ДДГ, стр. 196; ПСРЛ, т. IV, стр. 148.
[26] ПСРЛ, т. XIII, стр. 187.
[27] См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 416.
[28] ПСРЛ, т. I, стр. 530.
[29] ПСРЛ, т. I, стр. 533; т. XI, стр. 231.
[30] ПСРЛ, т. IV, стр. 67.
[31] ПСРЛ, т. VIII, стр. 97.

стве церкви св. Михаила и под 1463 г. о сооружении каменной гробницы ярославских князей[32]. Но видное политическое значение города в событиях XIV—XV вв. заставляет думать о его более или менее значительном развитии. Уже в первые годы после татарского нашествия Ярославль наряду с Ростовом выступает во главе борьбы против завоевателей. Сохранилось предание о наиболее раннем в Северо-Восточной Руси восстании против татар, происшедшем в Ярославле 3 июля 1257 г.[33]. Затем в 1262 г. в Ярославле было крупное восстание, как и в других северо-восточных городах[34].

В последующем летописи говорят о Ярославле реже и меньше. В XIV в., в особенности, видимо, после разгрома города Калитой при помощи татар, Ярославское княжество попало в полную зависимость от Москвы. К тому же оно заметно ослабевало, дробясь на мелкие уделы. Ярославские князья находились в подчинении Москвы, исправно выполняли волю московских князей, посылали свою рать для участия в походах к Новгороду Великому и к Новгороду Нижнему. Вновь усилилось значение Ярославля в обстановке феодальной войны второй четверти XV в., и это вполне понятно, так как Поволжье являлось объектом напряженной борьбы. Не случайно еще по дороге в Галич со злополучной великокняжеской свадьбы Юрьевичи прежде всего «пограбиша Ярославль»[35], нанеся удар этому городу, ставшему важным стратегическим пунктом для Москвы. Впоследствии не раз Василий Васильевич базировался в своих военных действиях на Ярославль, а Шемяка пытался взять этот город. Вскоре после окончания феодальной войны Ярославское княжество перестало существовать, когда в 1453 г. последний ярославский князь Александр Федорович Брюхатый променял свое княжество на вотчины в Московском княжестве.

При всем этом трудно, однако, сказать, насколько значительным было развитие Ярославля в XIV—XV вв. По сведениям Д. Корсакова, в XV в. новые слободы ярославских горожан возникали за пределами городского вала[36].

[32] ПСРЛ, т. VI, стр. 185.

[33] См. К. Д. Головщикова. История города Ярославля. Ярославль, 1889, стр. 44.

[34] ПСРЛ, т. XXV, стр. 144.

[35] ПСРЛ, т. VIII, стр. 97.

[36] Д. Корсаков. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 201.

Остатки этого вала обнаружены при археологических работах в Ярославле, производившихся Н. Н. Ворониным в 1940 г. Однако общие итоги раскопок оказались неутешительными. «Слой монгольской поры XIII—XIV вв. на вскрытом участке около собора очень беден и не дает сколько-нибудь выразительной картины жизни города в это время»[37]. Археологи обнаружили лишь единичные обломки гончарной посуды. Конечно, эти раскопки, произведенные на узком участке в центре города, еще недостаточны, чтобы судить в целом о городе, тем более, что посад Ярославля развивался за пределы городского вала, хотя несомненно и то, что ущерб, нанесенный монголо-татарским нашествием, не мог не сказаться отрицательно на экономическом состоянии Ярославля. Сооружение храмов и начало каменного строительства в XV в. здесь, как и в других городах, есть верное косвенное свидетельство подъема ремесленного производства. Был Ярославль и торговым центром. Еще грамота Василия Явидовича, относящаяся ко времени Ивана Калиты, освобождала монастырские владения в городе от уплаты торговых пошлин и запрещала ставить монастырских гостей перед княжеским наместником[38]. В документах московско-крымских отношений первых лет XVI в. упоминаются ярославские купцы, ведшие торговлю с далекой Кафой[39]. В Ярославле XIV—XV вв. сохранились местные художественные традиции, связывавшие ярославское искусство этого времени с периодом его расцвета в первой половине XIII в. Выдающимся памятником ярославского искусства является украшенное миниатюрами «Федоровское евангелие», выполненное в 1321—1327 гг.[40].

В XIV—XV вв. большое значение приобрела Кострома. Впервые она упоминается в летописи под 1213 г., но, судя по некоторым данным, основание Костромы может быть отнесено к 1152 г. и связывается с деятельностью Юрия Долгорукого[41]. Однако в XII в. Кострома, по-видимому, не получила еще сколько-нибудь значительного развития. В 1213 г. она стала уже центром удельного княжества, а

[37] Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11. М.—Л., 1949, стр. 192.

[38] См. Н. М. Карамзин. Ук. соч., т. IV, прим. 328.

[39] СРИО, т. 41, стр. 351 и 409.

[40] История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 12.

[41] Существование города в XII в. подтверждено археологическими раскопками. См. М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, вып. 47. М., 1952, стр. 108.

позднее входила в состав владений великого княжения Владимирского. Росту Костромы в XIV—XV вв. весьма способствовало ее выгодное географическое положение. Через Кострому проходили важные сухопутные и водные пути, связывавшие от Дмитрова — Переяславля — Ростова центральные районы Северо-Восточной Руси с Волгой и с Заволжьем — Галичем, Чухломой; по р. Костроме и далее по Сухоне шел путь в Двинскую землю, этим же путем пользовались новгородские «ушкуйники», выходя через Кострому на Волгу. Через Кострому шло одно из главных направлений новгородской торговли. В договорной грамоте с великим князем Ярославом Ярославичем в 1270 г. Новгород уславливался «про купче новгородъские, что в Костроме и по иным городам», чтобы их, «исправив, пусти в Новгород с товаром»[42]. Особенно важное значение путь через Кострому на север приобрел к концу XIV в. для Москвы в связи с борьбой за Двинскую землю. Двинская уставная грамота Василия Дмитриевича 1397 г. предусматривала льготный провоз товаров через Кострому в Двину. По Волге шел путь в соперничавшее с Москвой Тверское княжество. В районе Костромы образовались крупные земельные владения, эксплуатировались соляные, рыбные и другие промыслы. Московские князья в XIV в. приобретали земельные владения в районе Костромы. В 1313 г возник Ипатьевский монастырь в Костроме.

По некоторым косвенным данным можно судить о значительном для XIV—XV вв. росте города. По мнению местного историка Скворцова, к середине XIV в. было завершено создание системы городских укреплений при впадении р. Костромы в Волгу. Летопись сообщает о том, что на защиту города в 1375 г. от набега новгородцев вышло «много боле 5 тысяч» горожан[43]. Описание того же набега свидетельствует о том, что Кострома была тогда богатым городом. Не имея возможности взять награбленные богатства с собой, ушкуйники утопили множество их в Волге, взяв с собой лишь драгоценности. Нападение на Кострому непосредственно затрагивало интересы Москвы, в результате чего произошел конфликт московского князя с Новгородом. Кострома привлекала внимание богатого купечества. Великий князь Димитрий Иванович выдал специальную

---

[42] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 116.
[43] ГВНиП, № 11, стр. 13.

льготную грамоту купцу Евсею, переселявшемуся из Торжка в Кострому[44].

О размерах города может говорить сообщение летописи о пожаре 1413 г. уничтожившем 30 церквей[45]. Еще ранее имеется свидетельство о том, что в Костроме было несколько посадов[46]. К сожалению, нет никаких прямых сведений о развитии ремесленного производства в Костроме XIV—XV вв., но есть все основания предполагать его существование в этом значительном городе, который «Сказание о Мамаеве побоище» упоминает в числе самых крупных русских городов того времени среди Москвы, Переяславля, Владимира и Ростова.

В 1272 г. костромской князь Василий Ярославич стал великим князем, он жил в Костроме до своей смерти в 1276 г., заняв также и Новгородский стол. В это время Кострома стала важным центром политической жизни Северо-Восточной Руси. Здесь происходили, в частности, княжеские съезды.

В событиях XIV—XV вв. Костроме принадлежало видное место. Не случайно, что с самого начала борьбы Москвы и Твери за политическое первенство в Северо-Восточной Руси обе стороны старались завладеть Костромой. Московский князь Юрий Данилович, отправляясь в 1304 г. в Орду для решения спора, послал в Кострому своего брата Бориса, рассчитывая, очевидно, прервать в Костроме связь Твери по Волге с Ордой. В Костроме Борис был схвачен тверскими боярами и уведен в Тверь, сам Юрий прошел в Орду другим путем. Однако попытка тверских бояр закрепить город за Тверью привела к восстанию горожан, в результате которого тверские бояре были убиты. Сообщение о восстании 1304 г. в Костроме особенно ценно своим указанием на вече, что говорит о развитой городской жизни[47].

В 1317 г. у Костромы собирались войска к Юрию и Кавгадыю для борьбы с Тверью, туда же подошел и Михаил Ярославич Тверской и после переговоров уступил Юрию великое княжение. Повторная попытка захвата Костромы

[44] ДАИ, т. I, № 8.
[45] ПСРЛ, т. XV, стр. 486.
[46] См. А. А. Титов. Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской. Труды IV областного археологического съезда в Костроме 1901 г. Кострома, 1914, стр. 40 (запись под 1340 г.)
[47] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 107

была предпринята Тверью в момент резкого обострения борьбы за великое княжение в 1371 г. В 1329 г. Кострома в составе великого княжения Владимирского перешла под власть московского князя Ивана Даниловича Калиты[48]. Она играла важную роль для Москвы в борьбе с татарскими нашествиями. Иногда Кострома, как например, в 1318 г., непосредственно подвергалась вторжению татар, шедших снизу по Волге. В 1360 г. туда собирались русские князья для переговоров с послами Орды с целью ликвидации конфликта, возникшего из-за нападения новгородцев на татар. Но основная роль Костромы в борьбе с татарами была другой. Расположенная в глубинном тыловом районе и связанная хорошими путями сообщения с различными частями Северо-Восточной Руси, Кострома была центром собирания русских сил в момент вторжения татарских полчищ. Костромская рать участвовала в Куликовской битве 1380 г.[49] На Кострому спешно уезжали Димитрий Донской в 1382 г. во время нападения Тохтамыша и Василий Димитриевич в 1408 г. при приближении Едигея[50]. После вторжения Едигея были предприняты дополнительные меры для усиления обороны Костромы со стороны Волги: в 1410 г. была построена крепость Плес[51], в 1416 г., очевидно, после пожара 1413 г., была построена заново деревянная крепость в Костроме[52]. Кострома являлась сборным пунктом войск великого князя не только в борьбе с татарами, но и в подавлении сопротивления противников государственной централизации. В 1414 г. там собирались ярославские, ростовские и другие отряды, шедшие против попытавшихся отделиться от Москвы нижегородских князей[53]. Стратегическое значение Костромы было большим во всех этих событиях.

События последующих лет были для Костромы весьма тяжелыми. Несколько лет подряд случались неурожаи, затем прошла через Кострому страшная эпидемия, опустошившая, как и в 1365 г., город и уезд (1420—1423 гг.). Летопись особо отметила дороговизну на костромском рын-

---

[48] НПЛ, стр. 469.
[49] ПСРЛ, т. VIII, стр. 97.
[50] ПСРЛ, т. VI, стр. 99 и 136.
[51] ПСРЛ, т. XXV, стр. 240.
[52] ПСРЛ, т. XXV, стр. 243.
[53] ПСРЛ, т. XV, стр. 457.

ке. В 1423 г. оков ржи стоил в Москве рубль, а в Костроме — два рубля [54]. В 1429 г. Кострома подверглась нападению татар[55]. Во второй четверти XV в. Кострома оказалась на одном из главных направлений, по которым проходила феодальная война. Обе стороны неоднократно захватывали Кострому, прилагая заметные усилия к тому, чтобы завладеть этим важным поволжским городом. Значение Костромы для великокняжеской власти было подчеркнуто еще раз тем, что по завещанию Василия Васильевича в 1462 г. Кострома вошла в состав владений старшего сына нового великого князя Ивана III.

В юго-западной, наиболее населенной части Костромского уезда находилась **Нерехта**. Впервые она упомянута под 1213 г. В районе Нерехты находились соляные варницы, принадлежавшие в XV в. Троице-Сергиеву монастырю и великому князю. По-видимому, Нерехта была центром торговли солью. Имеется сообщение о том, что во второй половине XIV в. во вновь созданном близ Нерехты монастыре была устроена специальная гостиница, где игумен «з братьею и приходящими гостьми хлебствующе»[56]. Но ясных указаний на существование в Нерехте городского поселения нет. Характерно то, что грамоты XV в. постоянно упоминают Нерехту не как город, а как волость [57]. Можно думать, что Нерехта в XV в. была еще небольшим промыслово-торговым пунктом.

Как отмечалось выше, в 1410 г. для защиты Костромы снизу по Волге была срублена крепость **Плес** (Плесо)[58] по повелению великого князя Василия Димитриевича. Эта крепость, расположенная на высоком холме на правом берегу Волги, имела обычный для городов того времени тип деревоземляных укреплений и охватывала небольшую площадь — около 700—800 метров в поперечнике. По-видимому, в Плесе было постоянное население, так как летопись упоминает Плес в числе мест, пораженных эпидемией 1419 г.[59]. В 1429 г. Плес был разорен и пленен татарской ратью[60], но продолжал затем свое существование. Он упомянут в

[54] ПСРЛ, т. VI, стр. 142.
[55] ПСРЛ, т. XII, стр. 8.
[56] Житие Пахомия. Труды IV областного археологического съезда в Костроме 1901 г. Кострома, 1914, стр. 9.
[57] ДДГ, стр. 56, т. I, № 131, 136, 202, 207 и др.
[58] ПСРЛ, т. XXV, стр. 240.
[59] ПСРЛ, т. VI, стр. 141.
[60] ПСРЛ, т. XII, стр. 8.

«Хождении» Афанасия Никитина. Данных о существовании посада в Плесе XV в. нет.

К северу от Нижнего Новгорода на левом берегу Волги находился **Городец** (Радилов), впервые упомянутый в летописи под 1172 г. Однако, по мнению А. С. Гацискаго, уже в XI в. на месте этого города существовало одно из древнейших русских поселений в Нижегородском Поволжье[61]. А. Н. Насонов отнес возникновение Городца как города к 1164 г., связывая его с первым походом Андрея Боголюбского на Булгар, когда Городец приобрел роль военной базы против болгар и охранял подступы к Верхней Волге от нападений снизу[62]. С происхождением древнего Городца связана легенда «о граде Китеже». В. Л. Комарович в специальном исследовании установил тождество легендарного «малого Китежа» с историческим Городцом. Характерно, что легенда связывает строительство Городца с деятельностью Юрия Долгорукого, что отразило сохранившуюся в народе память о князе-градостроителе[63].

Судя по отсутствию в летописи упоминаний о Городце в конце XII — первой половине XIII в., можно думать о незначительном развитии города в то время. В 1237 г. он был разрушен татарами, но после этого, уже во второй половине XIII столетия, значение Городца начинает усиливаться. Подъему Городца способствовало не только его положение на волжском пути, но также и наличие в его районе природных богатств. Источники упоминают о «Соли на Городце» и о «городецких варницах»[64]. Путь в далекие татарские страны лежал через Городец, там окончил свою жизнь возвращавшийся из трудной поездки к хану Александр Ярославич Невский в 1263 г. В 1304 г. в Городце был погребен скончавшийся великий князь Андрей Александрович, владевший им и Нижним Новгородом с 1279 г.[65]. Когда в середине XIV в. оформилось великое Суздальско-Нижегородское княжество, Городец сразу приобрел в нем значение важнейшего центра. Не раз во время междоусобиц нижегородских князей он становился

[61] См. А. С. Г а ц и с к и й. Нижегородка. Нижний Новгород, 1875, стр. 1.

[62] См. А. Н. Н а с о н о в. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 190—191.

[63] См. В. Л. К о м а р о в и ч. Китежская легенда. М.—Л., 1936.

[64] ДДГ, стр. 43.

[65] ПСРЛ, т. XXV, стр. 114—145, 392.

опорой противников тех, кому доставался Нижний Новгород, как например, во время борьбы между Димитрием и Борисом Константиновичами.

Относительно развития самого Городца у нас имеется очень мало сведений. Сохранились остатки укреплений Городца — вал полукружием длиной около 2-х верст, имевший высоту со стенкой оврага в 14 сажен и ширину в 3 сажени. Неизвестно, было ли в Городце каменное строительство[66]. Соборная церковь Михаила Архангела, уничтоженная пожаром 1368 г., была в том же году восстановлена князем Борисом Константиновичем[67]. В летописи упоминается городской монастырь св. Лазаря[68], но, видимо, существовали там и другие монастыри, так как в рассказе о гибели города в момент вторжения одного из отрядов Едигея в 1408 г. летописец упоминает во множественном числе о сожжении всех монастырей и церквей, не называя поименно[69]. Нет никаких сведений о городецком ремесле, хотя существование его в таком княжеском центре несомненно. Есть зато прямое указание на взимание в Городце торговых пошлин мыта и тамги[70], причем доходы от них были, видимо, немалыми, если Городец вместе с Угличем должны были платить в счет ордынского «выхода» почти 600 рублей.

Отметим, наконец, значение Городца в культурной жизни Руси XIV—XV вв. Именно оттуда был знаменитый старец Прохор, работавший вместе с Андреем Рублевым на росписи Благовещенского собора в Москве в 1405 г.

К Городцу «тянул» небольшой городок **Юрьевец Повольский** на Волге, упомянутый в списке городов конца XIVв. О внутреннем развитии Юрьевца источники сведений не дают.

При слиянии Оки и Волги на восточной окраине Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. вырос один из самых значительных ее городских центров — **Нижний Новгород.** Он был основан в 1221 г. (по сообщению Нижегородской летописи — в 1212 г.) князем Юрием Всеволодовичем на

---

[66] См. Д. Днепровский. Древний вал и крестовые сосны в с. Городце. Действия Нижегородской ученой архивной комиссии, т. XVIII, вып. IV. Нижний Новгород, 1914.
[67] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 126.
[68] ТЛ, стр. 385.
[69] ПСРЛ, т. XV, стр. 483,
[70] ДДГ, стр. 43.

месте древнейших мордовских, а затем и русских поселений. Возникший как сторожевой форпост Ростово-Суздальской земли против нападений с востока, этот город в XIV—XV вв. приобрел исключительно большое значение, что было обусловлено рядом обстоятельств. Положение города на главном водном пути в Орду, удобная система водных и сухопутных дорог, связывавших его с различными районами Северо-Восточной Руси, быстрое заселение и хозяйственное освоение близлежащего района способствовали быстрому росту Нижнего Новгорода. По Оке и Волге сходились к Нижнему Новгороду наиболее оживленные и важные пути из всех северо-восточных земель и далее шли в Орду и страны Востока. О постоянном движении по этим путям свидетельствует, например, распространение эпидемии 1364 г., пришедшей «из Низу от Бездежа в Новогород Нижний, а оттоле на Коломну»[71].

О развитии и росте города мы можем судить на основании некоторых сообщений письменных источников. Нижний Новгород был разгромлен Батыем во время второго похода 1239 г. Во второй половине XIII в. город, видимо, еще не играл значительной роли, но в XIV в. рост его прослеживается по ряду признаков. В 1328—1330 гг. там возник крупный Печерский монастырь. Уже в 1350 г. Нижний Новгород стал центром Суздальско-Нижегородского княжества, оттеснив в политическом отношении древний Суздаль на второй план. В том же году князь Константин Васильевич Суздальский заложил в Нижнем Новгороде каменный Спасо-Преображенский собор, разрушив для этой цели ранее существовавшую здесь старую и ветхую каменную же церковь[72]. В новый собор торжественно перенесли из Суздаля княжескую святыню — икону Спаса[73], а в 1359 г. Нижний Новгород стал центром епископии. Таким образом, уже в середине XIV в. Нижний Новгород приобрел значение крупного политического центра, в связи с чем стали происходить заметные изменения и во внешнем облике города. Помимо каменного строительства, производившегося и ранее середины XIV в., нужно отметить внимание местных князей к созданию системы оборонительных сооружений. В 1363 г., во время распрей между князьями, князь Борис

[71] ТЛ, стр. 380.

[72] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. 1, стр. 60.

[73] См. Н. Храмцовский. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1857, стр. 16.

Константинович «заложи город сыпати»[74], т. е., по-видимому, усиливал или создавал заново обычные дерево-земляные укрепления. В «Нижегородском летописце» имеется известие о том, что уже в 1365 г. «князь Борис Константинович в Нижнем Новгороде повеле ров копать, где быть каменной городовой стене и башням»[75]. Если это сообщение достоверно, то получается, что замысел строительства каменных укреплений и попытка приступить к его осуществлению возникли в Нижнем Новгороде даже раньше, чем в Москве. Но другое сообщение о начале строительства каменного кремля в Нижнем Новгороде относит его к 1372 г.[76]. «Нижегородский летописец» сообщает, далее, что в 1374 г. князь Димитрий Константинович «повеле делать каменную стену и зачаты Димитровские ворота»[77]. Несколько противоречащие друг другу сообщения летописей не дают возможности точно установить ясную историю строительства каменных укреплений в Нижнем Новгороде в XIV в. Новейшие исследователи нижегородского кремля отмечают, что «трудно сказать, в какой мере был выполнен план строительства князей Бориса и Димитрия, но есть основания считать, что стены существующего кремля XVI в. покоятся на остатках сооружения XIV в., повторяя его план по крайней мере в нагорной части»[78]. Во всяком случае в древнейшем списке русских городов, помещенном в Археографическом списке Новгородской первой летописи младшего извода и возникшем, по исследованию М. Н. Тихомирова, в конце XIV в.[79], Нижний Новгород не обозначен как каменный город[80]. Прибавление к «Нижнему Новгороду» слова «камен» встречаем лишь в Ермолинской летописи конца XV в.[81]. Вряд ли можно игнорировать такие особенности «Списка», возникшего как специальный перечень укрепленных пунктов на Руси и потому с особой точностью

[74] ТЛ, стр. 379.

[75] А. С. Г а ц и с к и й. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1888, стр. 13.

[76] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 112 («Того же лета князь Димитрей Константинович заложи Новгород камен»).

[77] «Нижегородский летописец», стр. 17.

[78] И. В. Т р о ф и м о в и И. А. К и р ь я н о в. Материалы к исследованию Нижегородского кремля. МИА, № 31. М., 1952, стр. 324.

[79] См. М. Н. Т и х о м и р о в. Список русских городов, стр. 218.

[80] НПЛ, стр. 477.

[81] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 164; т. VII, стр. 247.

фиксировавшего характер укреплений. Вероятнее предположить, что строительство каменного кремля в XIV в. не было завершено, только богатые московские князья могли в XIV в. осуществить постройку каменных стен, и только Москва с ее передовым уровнем развития ремесленного производства могла обеспечить такое строительство. Но то что в Нижнем Новгороде по крайней мере было приступлено к такому строительству, свидетельствует о значительном росте города в XIV в. В XV в. существовали два укрепленных центра в Нижнем Новгороде — «Старый» и «Новый» города [82].

Вообще же каменное строительство получило в Нижнем Новгороде заметное развитие. В 1359 г. была построена каменная церковь Михаила Архангела, в 1371 г. — каменная церковь Николы на Бечеве[83].

Несмотря на опустошения, произведенные пожарами 1359 и 1363 гг., набегами новгородских ушкуйников в 1366, 1375, 1409 и других годах, эпидемией 1364 г., нападением Арапши после поражения на Пьяне в 1377 г., когда «люди горожане новогородьстии разбежашося в судах по Волге к Городьцу»[84], город продолжал расти. О его масштабах дает некоторое представление большое количество церквей, уничтоженных пожаром 1377 г., когда «град весь и церкви и монастыри пожгоша; изгорело церквей в граде 32»[85]. Только в одной слободе на р. Оке во время оползня 1392 г. было засыпано сто пятьдесят дворов[86]. Летописи упоминают о наличии в городе двух посадов в XV в. — верхнего и нижнего.

Некоторые данные позволяют судить о развитии Нижнего Новгорода как центра ремесленного производства. Наличие в городе княжеского стола и епископии заставляет предположить о существовании оружейного и ювелирного дела. Производство монет в Нижнем Новгороде отмечено источниками. В 1378 г. во время татарского вторжения «у святого Спаса иконы пожгоша и двери выжгоша, иже чюдно беша устроены дивно медью золоченою»[87]. Вероят-

[82] НПЛ, стр. 477.
[83] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 112.
[84] ПСРЛ, т. X, стр. 178; ТЛ, стр. 379; ПСРЛ, т. XVIII, стр. 110; т. XI, стр. 6—7; т. XV, стр. 485; ТЛ, стр. 380; ПСРЛ, т. XV, вып. 2, ч. I, стр. 119.
[85] ПСРЛ, т. XV, вып. 2, ч. 1, стр. 119.
[86] Нижегородский летописец, стр. 28.
[87] ТЛ, стр. 415.

но, в городе имелось медиолитейное производство, находившееся на высоком техническом и художественном уровне. Должно было получить развитие в Нижнем Новгороде строительство речных судов. Среди нижегородских ремесленников были также мастера иконописи, — известны нижегородские иконы середины XIV в.[88]. Мастерами книжного дела было сделано харатейное Евангелие 1404 г.[89].

Из некоторых сообщений летописи видно значение Нижнего Новгорода, как торгового центра. Не случайно город был объектом многократных набегов новгородских ушкуйников, привлекая их своими богатствами. В 1366 г. ушкуйники «избиша татар и армен в Новегороде множество, гостей сущих татарских, такоже и Новогородцких и жены и дети их избиша, и товар их безчисленно пограбиша, и суды их вся изсекоша, и паузкы, и кербаты, и лодьи, и учаны, и мисаны, и бафхты, и струги...»[90]. Это сообщение позволяет нам представить оживленный торговый город на Волге XIV в., где к берегу пристают десятки судов из разных стран, где продают и покупают товары русские, татарские и армянские купцы. О пребывании в Нижнем Новгороде купцов из восточных стран мы не раз встречаем упоминания на страницах летописи. Нижний Новгород был своеобразными торговыми воротами Руси XIV—XV вв., через которые шел главный путь торговых связей с другими странами в тяжкие столетия монгольского ига. Об исключительном торговом значении Нижнего Новгорода для Северо-Восточной Руси свидетельствует и забота московских князей об обеспечении безопасности нижегородской торговли. Набег ушкуйников вызвал серьезный конфликт Москвы с Новгородом, которому Димитрий Иванович предъявил обвинение «почто естя ходили грабити и бити моих гостей?». Такой же конфликт произошел и в 1386 г. — «про то, что они взяли разбоем Кострому и Новгород Нижний»[91].

В Нижнем Новгороде выросло крупное местное купечество. Один из его представителей хорошо известен — Тарас Петров, самый богатый купец в Нижнем Новгороде, «съехавший» после разорения его вотчин Арапшой в Москву.

Об экономическом развитии Нижнего Новгорода может

---

[88] См. А. С. Г а н и ц к и й. Нижегородка, стр. 129.
[89] Там же.
[90] ПСРЛ, т. XI, стр. 6—7.
[91] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 166.

свидетельствовать и высокая сумма «старого долга» для выплаты «выхода», зафиксированная в докончании 1401—1402 гг. — 3 500 рублей[92].

Летопись сообщает также о хлебной торговле в городе; во время голода 1412 г. там были самые высокие цены на рожь[93].

Выдающееся значение Нижнего Новгорода привлекало немалое внимание соперников, боровшихся за главенство в русских землях. Еще в начальный период борьбы Москвы и Твери тверские князья попытались захватить город. Но в 1305 г. это привело к восстанию нижегородцев, собравшихся вечем. В 1311 г. попытка тверского князя захватить Нижний Новгород была пресечена митрополитом Петром, отказавшимся благословить поход[94]. Московские князья проявляли большой интерес к этому городу. В 1328 г. татары изъяли Нижний Новгород и Городец из отчинных владений московских князей, стремясь к ослаблению последних, но до 1340 г. городом фактически владел сын Ивана Калиты — Семен, которого смерть отца и застала в Нижнем Новгороде [95]. С 1341 г. при поддержке Орды образовалось Суздальско-Нижегородское «великое княжение», которое в 50-х гг. значительно усилилось, чему, несомненно, способствовал и подъем Нижнего Новгорода. В связи с этим суздальские князья предприняли попытку даже захватить великое княжение. Но Москва энергично старалась подчинить Нижний Новгород своему влиянию. В 1363 г. митрополит Алексей подчинил Нижний Новгород в церковном отношении непосредственно себе, а затем его посланец Сергий Радонежский прибег по указанию митрополита и великого князя даже к крайней мере — закрытию церквей в городе, чтобы заставить князя Бориса Константиновича пойти на уступки московскому князю [96]. На некоторое время Нижний Новгород стал центром привлечения враждебных Москве элементов: «Тогда вси князи ехаша в Новгород Нижний к князю Димитрию Константиновичу, скорбяше о княжениях» [97]. В результате решительных действий

---

[92] ДДГ, стр. 44.
[93] ПСРЛ, т. XV, стр. 486.
[94] ТЛ, стр. 354.
[95] См. Л. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 96—97.
[96] ПСРЛ, т. XI, стр. 4.
[97] Там же, стр. 4.

Москвы эта попытка была ликвидирована, в 1363 г. нижегородский князь сам уступил великое княжение Димитрию Ивановичу, «кланяяся и покаряяся и прося мира»[98], а в дальнейшем Димитрий Иванович московский закрепил свое влияние в Нижегородском княжестве своим браком с дочерью Димитрия Константиновича нижегородского в 1366 г. Затем в Нижний Новгород отправился митрополит Алексей, остававшийся там в момент нападения Ольгерда на Москву 1370 г.[99]. Московская рать неоднократно отправлялась в нижегородские пределы для обороны от нападения татар, а в 1373 г. из Нижнего Новгорода привел войска Владимир Андреевич Серпуховский к Димитрию Московскому на берег Оки, где охранялись московские границы во время нападения татар на рязанские земли.

Однако суздальско-нижегородские князья не оставляли своих замыслов и использовали затруднения Москвы. Хотя нижегородская рать участвовала в Куликовской битве, в 1381 г. Димитрий Константинович вошел в соглашение с Тохтамышем. Его сыновья ходили вместе с Тохтамышем на Москву и сыграли там предательскую роль по отношению к москвичам[100]. Татары не тронули тогда Нижегородское княжество. В 1388 г. князья Василий и Семен Димитриевичи при помощи Москвы безуспешно пытались осадить город, чтобы согнать князя Бориса Константиновича[101]. В 1392 г. Василию Димитриевичу удалось получить ярлык на Нижний Новгород. Нижегородские бояре, перед тем поклявшиеся быть верными своему князю, при приближении московских войск перешли на сторону Москвы, что и дало летописцу повод сравнить старшего нижегородского боярина Василия Румянца с древним Блудом[102]. В последующем развернулась длительная борьба нижегородских князей, пытавшихся при поддержке Орды вернуть себе утраченный стол, что приводило к неоднократным нападениям на город, иногда с помощью татар (1399, 1403, 1414 гг.)[103]. В 1409 г. город был совершенно опустошен одним из отрядов Едигея[104]. Новое обострение борьбы

[98] ПСРЛ, т. XXV, стр. 186.
[99] ПСРЛ, т. XI, стр. 19.
[100] ПСРЛ, т. XV, стр. 442.
[101] ТЛ, стр. 432.
[102] ПСРЛ, т. XV, стр. 446.
[103] ПСРЛ, т. XXV, стр. 225—226 и 229; ПСРЛ, т. XV, стр. 482, 487.
[104] НПМ, стр. 400—401.

произошло в период феодальной войны второй четверти XV в., когда противники государственной централизации сделали попытку восстановить Суздальско-Нижегородское княжество на правах великого [105]. В 1445 г. Нижний Новгород вновь подвергся татарскому нападению, когда Улу-Мухаммеду не удалось взять «нового города», где «затворишася воеводы великого князя», которые затем не выдержали осады, «понеже изнемогоша с голоду», а «град же сжегше» [106]. Улу-Мухаммед на некоторое время обосновался в Нижнем Новгороде. С победой Москвы Нижний Новгород окончательно стал «отчиной» великого князя.

Нижний Новгород был и крупным культурным центром Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. В 1377 г. здесь монах Лаврентий составил для Димитрия Константиновича свою знаменитую летопись, здесь переписывались книги и создавались новые, развивались зодчество и живопись. Сюда проникали византийские образцы иконописи, как например, присланная в 1381 г. Дионисием с греком Михаилом философом из Царьграда копия иконы Спаса [107]. В Печерском монастыре жил «книжный и чудный инок», «философ» Павел Высокий [108].

По уровню своего развития Нижний Новгород может быть поставлен в круг наиболее выдающихся северо-восточных русских городов XIV—XV вв., и связано это с той исключительной ролью, которую приобрел этот город для всей Северо-Восточной Руси в условиях борьбы против монголо-татарского ига и за объединение русских земель вокруг Москвы.

«Пригород» Нижнего Новгорода — **Курмыш** на р. Суре был основан князем Борисом Константиновичем в 1372 г. [109]. О развитии Курмыша сведений в источниках нет.

В развитии городов Поволжья можно заметить некоторые особенности. Если центральные города Северо-Восточной Руси были значительными центрами еще до татарского нашествия, то города Поволжья впервые переживают подъем именно в XIV—XV вв., причем этот подъем нарастает

---

[105] См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 131.

[106] ПСРЛ, т. VI, стр. 171.

[107] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 131.

[108] ПСРЛ, т. XI, стр. 12.

[109] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 112. См. А. В. Экземплярский. Ук. соч., т. 2, стр. 402.

в общем направлении к востоку, по течению Волги, и достигает наиболее значительных размеров на восточной окраине Северо-Восточной Руси — в Нижнем Новгороде.

Рост городов Поволжья следует поставить в прямую связь с увеличением значения волжского пути для северо-восточных русских земель в XIV—XV вв. В условиях монголо-татарского ига Волга приобрела исключительно важное значение и в торговом, и в военном отношениях. Углич и Молога играли еще небольшую роль, являясь выходами на волжский путь для незначительной части русских земель; большее значение имел в этом отношении Ярославль. Кострома уже связывала с Волгой как новгородские, так и центральные русские земли, кроме того, она играла большую роль в связях центра с богатым промыслами Заволжьем; наконец, Нижний Новгород приобрел первостепенное значение для всех северных русских земель в торговом и военном отношениях и потому стал не только самым крупным городом Поволжья, но и вошел в число самых крупных русских городов того времени вообще. Развитие городов Поволжья опиралось, конечно, как и всюду, на подъем местной феодальной округи, но при этом оно в значительной степени было ускорено ростом их торгового и военного значения в новых исторических условиях, возникших после монголо-татарского нашествия. В этом смысле развитие городов Поволжья было связано не только с местной экономикой, но и с общим экономическим подъемом русских земель в XIV—XV вв.

5. СЕВЕРНЫЕ ГОРОДА

Несколько городов, исторически связанных с Ростово-Суздальской землей, находилось на севере, в Заволжье.

В бассейне верхней Костромы развивался **Галич** Мерьский, центр удельного княжества, главный оплот антицентрализаторской деятельности в период феодальной войны второй четверти XV в. История Галича плохо освещается нашими источниками. Впервые город упомянут в летописи под 1237 г. в связи с разорением его татарами [1], но возник он, конечно, раньше. Галич находился в слабо заселенном районе и был первоначально опорным пунктом славянской колонизации среди неславянских народностей, откуда и

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 128.

название города «Мерьский», т. е. находящийся в земле меря. Своим развитием Галич был обязан, вероятно, богатым соляным источникам. В XIV—XV вв. эти источники разрабатывались крупными феодалами, имевшими свои варницы. Среди владельцев галичских варниц мы видим Троице-Сергиев монастырь и самого великого князя и членов его семьи[2]. Вокруг Галича образовались небольшие промысловые поселения, имевшие укреплений и тянувшие к Галичу — Соль Галичская, Унжа.

Уже в первой половине XIII в. Галич стал центром княжества Константина Ярославича. В документах XIV в. он фигурирует как «куплю» Ивана Калиты. Попав по завещанию Димитрия Донского во владение его сына — Юрия Димитриевича, Галич приобрел затем большое значение в политических событиях XV в. Само по себе это обстоятельство может служить косвенным указанием на заметное развитие города, потому что только развитый город мог служить в течение длительного времени устойчивой опорой мятежных князей в феодальной войне.

Отдаленный от основных районов Северо-Восточной Руси, Галич сравнительно меньше подвергался нападениям. Только ок. 1420 г. Галич пострадал от мора, а в 1429 г. к городу подошли татары, но взять его им не удалось[3]. Галич не подвергался таким разорительным опустошениям, как большинство русских городов XIV—XV вв., и это не могло не отозваться благоприятно на развитии города. Галич был хорошо укреплен, остатки его оборонительных дерево-земляных сооружений сохранились[4]. Московские войска смогли взять в 1450 г. Галич, расположенный на высокой горе, только обойдя город по оврагам со стороны озера[5]. Характерно, что за 16 лет до этого, в 1434 г., великий князь Василий Васильевич «взя Галич и сожже, а люди в полон поведе»[6]. Уничтоженный Галич, однако, восстановился и вновь стал грозной крепостью, гарнизон которой в 1450 г. располагал даже пушками. Ничего неизвестно о местном производстве этих пушек, но несомненно, что ремесло в Галиче было хорошо развито, ибо без этого нельзя было воссоздать серьезные

[2] ДДГ, стр. 35; ААЭ, т. I, № 52.
[3] ПСРЛ, т. XXV, стр. 244; т. VI, стр. 143.
[4] ЖМВД, 1848, т. IV, стр. 6.
[5] ПСРЛ, т. VI, стр. 179.
[6] Там же, стр. 149.

укрепления. В Галиче был посад, расположенный «на поле, у озера»[7]. Интересно, что соборная Спасо-Преображенская церковь Галича находилась на посаде. Галич был видным торговым центром, а сами галичане иногда отправлялись в весьма далекие торговые путешествия: источники называют галичанина Тереха, торговавшего в 1499 г. в Кафе[8].

Когда Галич был взят московской ратью в 1450 г., то «гражане же предавшася» великому князю, а «он град омирив и наместники своя посажав». До этого же времени галичане, видимо, поддерживали своего князя в феодальной войне, и не случайно их, как врагов, увел великий князь в плен в 1434 г. Когда соотношение сил окончательно изменилось в пользу великокняжеской власти, горожане, заинтересованные в сильном князе, «предаются» Москве даже в тех городах, которые долго служили опорой ее противников. Галичский удел был ликвидирован, а сам Галич стал местом ссылки противников великого князя — в 1493 г. туда отправился избежавший казни князь Ф. Бельский[9].

К северо-востоку от Галича находилась **Чухлома** при одноименном озере. В источниках она упоминается редко. В 1376 г. в далекую Чухлому был сослан опальный митрополит Пимен[10]. В списке русских городов конца XIV в. Чухлома упомянута; по-видимому, она имела укрепления. Во время феодальной войны противники великого князя укрывали в Чухломе пленную великую княгиню Софью Витовтовну[11].

Крупным городским центром в бассейне Сухоны и Северной Двины был **Устюг**, впервые упоминаемый в летописи под 1218 г.[12] и уже в XIII в. получивший большое развитие. Устюг входил в состав Ростовского княжества и Ростовской епископии и, таким образом, в политическом и культурном отношениях был тесно связан с Северо-Восточной Русью. Но к Устюгу большой интерес постоянно проявляла и Новгородская феодальная республика. В XIV—XV вв. Устюг неоднократно был местом столкновения московских войск с новгородцами, стремившимися захватить этот очень важный центр Заволочья.

[7] ПСРЛ, т. XII, стр. 2.
[8] СРИО, т. 41, стр. 298.
[9] ПСРЛ, т. IV, стр. 162.
[10] ПСРЛ, т. VIII, стр. 199.
[11] ПСРЛ, т. VI, стр. 175.
[12] ПСРЛ, т. I, стр. 476.

Устюг развивался в области мало удобной для земледелия и своим ростом обязан прежде всего богатым пушным промыслам. Не случайно устюжане откупались от новгородцев десятками тысяч белок и сотнями соболей [13]. Устюг был богатым городом. Множество золота и серебра хранилось в каменном соборном Успенском храме, воздвигнутом в 1290 г. и разграбленном новгородцами в 1393 г.[14]. В 1399 г. новгородцы, пытаясь усилить свое влияние в Устюге, послали туда церковных мастеров и «чудотворные иконы»: в том же году был поставлен новый деревянный большой собор в Устюге[15]. В летописи упомянут находившийся в Устюге десятник ростовского епископа, собиравший доходы в пользу своей епископии[16]. В районе Устюга находились владения московских князей [17], а в самом Устюге и около него существовали монастырские хозяйства. Развитие Устюга, таким образом, как и других городов, было связано с ростом феодального промыслового хозяйства в этом районе. В XV в. Устюг приобрел и немалое военное значение в борьбе с Казанским ханством[18] и в продвижении московских владений на Вятку[19].

В Устюге было богатое купечество, ведшее торговлю с Новгородом и Северо-Восточной Русью. Двинская уставная грамота великого князя московского Василия Димитриевича 1398 г. имела целью привлечение двинского купечества и боярства на свою сторону в борьбе за Подвинье с Новгородом и устанавливала льготы для движения купцов через Устюг[20]. Под 1475 г. находим интересное сообщение о том, что на Каме казанские татары побили сорок устюжан, «идущи к Тюмени торгом»[21], что указывает на роль устюжского купечества в продвижении в Западную Сибирь.

Устюг был многолюдным городом. В 1398 г. устюжские горожане выставили рать в две тысячи человек во время нападения новгородского войска[22], а в 1471 г. на Двине против новгородцев выступило уже около четырех тысяч

---

[13] ПСРЛ, т. IV, стр. 120.
[14] ПСРЛ, т. I, стр. 526; т. XI, стр. 155.
[15] УЛС, стр. 67.
[16] ПСРЛ, т. XII, стр. 21.
[17] ДДГ, стр. 196.
[18] УЛС, стр. 80 (1446 г.); ПСРЛ, т. XXIII, стр. 187 (1468 г.).
[19] ПСРЛ, т. VI, стр. 189 (1470 г.).
[20] ААЭ, т. I, № 13.
[21] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 195.
[22] ПСРЛ, т. IV, стр. 103.

устюжан[23]. Учитывая, что местность вокруг Устюга была малозаселенной, мы с большим вероятием можем считать, что эти рати формировались главным образом за счет городского населения Устюга. Если даже они включали всех способных носить оружие, то получится, что для конца XIV в. население Устюга можно исчислять примерно в шесть — семь тысяч, а для 70-х гг. XV в. — в двенадцать — четырнадцать тысяч человек.

Устюг был и одним из значительных культурных центров русского средневековья. Там было свое летописание, а устюжские монастыри были центрами письменности. Известный церковный деятель XIV в. Стефан Пермский «научи же ся в граде Устюге всеи грамотичнеи хитрости и книжности»[24].

В верховьях р. Сухоны находилась **Вологда**, древнейшие сведения о существовании которой восходят к XII в. Источники редко и мало говорят о Вологде в XIV в., и лишь с конца этого столетия Вологда начинает чаще встречаться на страницах летописей и актов. К этому времени относится возрастание роли этого города в экономической жизни и политических событиях, что связано с обострением борьбы Москвы за проникновение в Двинский край. Еще в 1366 г. Димитрий Иванович Московский выслал в Вологду свою заставу, которая задержала там ехавшего с Двины новгородского боярина Василия Даниловича с сыном[25], а в 1393 г. великий князь Василий Димитриевич отвоевал Вологду у Новгородской феодальной республики[26]. Овладение Вологдой имело большое значение для успеха борьбы московских князей за Двину.

О развитии и внутренней жизни Вологды в XIV—XV вв. мы располагаем немногими данными. Город имел обычные укрепления, остатки которых в виде валов сохранялись еще в конце XIX в.[27]. В 1335 г. Вологда была уничтожена пожаром[28], но в дальнейшем восстановилась и продолжала обстраиваться. Имеются сведения об усиленном строитель-

---

[23] ПСРЛ, т. VI, стр. 194.
[24] Житие Стефана Пермского, изд. Археографической комиссии. СПб., 1897.
[25] ПСРЛ, т. XI, стр. 6—7.
[26] НПЛ, стр. 386.
[27] См. И. К. Степановский. Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда, 1890, стр. 278.
[28] НПЛ, стр. 346.

стве церквей в Вологде во второй половине XIV в.[29]. Однако, по наблюдениям археолога А. В. Никитина, «до XV в. нельзя говорить о значительной величине города. Только с XVI в. он начал разрастаться... но даже и в это время он не представлял единого целого»[30]. Вологда была значительным торговым центром. О торговле в Вологде неоднократно упоминается в различных грамотах[31]. Местные князья, очевидно, собирали немалые доходы от транзитной торговли через Вологду. В духовной грамоте князя Андрея Васильевича (1481 г.) особо упоминается о том, что этот князь «прибавил пошлин в городе в тамге»[32].

Но в самой Вологде также образовалось купечество. О вологодских торговых людях, ходивших в Колмогоры, встречаем упоминания в Двинской уставной грамоте 1488 г.

О ремесленном производстве в Вологде XIV—XV вв. прямых указаний нет, но о существовании вологодского посада летопись прямо упоминает под 1492 г.[33]. Некоторый свет на внутреннюю жизнь города проливает жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю, данная в 1448—1469 гг.[34]. В этой грамоте упоминается более ранняя грамота Василия Васильевича, данная вологодским горожанам. По этой грамоте монастырский двор в Вологде должен был вместе с городом «тянути... во всякие проторы и в розметы и в все пошлины». Тем самым вологодские горожане добились важной уступки в свою пользу, и сама по себе выдача грамоты свидетельствует о борьбе вологодских горожан XV в. против феодального землевладения в городе. Однако цитируемая грамота восстанавливает иммунитет владений Кирилло-Белозерского монастыря в городе.

По-видимому, в период феодальной войны Вологда на какое-то время стала центром организации сил, поддерживавших великого князя. Это было тогда, когда Василий Васильевич, потерпев поражение, оказался владельцем Вологодского удела и к нему, как сказано в летописи под

[29] См. И. К. Степановский. Вологодская старина, стр. 20.

[30] А. В. Никитин. Раскопки в Вологде в 1948 г. КСИИМК вып. 52. М., 1953, стр. 105.

[31] ААЭ, т. I, № 13, 42 и др.

[32] ДДГ, стр. 277.

[33] ПСРЛ, т. IV, стр. 160.

[34] См. Н. Н. Дебольский. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1900, № CXCVI.

1447 г., «стеклись князи и дети боярские, и кто ему служивал и кто не служивал»[35]. Возможно, что к этому времени относится попытка Василия Васильевича опереться на вологодских горожан, чем и была вызвана упомянутая уступка в их пользу. На то, что Вологда стала очагом концентрации сил, поддерживавших великого князя, косвенно указывают события 1448 г., когда после ухода Василия Васильевича из Вологды Шемяка напал на город и подверг его разгрому. Эти действия Шемяки могли быть своего рода карательной экспедицией против вологодских горожан за их поддержку великого князя. Однако позднее, вероятнее всего уже после окончания феодальной войны, великий князь Василий Васильевич отобрал свою уступку вологодским горожанам и восстановил иммунитет монастырских владений в городе.

Самым древним городом на Севере было **Белоозеро**, первое упоминание о котором в источниках относится к 862 г. «Впрочем, сомнительно, чтобы Белоозеро представляло собой крупный населенный пункт в XI—XIII вв.; вернее, это был небольшой укрепленный городок», — пишет М. Н. Тихомиров[36]. Белоозеро находилось в слабо заселенном районе, мало удобном для земледелия, но богатом промысловыми угодьями. Особенно большое значение имели рыбные промыслы на Шексне и Белом озере. Через Белое озеро шел ближайший водный путь в богатый Северодвинский край. В районе Белого озера образовались феодальные владения. Особое место среди них заняли вотчины крупнейшего Кирилло-Белозерского монастыря. Белоозеро стало центром княжества, которое со времен Ивана Калиты фактически подчинялось Москве, а при Дмитрии Донском и юридически вошло в состав московских владений. Белоозеро имело большое значение для Москвы в борьбе с Новгородом и за овладение двинскими землями, и именно к концу XIV в. относится заметное по учащению летописных записей о Белоозере увеличение роли города. Это совпадало, вероятно, и с его собственным развитием и ростом.

Рубежом в истории города XIV—XV вв. был 1352 г., когда в результате эпидемии, по сообщению летописца, население Белоозера вымерло[37]. Город восстанавливался

[35] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 153.
[36] См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 421.
[37] ПСРЛ, т. X, стр. 224.

после этого уже на новом месте, в 17 км от старого. В 1398 г. во время московско-новгородской войны за Подвинье новгородцы «старый городок Белозерьскый пожгоша, а из нового городка вышедши князи Белозерьскии и воеводы князя великого»[38]. В начале XVI в. Герберштейн отметил, что Белоозеро — город с крепостью, окружен болотами[39].

Археологические работы Л. А. Голубевой не обнаружили остатков белозерских укреплений. Однако вряд ли можно настаивать на том, что сведения письменных источников в этой части ошибочны и что в Белоозере вообще не было укреплений, как это делает Л. А. Голубева, сближающая Белоозеро с новгородскими неукрепленными «рядками»[40]. Л. А. Голубева не привела никаких существенных доказательств, отвергающих подлинность летописных известий о наличии укреплений в Белоозере. Между тем, в «Списке русских городов» упоминаются «на Беле озере два городка»[41]. М. Н. Тихомиров считает, что «одним из них является город Белоозеро, другим надо признать городок Усть-Шехонский («Усть Шоксны») при выходе Шексны из Белого озера, часто упоминаемый в духовных и договорных грамотах московских князей одновременно с Белоозером»[42]. Но, может быть, более верным явилось бы сопоставление этих «двух городков» «Списка» с приведенным выше известием Новгородской первой летописи младшего извода о старом и новом белозерских городках. Это известие записано под 1398 г., «Список» возник почти одновременно — в последние годы XIV в., и под «двумя городками на Белоозере» понимали вероятно, и в «Списке», и в летописи одно и то же. Поэтому точное указание летописи об этих городках может расшифровать соответствующее место «Списка».

Во всяком случае Л. А. Голубева не доказала вымышленности летописных известий о белозерских укреплениях. Ее построения противоречат всему тому, что известно о Белоозере. Прибавим к этому, что великая княгиня Софья пряталась в Белоозере от нашествия Ахмед-хана в 1480 г. и там же была укрыта великокняжеская казна. Все это свидетельствует против мнения Л. А. Голубевой о Белоозере как неукрепленном «рядке».

[38] НПЛ, стр. 392.
[39] См. С. Герберштейн. Ук. соч., стр. 122—123.
[40] Л. А. Голубева. Древнее Белоозеро. КСИИМК, вып. 41. М., 1951, стр. 44 и сл.
[41] НПЛ, стр. 475.
[42] М. Н. Тихомиров. Список русских городов, стр. 252.

Но другие результаты исследований Л. А. Голубевой весьма интересны и важны. Она показала наличие сравнительно развитого ремесленного производства в Белоозере XIV—XV вв. Ей удалось даже найти остатки благоустройства Белоозера того времени — деревянные мостовые[43]. Эти данные хорошо согласуются с представлениями о городе, получаемыми при изучении письменных источников. Многие грамоты содержат указания на обширную торговлю в Белоозере. Местный князь Михаил Андреевич в 1473—1486 гг. выдал Череповскому Воскресенскому монастырю жалованную грамоту на право сбора в свою пользу на Белоозере весчей и померной пошлины с торговых людей и возов. Из грамоты видно, что на Белое озеро регулярно приходили торговать «лодьи» из монастырей: Троице-Сергиева, Симонова, Андроникова, Калязина, Песношского, Пустынского, Покровского, Борисоглебского и других[44]. Торговал в Белоозере и «свой», Кириллов монастырь. «Гости» приходили в Белоозеро и из Московского княжества, и из Тверского, и из Новгородской земли[45]. Везли на Белозерский торг товары и местные жители — «городской человек Белозерец и окологородец и изо всех волостей Белозерьских»[46]. Эти товары перечислены в таможенной белозерской грамоте 1497 г.: мясо, коровы, соль, скот, лук, чеснок, орехи, яблоки, мак, сыр, лошади, гуси, бараны, поросята[47]. Белоозеро было значительным торговым центром своего времени, это был развитый в экономическом отношении город, центр княжества, и сведения археолога о ремесле и благоустройстве древнего Белоозера дополняют характеристику этого города.

Условия развития северных городов также имели свои особенности по сравнению с центральными и поволжскими городами Северо-Восточной Руси. Эти города существовали в слабо заселенном, почти непригодном для земледелия районе, удаленном на значительные расстояния от основного массива русских земель. Экономической основой развития северных городов было промысловое хозяйство и связанная с ним торговля. При этом, как и всюду, рост этих городов был неразрывно связан с ростом феодальной

[43] См. Л. А. Голубева. Ук. соч., стр. 46.
[44] ААЭ, т. I, № 100.
[45] Там же, № 123.
[46] Там же, № 134.
[47] Там же.

собственности. Во второй половине XIV в. возросло и военно-политическое значение этих городов в связи с обострением борьбы между Москвой и Новгородом. Северные города меньше других страдали от внешних нашествий, а усиление колонизации Заволжья со второй половины XIV в. должно было способствовать усилению притока населения в них. С другой стороны, отдаленность этих городов от центра создавала благоприятную возможность для использования их в качестве опоры реакционных сил, что ярко сказалось во время феодальной войны.

6. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ (МОСКОВСКИЕ) ГОРОДА

Начиная с XIV в. Москва стала быстро выдвигаться в число самых крупных феодальных городов, а с середины XIV столетия прочно стала центром русских земель[1]. С Москвой неразрывно связана вся история борьбы против монголо-татарского ига и объединение русских земель в единое централизованное государство.

Как известно, буржуазная историография нередко сводила проблему образования единого Русского государства к вопросу о «возвышении Москвы». Марксистско-ленинская историческая наука рассматривает процесс образования Русского централизованного государства как явление, обусловленное ходом социально-экономического развития феодального общества. В этой связи вопрос о «возвышении Москвы» и его предпосылках приобретает подчиненное значение и лишь входит составной частью в широкую историческую проблему создания условий государственного объединения русских земель.

Объективными историческими предпосылками развития Москвы как феодального города в XIV—XV вв. были явления, общие для всех русских городов того времени: подъем производительных сил, развитие товарного производства и обращения, укрепление феодальных общественно-экономических отношений. Вместе с тем на темпы и

---

[1] Характеристику развития Москвы в XIV—XV вв. мы сочли возможным опустить в данной работе не только потому, что она представляет собой предмет самостоятельного исследования, но и потому, что Москва XIV—XV вв. обстоятельно изучена в новейшей работе М. Н. Тихомирова «Средневековая Москва». Мы ограничиваемся здесь лишь общей постановкой вопросов об условиях развития Москвы как города в XIV—XV вв.

уровень развития Москвы оказал непосредственное влияние ряд конкретно-исторических факторов, определивших сравнительно быстрое выдвижение Москвы и превращение ее в самый значительный городской центр Северо-Восточной Руси.

К числу таких конкретно-исторических факторов, оказавших благоприятное ускоряющее влияние на рост Москвы, следует отнести ее выгодное географическое положение, на что давно уже справедливо обращалось внимание в литературе[2]. В силу своего глубинного, центрального положения в русских землях и наличия удобных путей сообщения Москва имела не только хорошие связи с этими землями, но и оказалась наиболее важным центром организации борьбы против монголо-татарских вторжений. Защищенная естественными рубежами от внезапных нападений, Москва находилась в относительной безопасности. События, связанные с Куликовской битвой, показали, что именно Москва являлась наиболее удобным центром собирания сил русских земель для борьбы против монголо-татар. Выдающееся военно-стратегическое значение Москвы в XIV—XV вв., когда важнейшей исторической задачей было свержение монголо-татарского ига, не могло не способствовать подъему Москвы, и не случайно именно Москва выступила в нашей истории организатором борьбы за освобождение русских земель. Кроме того, относительная безопасность способствовала также интенсивному притоку населения в район Москвы, который стал наиболее густо заселенным в XIV—XV вв.[3]. В свою очередь увеличение плотности населения в районе Москвы оказало воздействие на развитие экономики, что самым непосредственным образом влияло на подъем Москвы как городского центра.

Усиление власти московских князей и распространение ее на обширные территории привело к возрастанию материальных средств московских феодалов. Эти средства в известной степени были обращены на развитие и укрепление Москвы, как и всюду в феодальную эпоху, когда развитие городов зависело наряду с другими факторами и от средств феодалов, которым были подвластны города и которые были заинтересованы в их росте. В. Е. Сыроечковский правильно отмечал, что «наличие в Москве княжес-

[2] См., напр., Н. В. Станкевич. О причинах возвышения Москвы. Уч. зап. МГУ, т. V, 1834.

[3] См. М. К. Любавский. Ук. соч., стр. 33, 49.

кого двора, окружающих князя крупных феодалов, церковного центра Руси имело громадное значение для развития московского ремесла и торговли и роста ее посада»[4]. Не случайно, что в XIV—XV вв. в Северо-Восточной Руси только московским князьям было под силу возвести каменные стены Кремля.

Москва XIV—XV вв. стала центром самого развитого и передового в художественном и техническом отношениях ремесла, крупнейшим по тому времени торговым центром и приобрела совершенно исключительное значение в ходе политических процессов и в истории русской культуры.

Но если Москва по уровню своего развития резко выделилась из близлежавших к ней городов, то нельзя не отметить и общего подъема городской жизни в Московском княжестве, на фоне и в связи с которым происходило быстрое выдвижение Москвы.

Одним из значительных городских центров Московской Руси был **Дмитров**, основанный Юрием Долгоруким в 1154 г. Еще в XII—XIII вв. Дмитров играл значительную военно-оборонительную и торговую роль в Северо-Восточной Руси[5]. В XIV—XV вв. значение Дмитрова для Москвы было также велико. Герберштейн отмечал важное торговое значение Дмитрова, так как по рекам Яхроме и Сестре Дмитров был связан с Волгой. Благодаря этому купцы «без больших трудностей ввозят товары из Каспийского моря по Волге в разные страны и даже в самую Москву»[6]. При посредстве Дмитрова поддерживались торговые отношения Москвы с Севером. Через Дмитров, например, проходили с Шексны митрополичьи лодьи с рыбой[7], из Новгорода — сотни возов и лодей с монастырскими товарами. Но развитие Дмитрова определялось не только и не столько его торговым значением. Дмитровский уезд быстро заселялся беглецами из более угрожаемых районов[8]. В XIV—XV вв. здесь образовались владения московских князей, митрополичьего дома, Троице-Сергиева монастыря. Здесь развивались земледелие, бобровые и бортные

---

[4] В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, стр. 19.

[5] См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 410—411.

[6] С. Герберштейн. Ук. соч., стр. 122.

[7] ПСЭИ, № 133.

[8] См. М. К. Любавский. Ук. соч., стр. 69.

промыслы[9]. Дмитров стал центром удельного княжества. Значение его видно из того, что Дмитров, как правило, отдавался вторым сыновьям московских князей и, как замечает М. Н. Тихомиров, «считался самым завидным уделом, поскольку великие князья наделяли своих детей городами по старшинству»[10]. Сам Дмитров, как и другие города, имел много черт типичного феодального центра, в котором находились органы управления дворцовым хозяйством, прикрытые иммунитетными грамотами дворы Троице-Сергиева монастыря и других феодалов[11]. Город был хорошо укреплен посредством дерево-земляных сооружений, усиленных рвами. Остатки этих укреплений вскрыты при раскопках[12].

О ремесленно-торговом развитии Дмитрова данные отрывочны. «Предградия» (посады) Дмитрова упоминаются еще под 1214 г. Новое упоминание о дмитровских посадах встречаем в 1372 г., когда Михаил Александрович Тверской «взял Дмитров, посады и села пожгли»[13]. При этом в летописи имеются сообщения о многолюдном поло е «бояр и людии», взятых в Дмитрове, что может указывать на сравнительно многочисленное население города. Небольшие археологические раскопки в Дмитрове дали материалы, свидетельствующие о существовании в XIV—XV вв. обычного для всех городов металлургического и гончарного дела[14]. Об уровне развития дмитровского ремесла во второй половине XV в. может свидетельствовать осуществление в 1472 г. строительства каменного Успенского собора, отличавшегося высокохудожественной композицией и технической сложностью сооружения для того времени[15].

О Дмитрове как торговом центре говорят многие грамоты, упоминающие о взимании там разных торговых пошлин. Характерно, что Троице-Сергиев монастырь имел

---

[9] См. С. Б. Веселовский. Село и деревня, стр. 17 и 49.
[10] М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 100.
[11] ААЭ, т. I, № 69; АСЭИ, т. I, № 191 и др.
[12] См. Н. П. Милонов. Дмитровское городище (Кремль города Дмитрова). «Советская археология», 1937, № 4, стр. 152—153.
[13] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. 1, стр. 99.
[14] См. Н. П. Милонов. Ук. соч., стр. 166.
[15] См. М. Воронец и В. Воронов. Изразцовые распятия Успенского собора в Дмитрове. Сборник статей в честь Н. С. Уваровой. М., 1916.

в Дмитрове двор не только в собственно городе, но и на посаде[16]. Одна из грамот прямо говорит о том, что живущие на этих дворах монастырские люди занимаются торговлей[17]. О торговом значении Дмитрова говорят также находки различных монет при археологических раскопках.

Внешняя история города схожа с историей многих других московских городов в XIV—XV вв. Неоднократно город терпел жестокий урон от татарских набегов, междоусобиц, эпидемий.

Сложными для Дмитрова были события в ходе феодальной войны XV в., когда город переходил во время перемирий в руки противников Москвы. В конечном счете Дмитровский удел был ликвидирован.

Обстоятельства возникновения **Радонежа** неизвестны. В XII — первой половине XIV в. здесь был слабо заселенный район, в котором существовали отдельные укрепленные городки наподобие Радонежа[18]. Интенсивное освоение этого района началось, по-видимому, в конце первой половины XIV в. Имеется известие о том, что Иван Калита предоставлял какие-то льготы людям, приходившим в Радонеж [19]. В 1337 г. недалеко от Радонежа возник Троице-Сергиев монастырь, скоро ставший крупнейшим феодальным землевладельцем Северо-Восточной Руси. В последующее время Радонеж был небольшим городом, центром удела в составе владений серпуховско-боровских князей. Их грамоты указывают на сбор торговых пошлин в Радонеже. Археологические материалы свидетельствуют об известном развитии Радонежа как ремесленного центра — обнаружены остатки гончарного производства и других ремесел[20]. Но соседство с могущественным монастырем, вероятно, отрицательно отозвалось на развитии города. Центр экономической жизни этого района был, конечно, в монастыре. Город приходил в упадок, и вряд ли случайно то, что он уже не упомянут в «Списке русских городов» конца XIV в. Характерно и то, что грамоты радонежских князей середины XV в. с предоставлением льгот монастыр-

---

[16] АСЭИ, т. I, № 337.

[17] Там же, № 198.

[18] См. С. Б. Веселовский. Село и деревня, стр. 95.

[19] ПСРЛ, т. XI, стр. 20. В духовной грамоте Калиты встречаем еще «село Радонежьское», ДДГ, стр. 9.

[20] См. Н. П. Милонов. Археологические разведки в г. Радонеже. Историко-археологический сборник. М., 1948, стр. 70.

ским владениям не содержат обычного упоминания о «городовом деле»[21],—по-видимому, градостроительных работ в это время уже не велось. Грамоты начала XVI в. называют Радонеж уже «городком»[22], хотя по Судебнику 1497 г. он еще сохранял значение центра судебно-административного округа. В дальнейшем Радонеж превратился в поселение сельского типа.

К западу от Москвы в XIV—XV вв. росли новые города.

К числу таких городов относится **Звенигород**. Время возникновения Звенигорода неизвестно. Б. А. Рыбаков считает, что Звенигород возник как один из пограничных пунктов Черниговского княжества и что археологически доказуемо более раннее происхождение города[23]. Однако развитие Звенигорода как феодального города начинается лишь в XIV в. в системе Московского княжества. Здесь на левом берегу р. Москвы находилась постоянная «сторожа» московских князей[24], вокруг которой со временем стал быстро развиваться городок. Когда начались первые «примыслы» московских князей в начале XIV в., объединявших владения по течению Москвы-реки, Звенигород сразу приобрел важное стратегическое значение. К этому времени Б. А. Рыбаков относит укрепление города. Иван Данилович Калита сделал Звенигород центром владений своего второго сына Ивана[25]. В духовной грамоте Ивана Ивановича, относящейся примерно к 1358 г., Звенигород также отдается второму сыну, но характерно, что здесь уже появляется формула «Звенигород со всеми волостми, и с мытом, и с селы, и с бортью, и с оброчниками, и с пошлинами»[26], ясно указывающая на то, что Звенигород стал уже центром большого феодального владения. Данные раскопок Б. А. Рыбакова также показывают, что подъем Звенигорода наступает с половины XIV столетия. В это время значительного развития достигло звенигородское ремесло. Археологи обнаружили относящуюся к этому времени тонкостенную керамику хорошего горнового обжига, следы металлического производства. Открыта мастерская звени-

[21] Напр., АСЭИ, т. I, № 309.
[22] ДДГ, стр. 373.
[23] Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). МИА, № 12. М.—Л., 1949, стр. 125.
[24] В. И. и Г. И. Холмогоровы. Город Звенигород. ЧОИДР, 1883, кн. 3, стр. 3.
[25] ДДГ, стр. 9.
[26] Там же, стр. 15.

городского ремесленника-замочника [27]. В 1389 г. Звенигород стал уделом кн. Юрия Димитриевича. При кн. Юрии Звенигород пережил полосу наивысшего своего подъема [28]. Обнаруженная Б. А. Рыбаковым надпись на стене Звенигородского каменного собора, относящаяся к концу XIV в., дала ему основание говорить именно об этом времени постройки церкви [29]. Нужно также иметь в виду, что в районе Звенигорода находились богатые залежи строительного камня, разработка и обделка которого была давним местным промыслом.

В начале XV в. князь Юрий Димитриевич украсил Звенигородский Рождественский собор позолоченной медью [30]. Звенигородский торг и таможники неоднократно упоминаются в грамотах [31]. В 1382 и 1408 гг. город разорили татары. Но Звенигород продолжал развиваться. О росте города и его экономики может свидетельствовать увеличение суммы, выплачивающейся с Звенигорода и уезда в счет ордынской дани. В 1389 г. эта сумма составляла 272 рубля, а в 1433 г. уже 511 рублей [32]. Юрий Димитриевич и его преемники укрепляли и обстраивали город, способствовали его росту для того, чтобы превратить его в базу развертывания сил в борьбе против централизующей страну власти Москвы. Эту роль и выполнял Звенигород в годы феодальной войны XV в.

Звенигород в свою очередь имел свой пригород — **Рузу** на реке того же названия [33]. В духовной грамоте Ивана Калиты (ок. 1339 г.) встречаем «село Рузьское», в грамоте Ивана Ивановича (1358 г.) в составе Звенигородского удела обозначена просто «Руза», а в духовной грамоте Димитрия Донского (1389 г.) уже названа «Руза го-

---

[27] См. Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 130.

[28] Там же, стр. 125. В это время Звенигород был даже епархиальным центром. Амвросий. История российской иерархии, ч. I. М., 1807, стр. 14.

[29] Б. А. Огнев считает, что «сооружение собора можно с наибольшей вероятностью отнести к 1399—1400 гг.». См. Б. А. Огнев. Успенский собор в Звенигороде на Городке. МИА, т. 44. М., 1955, стр. 20.

[30] См. С. Смирнов. Историческое описание Савво-Сторожевского монастыря. М., 1846, стр. 9 и 41.

[31] АИ, т. I, № 15 и др.

[32] ДДГ, стр. 35 и 74.

[33] О том, что Руза была пригородом Звенигорода, см. М. К. Любавский. Ук. соч., стр. 33.

родок»[34]. Видимо, превращение Рузы в феодальный город началось во второй половине XIV в. В «Списке» русских городов конца XIV в. Руза уже упомянута. Остатки рузских укреплений на высокой горе на левом берегу р. Рузы описаны были в конце XVIII в. Х. А. Чеботаревым. Князь Юрий Димитриевич в своей духовной грамоте 1433 г. дал своему второму сыну Димитрию «город Рузу, и с волостми и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами» и перечислил целый ряд рузских волостей[35], т. е. превратил Рузу в центр удела. Это значение Руза сохраняла и в XV в. К сожалению, данных о ремесле в Рузе нет. В 1441 — 1442 гг. с Рузы и Вышгорода собиралось 420 рублей дани в Орду[36], что указывает на значительные доходы, которые князья получали в этих городах, а тем самым является косвенным свидетельством их экономического развития. О сборе торговых пошлин в Рузе есть несколько упоминаний в духовных грамотах. Как и Звенигород, Руза использовалась в феодальной войне XV в. как один из опорных пунктов противников государственной централизации. В 1446 г. заговорщики, готовившиеся схватить великого князя, собирались в Рузе и Можайске[37].

Волок Ламский известен по летописям с 1135 г.[38], но крупного значения в XII—XIII вв. не имел[39]. В XIV—XV вв. Волок оказался на важных путях борьбы с литовской агрессией. В 1370 г. Ольгерд «стояв два дни, бився, и Волока не взял»[40]. Для Москвы этот город приобрел также большое значение как опорный пункт борьбы против Твери. В 1375 г. Волок послужил исходным пунктом для движения московского войска на Тверь[41], а в 1382 г. владелец Волока — князь Владимир Андреевич — спешно собирал там силы, чтобы двинуть их против внезапно напавшего на Русь Тохтамыша[42].

Об экономическом развитии Волока известно очень мало. Согласно договору великого князя Василия Димитриевича с князем Владимиром Андреевичем 1390 г., с

[34] ДДГ, стр. 7, 33.
[35] ДДГ, стр. 73.
[36] Там же, стр. 108.
[37] ПСРЛ, т. VI, стр. 174.
[38] ПСРЛ, т. I, стр. 287.
[39] См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 418.
[40] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 110.
[41] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. 1, стр. 110.
[42] ПСРЛ, т. XXV, стр. 210.

Волока должно было платиться 190 рублей в счет ордынского «выхода»[43].

На западных рубежах Московского княжества стоял **Можайск** — один из первых «примыслов» московских князей в самом начале XIV в. Впервые Можайск встречается в летописи под 1293 г. М. Н. Тихомиров предполагает, что город существовал «значительно раньше»[44]. Однако рост города связан с XIV—XV вв. и объясняется в первую очередь тем значением, которое Можайск приобрел в системе московских владений как опорный пункт борьбы против литовского наступления и как важный центр на торговом пути на Запад. Трижды город разрушали татары (в 1293, 1382 и 1408 гг.), а в 1340, 1404, 1445 гг. Можайск отбивал нападения Литвы[45].

Оборонительные укрепления Можайска представляли собой деревянную крепость на правом берегу р. Можайки в 1 км от впадения ее в Москву-реку. Два естественных рва вокруг крутой горы дополнялись искусственным рвом. Оборона города усиливалась Лужецким монастырем[46].

В первой половине и середине XIV в. Можайск входил непосредственно во владения московских князей и передавался обычно вместе с Коломной старшему сыну, а после Димитрия Донского стал центром самостоятельного удела. В Можайске сосредоточивались некоторые отрасли дворцового хозяйства — «пути», там были княжеские борти, а в завещании Василия Темного (1462 г.) встречаем указание на принадлежащую великой княгине «мелницю под городом под Можайском на Москве на реце, что нарядил ей ее же поселский Васюк»[47]. Герберштейн сообщает, что еще в начале XVI в. около Можайска водилось «большое множество разноцветных зайцев» и что район Можайска был излюбленным местом великокняжеской охоты[48].

Как и другие города, Можайск был не только центром княжеского хозяйства и управления. Можайский посад

---

[43] ДДГ, стр. 38.

[44] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 42.

[45] ПСРЛ, т. XXV, стр. 157; т. VI, стр. 103; т. XV, стр. 483; т. XVIII, стр. 94; т. XV, стр. 472; т. XVIII, стр. 193.

[46] Х. А. Чеботарев. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787, стр. 281.

[47] ДДГ, стр. 9, 13, 34, 198.

[48] См. С. Герберштейн. Ук. соч., стр. 112.

упоминается в летописи под 1340 г.[49]. В начале XV в. чеканилась можайская монета. Косвенным показателем экономического развития города является сравнительно большая сумма, выплачивавшаяся можайскими князьями в ордынскую дань, — 167 рублей в 1389 г.[50]. Указания на сбор торговых пошлин в Можайске неоднократно встречаются в грамотах, а сами можайские купцы торговали в конце XV в. и с западными странами и с Кафой[51]. Не случайно у некоторых можайских жителей в должниках оказывались князья, как например, князь Юрий Васильевич Дмитровский, из духовной грамоты которого (1472 г.) узнаем, что он был должен «в Можайске Якушу Брагину да Семену Пролубихину да Федку Шише двадцать рублев»[52].

В период феодальной войны можайский князь Иван Андреевич оказался в стане врагов Москвы. Возможно, что арест Иваном Андреевичем его боярина Андрея Димитриева находится в связи с обострением противоречий в княжестве в обстановке феодальной войны; жена этого боярина Мария была в 1443 году даже сожжена в Можайске[53]. В том же году произошло обострение классовых противоречий в Можайске. В связи с голодом в Можайск из Твери нахлынула масса голодающих. Раздача хлеба из княжеских житниц не ослабила положения. Люди массами погибали от голода. Гнев голодающих обратился на какого-то «хлебника мужика», которого «пожгли в Можайсце же с женой» по обвинению в том, что «он люди ел»[54].

В 1447 г. Можайск остался одним из последних оплотов антимосковской группировки. У противников великого князя «развие остались их люди и Галичане и Мажаиче»[55]. В 1454 г. великий князь взял Можайск, а Иван Андреевич бежал в Литву[56].

Новым городом, возникшим во второй половине XIV в. на юго-западной окраине Московского княжества, была Верея. Впервые она упоминается в летописи под 1371 г. в связи с литовским нашествием. В докончании вели-

[49] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 94.
[50] ДДГ, стр. 35.
[51] СРИО, т. 35, стр. 23; т. 41, стр. 300, 410.
[52] ДДГ, стр. 222.
[53] ПСРЛ, т. VI, стр. 170; т. XXIII, стр. 151.
[54] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 151.
[55] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 154.
[56] ПСРЛ, т. IV, стр. 93.

кого московского князя Димитрия Ивановича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем 1382 г. Верея названа в числе тех «мест», которые лежат по северному берегу р. Оки и отходят к Москве[57]. В духовной грамоте Димитрия Ивановича (1389 г.) Верея значится как «отъездная волость» Можайского уезда[58], с которой платится всего 22 рубля в ордынскую дань. «Список русских городов» конца XIV в. называет «Верею на Поротве».

Возникновение и развитие Верей во второй половине XIV в. непосредственно связано с общим экономическим подъемом Московского княжества, вызвавшим рост старых городов и появление новых. Верея имела военно-оборонительное значение, возросшее в условиях литовской агрессии. Через Верею шла одна из древнейших дорог на Москву, связывавшая ее с Западом. Усиление торговых связей Москвы с западнорусскими землями и Литвой в это время способствовало возникновению и развитию города. Одна из летописей, говоря о разорении Едигеем Верей в 1408 г., называет ее «городком»[59], но уже в XV в. Верея предстает перед нами как небольшой феодальный город, ставший центром самостоятельного Верейского удела (1432—1486 гг.).

Новые сведения о Верее XV в. дали археологические работы Л. А. Голубевой. Укрепления Верей, возникновение которых Л. А. Голубева датирует концом XIV в., были, по ее словам, «мощным оборонительным сооружением», использовавшим обрывистый мыс на берегу р. Протвы. Раскопки в Верее показывают существование там ремесленного производства: найдены железные замки, медные перстни, тонкостенные горшки горнового обжига. «Неполнота собранного археологического материала, — заключает Л. А. Голубева, — и полная неизученность территории посада не позволяют пока создать всестороннее представление о древней Верее, которая была, несомненно, не только крепостью, но и городом с его типичным для того времени ремесленно-торговым обликом»[60].

Во второй половине XIV в. на юго-западе Московского княжества возник еще один город — **Боровск**. В духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича около 1358 г.

---

[57] ДДГ, стр. 29.
[58] ДДГ, стр. 34.
[59] УЛС, стр. 70.
[60] Л. А. Голубева. Раскопки в Верейском кремле, МИА, № 12. М.—Л., 1949, стр. 134

упомянуто «село на Репне в Боровьсце»[61]. Затем по просьбе митрополита Алексея Димитрий Иванович Московский отдал Боровск своему двоюродному брату Владимиру Андреевичу Серпуховскому[62].

Уже под 1386 г. упомянута особая боровская рать, ходившая в составе объединенного войска на Новгород. В 1390 г. новый московский великий князь Василий Димитриевич уступил требованию Владимира Андреевича и «снел» свою слободу напротив Боровска[63]. Город назван в «Списке русских городов» конца XIV в., а в 1401—1402 гг. Боровск стал уже центром удельного княжества Семена Владимировича, которому город был передан «с тамгою, и с мыты, и с селы, и з бортью, и со всеми пошлинами»[64]. В 1444 г. возник Боровский Пафнутьев монастырь, значительно усиливший оборону города. В 1462 г. город был уже в составе непосредственно московских владений и там был княжеский «путь» Ивана III, который он пожаловал Василию Карамышеву[65].

Значение Боровска как феодального центра отчетливо выступает из всех этих сообщений источников. Хуже обстоит дело со сведениями о ремесленно-торговом развитии города. Известны боровские деньги, но чеканились они в Москве[66]. Прямых указаний источников о боровском ремесле и торговле нет.

В докончании великого князя московского Димитрия Ивановича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем 1382 г. в числе «мест», отходящих к Москве на северном берегу р. Оки, названа Лужа. Как и Боровск, Лужа по ходатайству митрополита Алексея (следовательно, еще до 1378 г.) была отдана Владимиру Андреевичу серпуховскому и в дальнейшем фигурирует в составе владений серпуховско-боровских князей, пока не была отобрана Василием Васильевичем московским. Конец XIV в. был, по-видимому, временем усиленного заселения юго-западного района Московского княжества. Выше упоминалось о слободе у Боровска. Грамоты упоминают также о «Лужьских слободах», при-

[61] ДДГ, стр. 15.
[62] ДДГ, стр. 31.
[63] ДДГ, стр. 39.
[64] ДДГ, стр. 46.
[65] Акты Юшкова.
[66] См. И. П. Сахаров. Деньги московских удельных княжений «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. I. СПб., 1851, стр. 149.

надлежащих московскому и серпуховско-боровскому князьям[67] (1390 г.). В духовной грамоте Владимира Андреевича Серпуховско-Боровского 1401—1402 гг. Лужа завещана его княгине Елене «со всеми слободами и с волостями и с околицами и с селы, з бортью, с тамгою и с мыты и со озеры и со всеми пошлинами»[68]. Характерно то, что на первом месте в этом перечислении стоят слободы, — признак происходившего в то время заселения района. В целом формула духовной грамоты рисует Лужу обычным феодальным центром того времени. Упомянута Лужа и в «Списке русских городов» конца XIV в., что указывает на наличие в Луже укрепления. По-видимому, Лужа была небольшим феодальным центром, но о развитии ее как города в социально-экономическом значении этого термина никаких данных нет.

Но, кроме того, остается не вполне ясным местонахождение Лужи. М. Н. Тихомиров счел «возможным отождествить Лужу с современным Малоярославцем»[69]. М. Н. Тихомиров считает неправильным указание В. Н. Дебольского на то, что в духовной грамоте Владимира Андреевича 1401—1402 гг. (М. Н. Тихомиров датирует ее 1406 г.) Малоярославец и Лужа упоминаются отдельно. Однако почему это указание неправильно, М. Н. Тихомиров не говорит. Между тем, нет оснований считать, что в духовной дважды говорится об одном и том же поселении. Сначала там перечисляются владения, завещаемые сыновьям Ивану, Семену и затем Ярославу: «А благословил есмь сына, князя Ярослава, дал есмь ему Ярославль с Хотунью, с тамгою, и с мыты, и с селы, и з бортью, и со всеми пошлинами»[70]. В другом месте грамоты говорится: «А жене своей, княгине Олене, дал есмь ей Лужу и со всеми слободами, и с волостми, и с околицами и с селы и з бортью и с тамгою и с мыты и со озеры и со всеми пошлинами»[71]. Чтобы принять мнение М. Н. Тихомирова о тождестве Лужи и Малого Ярославца, надо считать, что Владимир Андреевич в одном завещании передал одно и то же владение одновременно своему третьему сыну и княгине.

Лужа находилась, видимо, там, где была одноименная волость — западнее Малого Ярославца, на р. Луже.

---

[67] ДДГ, стр. 38.
[68] ДДГ, стр. 47.
[69] М. Н. Тихомиров. Список русских городов, стр. 250.
[70] ДДГ, стр. 46.
[71] ДДГ, стр. 47.

Малый Ярославец впервые встречается в духовной грамоте Владимира Андреевича 1401—1402 гг. как центр феодального владения, передаваемого Ярославу Владимировичу «с тамгою и с мыты и с селы и с бортью и со всеми пошлинами»[72]. Со своих владений, включая и Хотунь, Ярослав Владимирович должен был платить 76 рублей дани в ордынский «выход». В годы феодальной войны Ярославец был отобран великим князем Василием Васильевичем и вошел в состав его владений. Великокняжеские мытники собирали мыт при переезде через р. Лужу[73]. В Судебнике 1497 г. Ерославец — центр судебно-административного округа. О внутреннем развитии Малого Ярославца в XV в. никаких данных нет.

Под 1480 г. впервые упомянут в летописи **Кременец**[74], возникший, вероятно, раньше. Кременец должен быть отнесен к новым поселениям на юго-западе, но судить о его характере за отсутствием данных пока невозможно.

В связи с расширением московских владений на юго-западе в середине XIV в. появилась **Медынь**, которую великий князь Димитрий Иванович «вытягал у Смолнян»[75]. В списке городов конца XIV в. Медыни еще нет. Медынь входила в Можайское княжество. Во время феодальной войны князь Иван Андреевич Можайский заключил договор с великим князем Литовским Казимиром, которому за помощь в борьбе против Москвы обещал отдать «город Медынь»[76]. После ликвидации Можайского удела Медынь принадлежала великому князю московскому и в грамотах обычно именовалась городом[77]. В духовной грамоте Василия Темного о Медыни упомянуто несколько неопределенно: «Можаеск... и с Медынью и что к Медыни потягло»[78]. Никаких данных о внутреннем развитии Медыни в источниках нет. Возможно, что Медынь оставалась еще небольшим феодальным центром, имевшим укрепления.

Тарусса на Оке (Торуса) появляется в источниках под 1382 г.[79]. Она была уступлена рязанскими князьями, а в

---

[72] ДДГ, стр. 46.
[73] АСЭИ, т. I, № 352.
[74] ПСРЛ, т. IV, стр. 156.
[75] ДДГ, стр. 34.
[76] ДДГ, стр. 149.
[77] ДДГ, стр. 194, 247, 253; ПСРЛ, т. XXIV, стр. 86.
[78] ДДГ, стр. 194.
[79] ДДГ, стр. 29.

1392 г. Василий Дмитриевич получил в Орде ярлык на Таруссу [80]. Приобретение Московским княжеством Таруссы наряду с Алексином имело важное значение для усиления обороны южных рубежей Москвы.

О развитии Таруссы источники не дают сведений. Вероятно, в районе города находились княжеские борти, упомянутые в грамоте князя Михаила Андреевича Верейско-Белозерского великому князю Василию Васильевичу в 1450 г. — «Торусицкие бортники» [81].

Во второй половине XIV в. великий князь московский Димитрий Иванович выменял Карашскую волость в Ростовском уезде на митрополичий город Алексин. Это произошло при митрополите Киприане, следовательно, между 1378 и 1389 гг. [82]. Алексин редко упоминается на страницах летописей и актов XIV—XV вв. Некоторое представление о нем получаем лишь из описания событий 1472 г., связанных с нападением Ахмед-хана. Татары подошли к Алексину внезапно, «с Литовского рубежа». Город не был готов к обороне, «и тотарове град зажгоша, гражане же изволиша сгорети огнем, нежели предатися тотарам» [83]. В Московском летописном своде особо подчеркивается, что в Алексине «людей мало бяше» [84]. Видимо, Алексин даже к 70-м гг. XV в. был еще небольшим городком, с незначительным населением. Интересно, что перед осадой воевода С. В. Беклемишев потребовал у горожан «посула». «Гражани Олексинци даваша ему пять рублев», а воевода «захоте у них шестого рубля еще жене своей» [85]. Незначительность суммы, которую смогли собрать алексинцы, тоже указывает на небольшие размеры города во второй половине XV в.

В духовной грамоте Димитрия Ивановича Донского 1389 г. встречаем Калугу [86]. По-видимому, возникла Калуга тогда же, во второй половине XIV в., когда происходил общий подъем русских земель. По мнению местного историка И. Д. Четыркина, Калуга в XIV в. находилась на несколько другом месте — при устье р. Калужки, от-

---

[80] ПСРЛ, т. VI, стр. 122.
[81] ДДГ, стр. 165.
[82] АФЗиХ, т. I, № 23.
[83] ПСРЛ, т. VI, стр. 31.
[84] ПСРЛ, т. XXV, стр. 297.
[85] ПСРЛ, т. IV, стр. 151.
[86] ДДГ, стр. 34.

куда она была перенесена в XV в. в более безопасное от нападений внешних врагов место [87].

Интересно, что наименование «город» источники употребляют по отношению к Калуге лишь начиная с середины XV в. Под 1445 г. читаем: «приде Литовская рать на Русь в семи тысящах и взяла с города с Колуги окуп» [88]. Самый факт взятия выкупа с Калуги говорит о наличии там уже более или менее значительного числа жителей. Вскоре изменяется и формула упоминания Калуги в грамотах. В докончании великого князя Василия Васильевича с Владимиром Ярославичем Серпуховско-Боровским 1451—1456 гг. говорится уже о «Колуге с волостьми», а в духовной грамоте Василия Васильевича 1462 г. названа в числе владений «Колуга с Олексиным и с волостьми» [89]. Калуга стала, очевидно, к середине XV в. феодальным центром, и это отразилось в грамотах.

На южном рубеже московских владений в 1374 г. возник новый город — **Серпухов**, сразу приобретший очень важное значение в обороне русских земель от татарских нашествий. Город встал на одном из главных путей татарских вторжений и завершил образование «стратегического треугольника» Москва — Коломна — Серпухов. Это был один из боевых форпостов боровшийся за освобождение Руси, и недаром поэтическая «Задонщина» прославляет в связи с Куликовской битвой три города: «... кони ржут на Москве, звенит слава по всей земли Руской. Трубы трубят на Коломне, бубны бьют в Серпухове» [90].

Впервые Серпухов упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты около 1339 г. в перечне владений, передаваемых третьему сыну великого князя — Андрею Ивановичу. Во втором варианте этой духовной грамоты стоит вместо Серпухова «село Серьпоховское» [91]. Историк Серпухова П. Симсон на основании топографического анализа пришел к выводу, что села Серьпоховское и Нарьское вошли позднее в состав основанного князем Владимиром Андреевичем

---

[87] См. Н. Д. Четыркин. Отчет о раскопках Старого городища близ г. Калуги. «Известия Калужской архивной комиссии», № 3. Калуга, 1894, стр. 20—21.
[88] ПСРЛ, т. VI, стр. 170.
[89] ДДГ, стр. 180 и 194.
[90] Воинские повести древней Руси. М.—Л., 1949, стр. 34.
[91] ДДГ, стр. 7.

города Серпухова, именно в его посадскую, ремесленно-торговую часть[92].

Укрепление этой части окского рубежа началось еще в 1360 г., когда по поручению митрополита Алексея, фактического главы правительства в те годы, здесь был основан Владычен монастырь[93]. В 1362 г. здесь была уже каменная церковь. В 1374 г. «благородный и христолюбивый князь Володимер Андреевич заложи град Серпохов в своеи отчине и повеле его снарядити и срубити его дубов, а людем приходящим и гражаном живущим в нем, и человеком торжествующим и куплю творящим и промышляющим подасть великую волю и ослабу и многую лготу; приказа наместничество держать града Якову Юрьевичу, нарицаемому Новосилцу околничему своему»[94]. Создание крепких дубовых укреплений, энергичные меры по привлечению ремесленно-торгового населения в город — все это свидетельствует о ясном стремлении быстро создать опорный пункт на одном из решающих направлений борьбы с татарами в обстановке, когда приближалось решающее столкновение с ними. Серпухов стал центром удельного княжества. За три месяца до Куликовской битвы там была сооружена соборная Троицкая церковь.

В 1382 г. Серпухов первым подвергся нападению Тохтамыша, внезапно вторгшегося в русские земли. Город был сожжен, люди уведены в плен [95]. Однако Серпухов восстановился, в конце XIV в. он отмечен в «Списке русских городов», а в завещании Владимира Андреевича 1401—1402 гг. передается наследнику как типичный феодальный город — «с тамгою и с мыты и с селы и з бортью и со всеми пошлинами» [96]. Но если можно судить об уровне экономического развития города и уезда по величине выплачиваемой дани, то придется заметить, что Серпухов отставал от других городов, потому что серпуховской князь платил тогда всего 48 рублей с полтиной [97]. В 1408 г. Серпухов был взят и опустошен Едигеем, а затем ограблен воз-

---

[92] См. П. Симсон. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М., 1880, стр. 10—13.

[93] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 114.

[94] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 129.

[95] ПСРЛ, т. IV, стр. 85.

[96] ДДГ, стр. 47.

[97] Там же.

вращавшимся в Литву Свитригайлом[98]. В ходе феодальной войны второй четверти XV в. Серпуховский удел был ликвидирован, в 1462 г. Серпухов стал владением брата великого князя Юрия Васильевича, но вскоре опять вошел в круг московских владений.

Судить конкретно об экономическом развитии Серпухова, его ремесле и торговле мы пока лишены основания по состоянию источников, но нельзя сомневаться в том, что в этом важном феодальном центре, имевшем большое военное значение, были в XIV—XV вв. «люди то́ржествующие и куплю творящие и промышляющие».

Перемышль на Пахре возник, вероятно, в XIV в. По духовному завещанию Ивана Калиты около 1339 г. его третий сын получил в числе разных городов и волостей «село Перемышльское»[99]. В 1370 г. это был уже, видимо, укрепленный центр во владениях Владимира Андреевича, который во время нападения Ольгерда «собрався с силою стояше в Перемышле ополчився»[100]. В духовной грамоте Владимира Андреевича 1401—1402 гг. Перемышль упомянут как центр удела — «Перемышль с тамгою и с мыты и с селы и з бортью, псари, садовницы и со всеми пошлинами»[101]. Видимо, в Перемышле был центр дворцового княжеского хозяйства, с псарями, садовниками, бортными угодьями. Доходы с Перемышля были определены сравнительно небольшие — 41 рубль (по той же грамоте). О собственно городском развитии Перемышля в XIV —XV вв. сведений нет.

В числе владений, отошедших от Рязани к Москве в XIV в., была **Хотунь** на р. Лопасне. Хотунь входила в состав Серпуховско-Боровского удела. В грамотах начиная с 1433 г. Хотунь обязательно упоминается «с волостьми», а позднее и «с пошлинами», т. е. была феодальным центром[102]. В грамотах 1473 г. и последующих Хотунь перечисляется под общим названием «городы»[103], причем характерно, что в списке русских городов конца XIV в. Хотунь еще не упоминается. По-видимому, в XV в. Хотунь стала небольшим феодальным городком, но сведений о его внутреннем развитии источники не дают.

[98] ПСРЛ, т. XI, стр. 211.
[99] ДДГ, стр. 7.
[100] ТЛ, стр. 391.
[101] ДДГ, стр. 47.
[102] ДДГ, стр. 130, 169, 194.
[103] ДДГ, стр. 230, 233.

В XIV в. появляются упоминания о **Лопасне**. В грамотах XIV—XV вв. Лопасня обычно называется «почен Лопасна»[104], что указывает, возможно, на возникновение нового поселения. Лопасня входила в те земли, которые «достались» великому князю Ивану Ивановичу от Рязани в середине XIV в.

Среди Рязанских земель, отошедших в XIV в. к Москве, источники называют **Новый городок**. Впервые мы встречаем его в духовной грамоте великого князя московского Ивана Ивановича около 1358 г.: «... а что ся мне досталя места Рязаньская на сеи стороне Оки, ис тых мест дал есмь князю Володимиру в Лопастны места Новый городок на усть Поротли»[105]. В докончании Дмитрия Донского с Олегом Рязанским 1382 г. вновь упомянут «по Оце на Московской стороне почен Новый городок»[106]. В докончании Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским Новый городок назван иначе: «... а что ти дал отец мои, князь велики Иван Городецъ в Лопасны место»[107]. В духовной грамоте Владимира Андреевича 1401—1402 гг. в числе серпуховских волостей вновь встречаем Городец[108], а в договорной грамоте Юрия Дмитриевича с Иваном Рязанским 1431 г. вновь находим «вверх по Оце почен Новый городок»[109]. Очевидно, что Новый городок и Городец — одно и то же, и предположение М. Н. Тихомирова о том, что «Новый городок на Протве находился на месте современного села Спас-Городец на правом берегу Протвы, недалеко от впадения Протвы в Оку»[110], вполне вероятно. «Новый городок на Поротли» упомянут в «Списке русских городов» конца XIV в. Само его название и прибавление к нему «почен» ясно говорят о возникновении этого поселения в XIV в. Новый городок, видимо, усиливал оборону южных рубежей Московского княжества. Однако нет никаких данных об экономическом развитии Нового городка. Он был центром одной из серпуховских волостей.

К востоку от Серпухова по Оке находилась **Кашира**. Она упоминается впервые в духовной грамоте великого

[104] ДДГ, стр. 29, 53, 143.
[105] ДДГ, стр. 15.
[106] ДДГ, стр. 18.
[107] ДДГ, стр. 31.
[108] ДДГ, стр. 45.
[109] ДДГ, стр. 84.
[110] М. Н. Тихомиров. Список русских городов, стр. 250.

князя Ивана Ивановича (около 1358 г.) в перечислении владений, отдаваемых кн. Димитрию Ивановичу: «... де евни Маковець, Левичин, Скуляев, Канев, Кошира, Гжель, Горстовка, Горки, село на Северсце» и т. д.[111]. Текст как будто не оставляет сомнений в том, что Кашира середины XIV в. — еще не город[112] В «Списке русских городов» конца XIV в. Каширы тоже еще нет. Значительно позднее, под 1480 г., встречаем известие о том, что Иван III в момент движения Ахмата приказал сжечь «городок Коширу»[113]. Видимо, здесь было лишь укрепление, и только в духовной грамоте Ивана III 1504 г. среди владений старшего сына его Василия прямо указывается «город Кошира с Заречьем, что за рекою за Окою»[114]. Кашира упоминается в Судебнике 1497 г. как центр судебно-административного округа. Превращение Каширы в феодальный город произошло, по-видимому, лишь в конце XV в.

Среди городов Московского княжества вторым по значению после Москвы следует считать **Коломну**. Возникшая в XII в. (первое упоминание в летописи — около 1177 г.) на скрещении водных и сухопутных путей на границах Черниговской, Суздальской и Рязанской земель, Коломна в XIV—XV вв. приобрела исключительно важное значение для Москвы и для всех русских земель. Коломна была первым московским приобретением в самом начале XIV в. Открыв для Москвы устье Москвы-реки, Коломна дала Московскому княжеству выход на Оку и через нее — на Волгу. Вместе с тем Коломна стала главным форпостом Москвы на решающем пути борьбы со вторжениями монголо-татар. Не случайно все московские князья начиная с Ивана Калиты передавали Коломну в удел старшим сыновьям и в духовных и договорных грамотах XIV—XV вв. именно Коломной открывался становившийся все более обширным перечень владений московских князей.

Выдающееся стратегическое и экономическое значение Коломны в значительной мере определялось ее выгодным географическим положением. Через Коломну непрестанно поддерживалась по Оке живая связь центральных русских

---

[111] ДДГ, стр. 15.

[112] А. Прусаков в своей брошюре «Город Кашира» (М., 1947) ссылаясь на это свидетельство, считает, что речь идет уже о городе Кашире (см. стр. 6 указанной брошюры).

[113] ПСРЛ, т. VI, стр. 230.

[114] ДДГ, стр. 354.

землей с Волгой и далее — с Золотой Ордой. Три сухопутных дороги вели от Коломны на Москву, еще одна сухопутная дорога, «не замаа Москвы», непосредственно связывала Коломну с Переяславлем-Залесским. По этой дороге распространялась принесшая в Коломну из Нижнего Новгорода эпидемия 1364 г. [115], по ней же вели в заключение Пимена в 1377 г.[116]. Н. Н. Воронин отметил важную экономическую роль Коломны как передаточного пункта товаров, идущих через нее в Московское княжество и из него[117]. От Коломны шла, наконец, не только водная, но и сухопутная дорога в Орду. Главным, однако, было военно-стратегическое значение Коломны, и это заставляло московских князей принимать меры к развитию и укреплению города.

Рост Коломны особенно стал заметен тогда, когда наступил один из решающих этапов борьбы русского народа во главе с окрепшим Московским княжеством против золотоордынского ига. Коломна была хорошо укреплена. Ее деревянные стены видел в конце XV в. Иоасафат Барбаро. Через Москву-реку в городе был построен мост[118]. Согласно исследованиям Н. Н. Воронина, Коломна стала во второй половине XIV в. центром большого каменного строительства. До 1366 г. на княжеском дворе в Коломне была построена каменная Вознесенская церковь. В 1374 г. авторитетнейший церковный деятель Сергий Радонежский по поручению великого князя основал Голутвин монастырь [119], значительно усиливший оборону Коломны. В конце 70-х гг. был построен белокаменный собор Голутвина монастыря. В 1379 г. было начато строительство большого Успенского собора, причем, по мнению Н. Н. Воронина, это было сделано за счет прекращения строительства Симонова монастыря в Москве. Строительство Успенского собора в Коломне имело большое военное и политическое значение. То, что в Коломне сооружался одноименный с главной московской святыней собор, подчеркивало исключительное значение Коломны, а сама по себе каменная постройка усиливала

[115] ТЛ, стр. 380.
[116] ПСРЛ, т. VIII, стр. 199.
[117] См. Н. Н. Воронин. К характеристике архитектурных памятников времени Дмитрия Донского. МИА, № 12. М., 1949, стр. 217—236.
[118] Библиотека иностранных писателей о России, т. I, СПб., 1836, стр. 57—58, 104.
[119] ПСРЛ, т. VIII, стр. 21.

оборону города. По-видимому, строители очень торопились, события быстро шли к решительной схватке с монголо-татарами, и в 1380 г. церковь «надеся, уже совершена дошедше» [120]. Но вскоре после Куликовской битвы собор был восстановлен, а в 1392 г. расписан.

О дальнейшем строительстве в Коломне летописи молчат, но вряд ли это можно принимать за безусловное свидетельство прекращения строительства.

Спустя два года после того, как в 1380 г. Коломна была исходным пунктом движения русских войск на Куликово поле, она разделила печальную участь Москвы и других городов, будучи разорена Тохтамышем. Еще через три года, в 1385 г., Коломна подверглась внезапному нападению рязанского князя Олега. Сообщение о взятии Коломны Олегом рассказывает о том, что Олег «бояр многих и лутчих людей поима, поведе с собой и злата и сребра и всякого товара наимався, отъиде в свою землю со многим полоном и богатством» [121]. Значит, несмотря на разорение Тохтамышем, Коломна была многолюдным и богатым городом в 80-х гг. XIV в. Это впечатление подтверждается указанной в завещании Димитрия Донского 1389 г. суммой «выхода» с Коломны и Коломенского уезда в Орду, установленной тогда в 342 рубля, в то время как, например, Можайск должен был платить всего 167 рублей [122]. Новые испытания выпали на долю Коломны в 1408 г. — город пострадал и от Едигея, который «град Коломный пожгоша, взяша окунь» [123], и от участия коломенской рати в междоусобице рязанских князей на стороне поддерживавшегося Москвой Ивана Федоровича Пронского, когда «убиша и Игнатиа Семеновича Жеребцова, воеводу Коломенскаго, и Коломничь побоиша многих» [124].

Как и в других развитых средневековых русских городах, в Коломне XIV—XV вв. были деревянные мостовые.

Коломна была центром различных феодальных владений, в том числе и дворцового хозяйства московских князей. Духовные и договорные грамоты неоднократно упоминают о «путях» в Коломне. Летопись называет на-

[120] ПСРЛ, т. XI, стр. 45.
[121] ПСРЛ, т. XI, стр. 86.
[122] ДДГ, стр. 35.
[123] ПСРЛ, т. XV, стр. 482.
[124] ТЛ, стр. 467.

ходившегося в Коломне княжеского «кормиличича» Остея, заколотого «в игрушке» в 1390 г.[125]. Находились в Коломне также дворы многих феодалов; об одном из них, принадлежавшем И. Ю. Патрикееву, упоминается в его духовной грамоте 1499 г.[126].

Коломна была видным центром ремесла и торговли. Письменные источники ничего не говорят о коломенском ремесле, но раскопки археологов дали весьма интересный материал. Еще в слоях XIII в. и более раннего времени обнаружены мастерские ремесленников — горшечников с горнами, кузнецов с кузницами, вырабатывавшими предметы снаряжения войска, а также различные предметы для охоты и рыболовства. Такая же картина характерна и для слоев XIV—XV вв. Археологические материалы говорят о значительном развитии в Коломне кузнечного, слесарного, литейно-металлургического производства. Найдены многочисленные железные ножи, замки, ключи, стамески, тесала, долота, строгалы, топоры, подковы, крючки, перстни, кольца, браслеты, глиняные тигли и литейные формочки. Было развито гончарное дело. Обнаружены также различные изделия из кости и камня, ручные мельничные жернова, костяные стрелы для охоты. Имеются археологические свидетельства сапожного и плотницкого ремесел. Своеобразной отраслью городского ремесла, присущей и многим другим городам, было производство детских глиняных игрушек[127].

Торговое значение Коломны, естественно, вытекало из ее положения на стыке важнейших водных и сухопутных путей и было, конечно, большим. Было бы неправильно, однако, представлять Коломну только лишь центром транзитной торговли. В самой Коломне в XV в. были купцы, занимавшиеся торговлей с дальними странами. Документы говорят о пребывании коломенских купцов и в Литве, и у Азова[128].

С Коломной были связаны многие крупные события в истории борьбы русских земель за независимость и их объединение вокруг Москвы. В Коломне собиралось и от-

[125] ПСРЛ, т. XI, стр. 123.
[126] ДДГ, стр. 348.
[127] См. Н. П. Милонов. Историко-археологический очерк г. Коломны. Историко-археологический сборник. Под ред. проф. А. П. Смирнова. М., 1948, стр. 85—90.
[128] СРИО, т. 35, стр. 23; т. 41, стр. 298.

туда выходило на Куликово поле многотысячное общерусское войско под главенством Димитрия Ивановича. Политическое значение Коломны подчеркивалось упомянутым выше фактом постоянного вхождения города во владения старших сыновей московских князей. Об этом значении города говорит также факт учреждения в Коломне уже в 1350 г. епархии[129]. Коломенские епископы всегда занимали высокое положение в церковной иерархии и оказывали деятельную поддержку московским князьям. Не случайно в 1366 г., в нарушение традиций Коломна была избрана местом бракосочетания Димитрия Ивановича Московского с дочерью суздальско-нижегородского князя Димитрия Константиновича[130]. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что наиболее близким Димитрию Ивановичу духовным лицом стал коломенский поп Митяй, которого великий князь пытался в нарушение всех церковных правил поставить русским митрополитом[131]. Коломна была форпостом московской политики по отношению к Рязанскому княжеству, и московские наместники водили коломенскую рать в рязанские земли, вмешиваясь в интересах Москвы в междоусобную борьбу рязанских князей[132].

Немалую роль сыграла Коломна в событиях феодальной войны второй четверти XV в. В 1433 г., когда изгнанный из Москвы великий князь Василий Васильевич оказался всего лишь владельцем коломенского удела. Коломна стала средоточием сил, поддерживавших великого князя. «Москвичи же вси, князи и бояре, и воеводы, и дети боярские, и дворяне, от мала и до велика, все поехали на Коломну к великому князю, не навыкли бо служити удельным князем»[133]. Опираясь на поддержку собравшихся к нему сил, великий князь вскоре восстановил свою власть в Москве.

Во второй половине XV в. Коломна стала местом ссылки — туда поехали и «новгородские крамольники» в 1471 г., и Иван Фрязин в 1473 г., и другие[134]. В 1472 г. Коломна

---

[129] Амвросий. Ук. соч., ч. I, стр. 13
[130] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 106.
[131] ПСРЛ, т. XXV, стр. 196.
[132] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 151.
[133] Там же, стр. 147.
[134] Тым же, стр. 191.

вновь сыграла свою боевую роль, явившись опорным пунктом обороны против набега Ахмед-хана[135].

Это военное значение Коломны было характерной чертой ее развития в XIV—XV вв. Как упомянуто, «Задонщина» все время говорит о трех городах, непосредственно связанных борьбой против татар: Москве, Коломне, Серпухове. Коломна была важнейшим звеном этого «стратегического треугольника», на котором в XIV—XV вв. зиждилась оборона русских земель от опасного и сильного врага.

Как было уже отмечено, развитие охарактеризованных выше городов было тесно связано с Москвой. Развитие городской жизни является одной из характерных особенностей Московского княжества в XIV—XV вв. Важно заметить, что именно в этом районе мы встречаемся с наибольшим количеством вновь возникших городов по сравнению с другими территориями Северо-Восточной Руси и что возникновение новых городов относится ко второй половине XIV в. Это хорошо объясняется тем общим экономическим подъемом, который наступил в северо-восточных русских землях с середины XIV в. и который четко прослежен в исследовании Б. А. Рыбакова о ремесле[136].

Особенно заметно возникновение новых городских центров на западной и юго-западной окраинах Московского княжества, удаленных от основных путей татарских вторжений и в то же время приобретавших большое значение в связи с обострением конфликтов с Литвой. Возможно, что с усилением Московского княжества сюда устремился приток населения из ближайших русских земель, находившихся под владычеством литовских феодалов.

Но московские города росли и в силу других причин. Превращение Москвы в центр борьбы русского народа против монголо-татарского ига имело своим следствием резкое возрастание значения южных рубежей Московского княжества и вместе с этим городов как военно-укрепленных центров. Именно здесь, на главных путях борьбы с татарами, быстро поднялась Коломна, ставшая вторым по значению городом Московского княжества. В 1374 г. создание стратегического треугольника, прикрывавшего русские земли от татарских вторжений, было завершено основанием Серпухова. Характерно то внимание, которое проявляла

[135] ПСРЛ, т. XXV, стр. 297—298.

[136] См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 695 и сл.

княжеская власть к укреплению и развитию этих городов. Выход к Оке, находившийся в руках московских князей, имел очень большое значение не только для Московского княжества, но и для большинства северо-восточных русских земель как в военном, так и в торговом отношениях. В силу этого обстоятельства Коломна, например, получила весьма благоприятные предпосылки для своего усиления и развития в XIV—XV вв.

Процесс объединения русских земель вокруг Москвы также способствовал росту московских городов, имевших большое значение в развитии связей между Москвой и другими русскими землями. Коломна, Дмитров, Можайск и другие города были важными центрами этих связей.

Несомненный подъем московских городов и возникновение многих новых городских центров в Московском княжестве в XIV—XV вв. являются показателем более интенсивного развития социально-экономических отношений в Московском княжестве и помогают объяснить причины превращения Москвы в центр объединения русских земель в единое государство.

7. ТВЕРСКИЕ ГОРОДА

Как известно, с Москвой в течение длительного времени соперничало Тверское княжество. Здесь происходило развитие городов в XIV—XV вв.

Сама Тверь должна быть отнесена к числу крупнейших городских центров Северо-Восточной Руси.

Возникшая еще в конце XII или начале XIII в. (первое упоминание в летописи под 1209 г.), Тверь быстро выдвинулась в число значительных городов уже во второй половине XIII в. М. Н. Тихомиров считает, что «начало XIII в.— это только время оформления Твери как города»[1]. С 1247 г. Тверь стала княжеским центром, а вскоре — центром епископии. По Воскресенской летописи получается даже, что город возник лишь после нашествия Батыя: «Ярослав Всеволодович по Батыеве пленении приде с детми своими и начал грады разорения от Батыя ставити по своим местом и на Волге постави град и воиново его Тверью по Тверце реке, а напреди сего в том месте град не был, и посади на

[1] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, М., 1956 стр. 419.

Твери сына своего меньшаго Ярослава и оттоле наста великое княжение Тверское»[2]. Однако, как это предположено в литературе, речь идет здесь лишь о перенесении города с левого берега Волги на правый[3].

Тверь была расположена на важных путях, связывавших Новгород с Владимиро-Суздальской Русью. Но выгоды ее положения не исчерпывались этим. Они сказались особенно в первый период после вторжения Батыя. Расположенная в наиболее удаленном от мест татарских вторжений районе Северо-Восточной Руси, Тверь стала во второй половине XIII в. центром притяжения значительных масс населения. Город быстро рос, несмотря на опустошительные пожары 1276 и 1282 гг.[4] и к концу XIII в. имел гораздо большее значение в Северо-Восточной Руси, чем незначительная еще в то время Москва. В 1265 г. Тверь стала уже епархиальным центром[5], а в 1285 г. в Твери впервые в Северо-Восточной Руси после пятидесятилетнего перерыва возобновилось каменное строительство. Там приступили к сооружению соборного храма Спаса[6]. Строительство этой церкви закончилось лишь в 1288 г., а в 1292 г. она была расписана.

В конце XIII — начале XIV в. на Загородном посаде тверским тысяцким Михаилом Шетским была построена церковь св. Михаила, в которой были позднее погребены погибшие в Орде тверские князья Михаил Ярославич, Александр Михайлович, Федор Александрович[7].

В 1317 г. в разгар борьбы между Тверью и поднимавшейся Москвой за великое княжение начались работы по усилению обороны Твери. Вынужденный уступить ярлык на великое княжение Юрию Даниловичу Московскому, Михаил Ярославич Тверской «поиде в свою отчину во Тверь и заложи град болший Кремль»[8]. В 1323 г. была заложена, а в 1325 г. окончена строительством новая каменная церковь в Твери св. Федора[9]. Основываясь на

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 21.

[3] См. А. Н. Вершинский. Возникновение феодальной Твери. ПИДО, 1935, № 9—10.

[4] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. 1, стр. 34.

[5] Амвросий. Ук. соч., стр. 12.

[6] ТЛ, стр. 344.

[7] См. Н. Н. Воронин. Тверское зодчество XIII—XV вв. Известия АН СССР, сер. истории и философии, т. VII, № 2, стр. 383.

[8] ПСРЛ, т. XV, стр. 409.

[9] ПСРЛ, т. XV, стр. 414—415.

анализе текста Никоновской летописи, Н. Н. Воронин высказал предположение о том, что сооружение церкви могло быть начато богатым тверским купцом Федором перед его поездкой в Болгар, где он затем погиб [10]. Церковь Федора Тирона была построена в монастыре на устье р. Тьмаки. В том же 1323 г. к собору храма Спаса был пристроен придел св. Димитрия.

В дальнейшем строительство в Твери как будто затихает, ограничиваясь лишь украшением соборного храма Спаса. В 1344 г. были устроены медные двери и окованы иконы [11], в 1349 г. расписан алтарь, в 1353 г. построен новый придел Введения и установлены золоченые кресты на соборе и в приделах, в 1358 г. поставлены еще одни медные двери[12], в 1359 г. сооружены мраморные полы, в 1360 г. расписан придел Введения, ставший епископской усыпальницей[13].

Новые сведения об укреплении города находим опять в те годы, когда обостряется борьба Москвы с Тверью. В 1369 г. был срублен осенью за две недели новый деревянный город «и глиною промазали»[14]. В 1372 г. был выкопан ров и насыпан вал от Волги до Тьмаки[15]. Укрепления города были усилены в 1387 г., когда «у града Тфери около валу рубиша кожух и землю насыпаша» [16].

Подъем строительной деятельности в Твери приходится на конец XIV — начало XV в., время укрепления Тверского великого княжества. В 1382 г. был позолочен купол соборного храма в Твери[17]. В 1395 г. построили новые стены города[18], а в 1399 г. предпринята реставрация соборной церкви — «и сотвориша каменосечци от плиты жженыа, а тако горазньством утвориша, зело хитро поновиша, и убелиша церковь, и бе видети изрядно украшени, якоже и древле, первогодне свершение и убеление имеюще»[19].

---

[10] См. Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 383.
[11] ПСРЛ, т. X, стр. 216; изд. 2, т. XV, вып. 1, стр. 65.
[12] ПСРЛ, т. X, стр. 227, 230.
[13] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. 1, стр. 69; см. также Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 366—367.
[14] ТЛ, стр. 389.
[15] ПСРЛ, т. XV, стр. 433.
[16] ПСРЛ, т. XI, стр. 92.
[17] ПСРЛ, т. XV, стр. 441.
[18] См. А. Н. Вершинский. Возникновение феодальной Твери. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 121.
[19] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 144.

Еще в 1394 г. была построена каменная церковь Феодосия и Антония, а в 1404 г. заложена каменная церковь Успения на р. Тьмаке, в 1407 г. заложена новая колокольница[20]. Н. Н. Воронин считает, что круг построек при князе Иване Михайловиче был шире, чем известно из документов: были сооружены церковь Ивана Милостивого, огромный столп звонницы при Спасском соборе. Но строительная деятельность Ивана Михайловича в 1413—1421 гг. не отражена в летописи[21]. В 1421 г. была реставрирована каменная церковь Федора Тирона, а в 1435—1438 гг. построена еще одна каменная церковь Бориса и Глеба[22]. В 1452—1453 гг. был построен Михайлоархангельский собор.

Оборонительные сооружения города были спешно усилены в 1413 г., когда князь Александр Михайлович для строительства Твери «приставиі множество Тферичь и Кашинцев и срублен бысть вборзе»[23], а в 1446—1447 гг. Борис Александрович построил новые укрепления под названием Любовена[24].

В целом размах строительных работ в Твери XIV—XV вв. явным образом отставал от московского строительства, хотя и был весьма значительным по сравнению с другими северо-восточными городами.

Тверь была крупным феодальным центром. Княжеские, епископские, боярские, монастырские дворы занимали территорию тверского кремля. Под стенами кремля выросла другая часть города — посад, вернее посады, средоточие развитой торгово-ремесленной жизни. Развитие тверских посадов изучено А. Н. Вершинским, результаты наблюдений которого таковы: «... посад — ремесленно-торговая часть Твери — развивался в четырех направлениях: на юг за городом-кремлем, на север за Волгой, на северо-востоке — за Тверцой и к западу — за р. Тьмакой». На территории Загородного посада находилась торговая площадь. В Затьмацком посаде находился татарский гостиный двор[25]. Тверь была многолюдным городом. В 1318 г. «загореся Тверь град, и множеством людей уга-

[20] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 143; т. XI, стр. 191; т. XV, стр. 473.
[21] См. Н. Н. Воронин. Литературные источники в творчестве зодчих. Труды отдела древнерусской литературы, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 371.
[22] ПСРЛ, т. XV, стр. 488, 490—491.
[23] ПСРЛ, т. XI, стр. 221.
[24] Инока Фомы слово похвальное... СПб., 1908, стр. 27.
[25] См. А. Н. Вершинский. Ук. соч., стр. 122.

шен бысть, и погоре большая половина града, а церквей сгоре шесть»[26]. Указание на то, что в большей половине города находилось шесть церквей, позволяет примерно представить размеры города Твери. Кажется, в данном случае речь идет о пожаре в собственно городе, а не на посаде. Шесть церквей в большей половине кремля и «множество людей» создают впечатление большой плотности застройки и густоты населения тверского кремля в 1318 г.

О «бесчисленном множестве народа» в Твери упоминает летопись и под 1319 г.[27]. Улицы тверских посадов были также густо заселены. В Затьмацком посаде в 1405 г. сгорело 700 дворов, в 1420 г. — 120[28]. О размерах и застройке тверского кремля может свидетельствовать сообщение о пожаре 1413 г., когда «погоре град Тверь и князя великого двор, и весь град и стена вея, згоре церквей 20»[29]. Кампензе писал даже, явно преувеличивая, что Тверь обширнее, великолепнее и пространнее Москвы[30].

В тверской летописи есть рассказ о некоем «пришльце», который был в конце XIV в. поражен видом города: «... преудивиша бо ми ся мудрая основание твердости и крепости стен, и утверждение врат, и сведение столп, и палат украшение... сам аз не насладихся тоя неизреченная красоты»[31].

По мнению Э. А. Рикмана, Тверь к началу XV в. имела примерно такую же территорию, как и в XVIII в.[32].

Письменные источники и археологические материалы позволяют представить развитие ремесленного производства в средневековой Твери XIV—XV вв. Обработка металла, ювелирное дело, производство оружия, кожевенное дело, строительные ремесла были, по-видимому, хорошо развиты в Твери. К началу XV в. относятся первые достоверные указания на существование сложного колокололитейного производства в Твери. Еще под 1327 и 1339 гг. упоминаются тверские колокола[33], но происхождение их неизвестно. В 1403 г. «слит бысть колокол святому Спасу благовестный князем Иваном Михайловичем и бысть глас его

[26] ПСРЛ, т. XV, стр. 410.
[27] ПСРЛ, т. VII, стр. 198.
[28] ПСРЛ, т. XI, стр. 192.
[29] ПСРЛ, т. XV, стр. 486.
[30] БИПОР, т. I. М., 1836.
[31] ПСРЛ, т. XV, стр. 463.
[32] См. Э. А. Рикман. Новые материалы по топографии древней Твери. КСИИМК, вып. 49. М., 1953, стр. 50.
[33] ПСРЛ, т. XV, стр. 416; т. X, стр. 211.

красен»[34]. Очевидно, тверские литейщики сумели сделать отличный колокол, что говорит об их высоком искусстве. Приемы колокололитейного дела и пушечного литья были очень близкими[35], и не случайно почти одновременно встречаем указание на существование в Твери пушек — в 1408 г. Едигей потребовал присылки их от тверского князя для штурма Москвы[36]. О тверских пушках середины XV в., участвовавших во взятии Ржева, говорит «Слово» инока Фомы. С гордостью пишет Фома о тверском пушечном мастере Микуле Кречетникове: «Таков бяше тои мастер яко и среди немец не обрести такова»[37]. Сведения летописи о работах по украшению тверского соборного храма, приведенные выше, позволяют думать о наличии в Твери XIV в. медно-литейного и ювелирного производства — типичного для крупного феодального центра. О существовании в Твери мастеров золотых и серебряных изделий говорит также то, что тверские князья прикладывали к своим грамотам вызолоченные серебряные печати[38].

Замечательное мастерство тверских ювелиров воплотилось в известной рогатине князя Бориса Александровича, подробно исследованной Б. А. Рыбаковым[39]. В 1906 г. в Твери был обнаружен клад, вещи в котором датируются приблизительно 1430—1460 гг. Вещи этого клада представляли собой главным образом чеканное серебро, подвергшееся тонкой гравировке. Типы поделок разнообразны: предметы вооружения, посуда[40]. Тверскими ювелирами изготовлялись богатые «оклады» к иконам и книгам, как например, к Евангелию 1417 г.[41].

Тверские мастера чеканили деньги (по мнению А. Н. Вершинского, — с 1374 г.), имена этих мастеров известны — Арефьев и Федотов (XV в.)[42].

---

[34] ПСРЛ, т. XV, стр. 471.
[35] См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 601—602.
[36] ПСРЛ, т. VI, стр. 136.
[37] Инока Фомы слово похвальное.., стр. 46.
[38] См. В. С. Борзаковский. История Тверского княжества. СПб., 1906, стр. 60.
[39] См. Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 635—640.
[40] См. А. Н. Вершинский. Ук. соч., стр. 124.
[41] См. М. В. Рубцов. Деньги великого княжества Тверского. Труды Второго областного Тверского археологического съезда. Тверь, 1906, стр. 163.
[42] См. В. С. Борзаковский. Ук. соч., стр. 60.

Археологические работы в тверском кремле выявили остатки мастерских кузнеца и кожевника. В первой из них найдены железные кузнечные клещи, железное зубило, наковальня, подковы, гвозди, во второй — остатки кожи, кожаной обуви, инструменты для работы[43]. О развитии в Твери обработки металла свидетельствует тот факт, что в XIV в. тверские железные замки продавались даже в далекой Чехии[44].

По мнению В. С. Борзаковского, тверичи XIV—XV вв. занимались также судостроением. Лодки тверских купцов упомянуты в летописном рассказе о нападении новгородцев на Торжок в 1372 г.[45]. В Твери, как и во всех городах, были развиты гончарное дело и строительные ремесла. Об уровне развития этих последних может дать представление количество строительных работ, выполненных в Твери в XIV—XV вв. Отметим при этом, что каменных укреплений в Твери, по-видимому, не было, хотя В. С. Борзаковский высказал предположение о том, что одна из башен тверского кремля — Владимирская — была каменной[46]. М. Н. Тихомиров считает, что объясняется это стремлением тверских князей в первую очередь украсить храмы и малой их заботой об укреплении города, чем и отличается политика тверских князей от московских по отношению к своим столицам[47]. Но заботы московских князей о силе городских укреплений не помешали им уже во второй четверти XIV в. осуществить создание целого ансамбля каменных церквей в Кремле, а в середине века — приступить к их росписи. И наоборот, тверские князья, как показано выше, неоднократно принимали энергичные меры к укреплению города. Московский князь с огромным войском не смог взять Тверь в 1375 г. — Тверь была отлично укреплена. Дело не в различии отношения к столицам — такого

[43] См. Н. П. Милонов. Археологические разведки в Тверском кремле. ПНДО, 1935, № 9—10, стр. 134—148.

[44] См. Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества времени Димитрия Донского и Василия Димитриевича (1359—1425). МИА, № 12, М.—Л.

[45] ПСРЛ, т. VIII, стр. 20.

[46] См. В. С. Борзаковский. Ук. соч., стр. 60. Мнение В. С. Борзаковского поддержано Н. Н. Ворониным, который считает, что в XV в. кремль в Твери был деревянным, но имел каменные башни. См. Н. Н. Воронин. Тверской кремль в XV в. КСИИМК, вып. 44. М.—Л., 1949, стр. 86.

[47] См. М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 159.

различия не было, а в реальных экономических возможностях и князей и городов. Масштабы каменного строительства, связанного с большими расходами и требовавшего достаточного количества людей, соответствующего уровня развития многих ремесел, являются характерным показателем для оценки уровня экономического развития. И то, что только Москве удалось провести сооружение каменного кремля, нельзя считать результатом лишь отличия в политике московских князей — никто из князей не отказался бы от более мощных укреплений, если бы была реальная возможность соорудить их. Тверь была беднее Москвы в XIV—XV вв., уровень развития московской экономики был выше, и в этом должно заключаться главное объяснение отсутствия в Твери каменного кремля.

Однако, уступая Москве, Тверь была после нее, вероятно, самым значительным городом Северо-Восточной Руси. Ее положение на важнейших торговых путях способствовало интенсивному развитию торговли.

О многолюдном тверском торге встречаем упоминание в рассказе летописи о восстании 1327 г.[48]. Тверь занимала видное место в торговле между русскими землями. Через Торжок шел один из главных торговых путей средневековой Руси XIV—XV вв. — от Твери к Новгороду. В новгородско-тверских докончаниях этого времени встречаем неоднократные указания на взаимные условия торговли между Тверью и Новгородом[49].

Торговые сношения с Москвой осуществлялись разными путями — через Дмитров или через Вертязин — Клин[50], но они складывались в сложной политической обстановке борьбы Москвы и Твери, что не могло не влиять отрицательно на развитие тверской торговли в этом направлении. Когда в 1371 г. Димитрий Иванович заключал перемирную грамоту с послами великого князя Ольгерда Гедиминовича Литовского, то в текст ее было внесено условие: «А межы нас послом литовским, и нашим смоленским и торговцем путь чист. А послом Тферьским и нашим промежи нас путь чист. А оприсень послов тферичем нет дел в нашей очине, в великом княжении, а нашим нет дел во Тфери»[51]. Таким образом, было заявлено о разрыве тор-

[48] ПСРЛ, т. XV, стр. 416.
[49] ГВНиП, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 20.
[50] См. В. С. Борзаковский. Ук. соч., стр. 61.
[51] ДДГ, стр. 22.

говых отношений с Тверью. Этот разрыв был одной из мер для подрыва могущества Твери и в конечном счете — для подавления ее как соперника в деле объединения Руси. С другой стороны, это указывает на развитую тверскую торговлю с Москвой и другими городами центра, прекращение которой наносило ущерб экономике Твери. Когда в 1375 г. сопротивление Твери было сломлено, новый договор Димитрия Ивановича, по которому тверской князь вынужден был заключить союз с Москвой для борьбы с Золотой Ордой, сначала особо оговорил свободу пропуска новгородских гостей через Тверское княжество, а дальше восстановил свободу торговых отношений между Тверью и Москвой[52]. Свобода торговли с Москвой была подтверждена и в договоре Василия Димитриевича с Михаилом Александровичем в 1396 г.[53].

Тверь была также одним из крупных центров международной торговли. Тверь была связана торговыми отношениями с Ордой. Когда в 1319 г. в Орде был убит тверской князь Михаил Ярославич, там оказались «гости знаеми ему», которые хотели отдать почести телу своего князя[54]. В 1327 г. во время большого антитатарского восстания тверичи «торговцов гость хопыльскии иссече», «гостей ординских старых и новопришедших, иже с Щелканом Дюденевичем пришли, всех их иссекоша»[55]. О торговых связях Твери со странами Востока говорит знаменитое путешествие тверского купца Афанасия Никитина, первым проложившего дорогу из Руси в далекую Индию.

Весьма развитыми были связи Твери с Литвой. Договоры между Тверью и Литовско-Польским государством неоднократно подтверждают порядок торговли между ними. Из грамот видно, что тверские купцы бывали в Смоленске, Киеве, Витебске, Дорогобуже, Вязьме, Полоцке, Вильне, в свою очередь с литовских купцов пошлины брались в Твери, Кашине, Старице, Зубцове[56].

Таким образом, у нас есть основания видеть в Твери один из самых крупных торговых центров XIV—XV вв., имеющих международное значение. Не случайно именно в Тверской земле обнаружены «пражские гроши», не захо-

[52] ДДГ, стр. 29.
[53] ДДГ, стр. 42.
[54] ПСРЛ, т. VII, стр. 197.
[55] ПСРЛ, т. X, стр. 194.
[56] ДДГ, стр. 63, 164.

дящие далее на восток. Летописец, очевидно, нисколько не преувеличивает, когда при описании похорон князя Михаила Александровича в 1399 г. сообщает о том, что «гости же мнози от стран быша ту»[57]. О самих тверских гостях летопись также упоминает, например, под 1339 г. в связи с описанием проводов князя Александра Михайловича в Орду, когда «мати же его, и бояре, и гости, и житейския мужи, и весь град плакася о нем»[58].

Тверь была крупным ремесленно-торговым центром на Руси XIV—XV вв. В экономическом отношении это был один из передовых русских городов того времени, и это многое объясняет при выяснении причин того, почему тверские князья так долго и упорно могли вести борьбу с Москвой.

Со второй четверти XIV в. роль Твери в истории северо-восточных русских земель явно снижается, несмотря на отдельные периоды подъема ее могущества в конце XIV в. при Михаиле Александровиче и в середине XV в. при Борисе Александровиче. Роль объединителя русских земель прочно закрепилась за Москвой. Не последнее значение для решения исторического спора между Москвой и Тверью имела разность уровня экономического развития этих городов. Интересную и яркую характеристику исторической судьбы Твери в XIII—XV вв. дал Н. Н. Воронин. С большим основанием он пишет: «Развивая западные связи, Тверь уже в конце XIII — начале XIV в. выступает антагонистом татарской власти, Москва же идет по пути, намеченному Александром Невским. История оправдала московскую политику, а двухвековое существование Тверского княжества превратилось в напряженную и в конечном счете бесплодную борьбу с Москвой; причем периоды могущества и подъема общерусского авторитета Твери сменялись нарастающим упадком ее силы. Одновременно с подъемом или снижением общественно-политической жизни усиливалось или замирало строительство»[59].

Твери принадлежит также видное место в культурной истории средневековой Руси. Здесь возникли такие крупные памятники литературы и общественной мысли, как Тверская летопись и «Слово похвальное» инока Фомы. Тверь

[57] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 148.
[58] ПСРЛ, т. X, стр. 209.
[59] Н. Н. Воронин. Тверское зодчество XIII—XV вв. Известия АН СССР, сер. истории и философии, т. VII, № 2, стр. 375.

поддерживала церковные и культурные связи с Византией. В Ватиканской библиотеке хранится греческий устав, который написал «Фома Сирианин в пределах России в городе, называемом Тверь, в монастыре святых великомучеников Федора Тирона и Федора Стратилата». Комментируя этот факт, Н. Н. Воронин отметил, что Фома мог приехать вместе с Иваном Царегородцем и что «перед нами вырисовывается облик весьма любопытного культурного центра в Твери, объединившего выходцев из Константинополя и православного Востока»[60]. Тверская архитектура находилась в «прямой и непосредственной зависимости от владимиро-суздальской художественной культуры»[61]. Живопись в Твери подверглась воздействию сепаратистских политических устремлений местной феодальной знати. Исследователи истории русского искусства отмечают, что «Тверь, боровшаяся с Москвой, настойчиво проводила в искусстве свою собственную линию. По-видимому, ее художники охотнее обращались в поисках живых творческих импульсов к новгородским источникам»[62].

Вторым городом Тверского княжества был **Кашин**. Первое упоминание о Кашине относится к 1287 г., но город «почти наверняка существовал уже в начале XIII в.»[63]. Кашин находился на важных водных и сухопутных путях того времени. Через Кашин проходил путь от Волги и далее по рекам Сестре и Яхроме к Дмитрову и Москве. Кашин имел важное значение для Твери, так как прикрывал ее с северо-востока. Через Кашин пытались пройти к Твери в 1289 г. войска великого князя Димитрия Александровича и его союзников. Взять Кашин они не смогли, «обступиша град и стояша 9 дний»[64]. Из этого сообщения также видно, что Кашин уже тогда имел сильную систему укреплений. С 1339 г. Кашин стал центром удела в Тверском княжестве.

О внутренней истории Кашина сведений мало. Известно, что в Кашине был Богоявленский монастырь, откуда в 1368 г. была перенесена церковь «внутрь града»[65]. Соборная церковь города называлась Воскресенской[66].

[60] Н. Н. Воронин. Ук. соч. стр. 383.
[61] Там же, стр. 380.
[62] История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 32.
[63] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 42.
[64] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. I, стр. 34.
[65] ПСРЛ, т. XI, стр. 12.
[66] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 131.

Кашинский посад упоминается в летописи [67]. Археологическое обследование показало, что Кашинский посад занимал значительную территорию и располагался под стенами крепости, прикрытый петлей р. Кашинки [68]. На посаде в XV в. был «двор с поляной» Троице-Сергиева монастыря, купленный у некоей Федосьи Казариной и пользовавшийся иммунитетными правами [69]. Там же находились владения Тверского Отроча монастыря [70]. На большое торговое значение Кашина указывают упомянутые выше договоры Твери с Литвой, в которых Кашин назван в числе пунктов, куда ездят гости из Литвы. О хлебной торговле в Кашине говорит сообщение о голоде 1424 г., когда в Кашине хлеб продавался по полтине за оков ржи[71]. Сведений о развитии ремесленного производства в Кашине нет (за исключением чеканки монет), но наличие большого посада и большое значение города как княжеского и торгового центра с несомненностью свидетельствуют о наличии ремесла в городе.

Кашин был объектом напряженной борьбы между Москвой и Тверью и не раз жестоко страдал от внешних нашествий, междоусобных войн и эпидемий. В 1321 г. Юрий Данилович Московский совершил поход на Кашин. «Приизде в Кашин Гачна Татарин с жидовином должником, много тягости учини Кашину» [72]. Антитатарское восстание 1327 г., когда «изби татар много во Тфери и иным городом»[73], захватило, вероятно, и Кашин, где население незадолго до того испытало татарскую «тягость». Косвенным указанием на это может служить то, что карательный поход Ивана Калиты захватил не только Тверь, но и Кашин[74]. В 1348—1349 гг. вспыхнула усобица между тверскими князьями, захватившая и Кашин [75]. В 1365 г. Кашин пострадал от мора[76], а в 1367 г. к Кашину подступал князь

---

[67] ПСРЛ, т. XV, стр. 495.
[68] См. Э. А. Рикман. Топография Кашина в XIV—XV вв, КСИИМК, вып. XXX. М.—Л., 1949, стр. 68.
[69] АСЭИ, т. I, № 298.
[70] ААЭ, т. I, № 34.
[71] ПСРЛ, т. XV, стр. 488.
[72] ПСРЛ, т. XV, стр. 414.
[73] НПЛ, стр. 342.
[74] ПСРЛ, т. XXV, стр. 168.
[75] ПСРЛ, т. X, стр. 221.
[76] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. I, стр. 78.

Михаил Александрович Тверской [77]. В 1371 г. тверской князь взял с города окуп [78], в 1372 г. он был разрушен Литвой [79]. В борьбе с тверским князем кашинские князья ориентировались на Москву, с которой Кашин, видимо, был связан до известной степени и экономически. Московские князья поддерживали кашинских князей, стремясь ослабить Тверь. В 1375 г., после победы над Тверью, Димитрий Иванович Московский заставил даже тверского князя признать Кашинское княжество независимым. В дальнейшем междоусобная борьба продолжалась с большой остротой, и тверские рати иногда с помощью литовского войска не раз подступали к Кашину. Его укрепления, уничтоженные пожаром в 1392 г., были восстановлены полностью—город был «срублен весь»[80]. Во время междоусобицы тверских князей в 1405 г. князь Иван Михайлович «посла на Кашин наместники своя, и много зла створиша продажами и грабежом»[81]. Пострадал Кашин и во время феодальной войны, когда Шемяка «изгоном» в 1453 г. напал на город[82].

В XV в. на Волге возник **Калязин**. Нет данных для суждения о том, существовал ли Калязин в XV в. уже как город, или же это было еще только поселение вокруг монастыря, основанного в середине XV в.[83].

Коснятин (Скнятин, Кснятин) известен в летописях с 1148 г. [84]. В XIV—XV вв. он упоминается очень редко. В 1288 г. город был сожжен во время княжеской междоусобицы [85]. Коснятин упомянут в числе владений, передаваемых Михаилом Александровичем наследникам в 1399 г.[86]. Сведений о развитии города источники не дают.

Под 1375 г. в летописи упоминается «городок» **Белгород** в Тверском княжестве, взятый московскими войсками вместе с Зубцовым[87]. Археологическое обследование места, на котором был расположен Белгород, привело к заключению

---

[77] ТЛ, стр. 385.
[78] ПСРЛ, т. XV, стр. 431.
[79] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 113.
[80] ПСРЛ, т. XV, стр. 446.
[81] ПСРЛ, т. VI, стр. 132.
[82] ПСРЛ, т. XV, стр. 495.
[83] См. С. Б. Веселовский. Село и деревня, стр. 85.
[84] ПСРЛ, т. II, стр. 260.
[85] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. 1, стр. 34.
[86] ПСРЛ, т. IV, стр. 360.
[87] ПСРЛ, т. XV, стр. 435.

о том, что Белгород не стал ремесленно-торговым центром и недолго существовал как крепость. В 1565 г. он был селом [88].

Небольшим феодальным городом был, по-видимому, **Вертязин** (совр. Городня у Московского моря). Вертязин в XV в. был удельным центром князей Холмских, а впервые упомянут в летописном известии о разделе земель и городов между наследниками великого князя тверского Михаила Александровича по его завещанию в 1399 г.[89]. В 1412 г. «погоре Городен на Волге и церковь пречистыа Богородица и двор княж и много имения княжа и жита и запас всякой погоре» [90]. Весной следующего года город был восстановлен: «... князь Александр Иванович Тферский паки заложи Городен и приставы множество Тферичь и Кашинцев, срублен бысть вборзе» [91]. Внимание тверских князей к Вертязину-Городне было обусловлено значением города, прикрывавшего ближние подступы к Твери снизу по Волге. Указание на наличие княжеского двора со всякими припасами рисует город как типичный княжеский центр. Данные археологии свидетельствуют и об известном развитии ремесла в Вертязине, но, кроме чеканки монеты, эти данные пока не позволяют сколько-нибудь конкретно представить себе развитие ремесленного дела в Вертязине. Во второй четверти XV в. в Городне был построен каменный храм Рождества богородицы, один из сохранившихся до наших дней замечательных памятников тверской архитектуры. Анализ художественных и технических особенностей постройки привел исследователей к выводу о том, что «в Городне работали не столичные, а провинциальные мастера» [92], причем имеются в виду именно тверские строители. Вертязин-Городня был по-видимому, небольшим городским центром Тверского княжества.

К 1216 г. относится первое упоминание в летописи о **Зубцове**[93]. Этот город имел важное значение не только для Тверского княжества, к которому он принадлежал, но и в известной степени для всей Залесской земли, потому что он находился на одном из главных путей в Литву. Че-

[88] См. Э. А. Рикман. Обследование городов Тверского княжества. КСИИМК, вып. XII. М.-Л., 1951, стр. 78.
[89] ПСРЛ, т. IV, стр. 360.
[90] ПСРЛ, т. XI, стр. 219—220.
[91] Там же.
[92] История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 26.
[93] НПЛ, стр. 55.

рез Зубцов ездили литовские гости в Северо-Восточную Русь, здесь взимали с них традиционные торговые пошлины[94]. Ходили к Зубцову и литовские войска, пытавшиеся вторгнуться в Северо-Восточную Русь[95]. Хорошо понимал значение Зубцова великий князь московский Димитрий Иванович. Ведя борьбу с Тверью, он позаботился о том, чтобы уничтожить Зубцов и тем самым прервать связь Твери с Литвой. В 1370 г. большое московское войско было послано к Зубцову. «И стоя 6 дни взяли Зубцов и город сожгли, по докончанию люди выпустили куды кому любо»[96]. Разоренный город тверской князь вскоре восстановил, и в 1375 г. московскому войску снова пришлось брать Зубцов; характерно, однако, что к этому времени он назван в летописи «городок»[97]. В XV в. Зубцов был центром удела князя Ивана Юрьевича, имевшего столкновения с московским великим князем в период феодальной войны. Данных о развитии Зубцова как ремесленного центра в XIV—XV вв. нет.

При перечислении владений, завещаемых великим князем тверским Михаилом Александровичем, встречаем под 1399 г. **Опоки**[98]. В 1403 г. там были созданы укрепления — «князь Иван Михайлович замыслил город на Волзе близко Ржевы во Опоках у Зубцова, да единого лета срублен бысть, к весне почат, а в осенине кончен»[99]. Л. В. Черепнин считает, что создание укреплений в Опоках было вызвано желанием тверского князя укрепить свои рубежи в связи с переходом Ржевы под власть Москвы[100]. Остатки опокских укреплений были описаны Н. Я. Макаренко. Эти остатки представляли собой городище на высоком и крутом обрыве волжского берега. В полукилометре от городища были обнаружены остатки каменосечества — каменные плиты с выпукловысеченными изображениями Т-образных крестов. Плиты датируются XV—XVI вв. и могут дать представление об одном из видов опокских промыслов[101].

[94] ДДГ, стр. 63, 164.
[95] ТЛ, стр. 322.
[96] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. 1, стр. 93.
[97] ПСРЛ, т. VIII, стр. 23.
[98] ПСРЛ, т. IV, стр. 360.
[99] ПСРЛ, т. XV, стр. 470.
[100] См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 71.
[101] См. Н. Я. Макаренко. Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги. Известия Археологической комиссии, вып. 6. СПб., 1904, стр. 80.

Судя по тому, что источники редко упоминают об Опоках, сколько-нибудь значительным городом они не были. Но значение феодального центра Опоки сохранили до самого конца XV в. — в Судебнике 1497 г. они упомянуты в числе судебно-административных центров Русского государства.

Новые города возникали и в Тверском княжестве. В 1297 г. «срублен бысть город на Волзе, ко Зубцеву, на Старице»[102]. Конец XIII в. был временем подъема Тверского княжества, и возникновение нового города в это время легко объясняется. Основание Старицы нужно поставить в связь с заботами тверских князей об усилении обороны своей земли. Старица прикрывала подходы к Твери с верховьев Волги. Археологические работы показали, что Старица XIV—XV вв. была не только военной крепостью, но и ремесленным центром. По сведениям Н. Н. Воронина, в Старице найдены относящиеся к XIV—XV вв. остатки местного ремесла: ключи от трубчатых замков, ножи и другие металлические изделия. Обнаружен также медный крест местного литья. В Старице были мастера строительного дела. По мнению Н. Н. Воронина, первая каменная церковь была выстроена в Старице одновременно с постройкой валов уже в 60-х гг. XIV в.[103]. После пожара 1395 г., в 1397 г. был построен каменный Михайлоархангельский собор в Старице, а в 1403 г. или 1404 г. появилась еще одна каменная церковь[104], построенная быстро — «единого лета». Михайлоархангельский собор был расписан в 1406—1407 гг.[105]. В договорных грамотах Старица упоминается в числе тверских городов, где производилось взимание пошлин с литовских и новгородских купцов, что указывает на значение Старицы на торговых путях[106].

Старица была обычным ремесленно-торговым феодальным центром в Тверском княжестве. О внутренней ее истории сведений нет.

В середине XIV в. центром особого удела стал Микулин на р. Шоше. В последующее время Микулин превратился в небольшое поселение сельского типа, но в XIV—XV вв.

---

[102] ПСРЛ, т. XV, стр. 407.
[103] См. Н. Н. Воронин. Раскопки в Старице. КСИИМК, вып. XXXVIII. М., 1951, стр. 47 и др.
[104] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 143; т. XI, стр. 191.
[105] ПСРЛ, т. XI, стр. 193, 202.
[106] ДДГ, стр. 63, 164.

это был небольшой феодальный город, хорошо укрепленный, имевший торг и посад [107]. Микулин был центром удела одного из наиболее сильных и энергичных тверских князей Михаила Александровича, что, очевидно, сыграло свою роль в укреплении города и его развитии. В Микулине чеканилась монета [108]. Предварительные археологические раскопки вскрыли жилище местных ремесленников, хотя ни о ремесле, ни о посаде в Микулине никаких упоминаний в письменных источниках нет.

В период обострения борьбы между тверскими князьями в 1366 г. «князь великы Михаил Александрович Тверской нарядил Градок новый на Волзе» [109]. По мнению В. С. Борзаковского, это другое название Старицы [110].

По-видимому, небольшим феодальным замком был тверской Холм, князь которого Всеволод Александрович вел в середине XIV в. междоусобную борьбу с князем Василием Михайловичем Кашинским. После того, как усобица прекратилась, «и поидоша к ним отовсюду людие во грады их»[111], в 1358 г. Василий Михайлович послал в Орду жалобу на Всеволода Александровича, и в Орде без суда его выдали. «И бысть князю Всеволоду Александровичу от дяди его князя Василиа Михайловича томление велие, такоже и бояром и слугам и продажа и грабление велие на них, такоже и черным людем данная продажа велиа» [112]. Возможно, что после этой «продажи велей» Холм вообще запустел, так как он больше в летописях не встречается.

Под 1317 г. впервые упоминается в источниках Клин, через который шел путь Юрия Даниловича Московского и Кавгадыя от Дмитрова к Твери[113]. По мнению А. А. Спицына, Клин существовал уже в XIII в. [114]. Сведений о Клине в XIV—XV вв. немного. В 1408 г., когда Едигей потребовал от тверского князя Ивана Михайловича прийти с пушками на помощь для взятия Москвы, тверской князь

---

[107] См. В. С. Борзаковский. Ук. соч., стр. 27—28; Э. А. Рикман. Обследование городов Тверского княжества, стр. 80.

[108] Там же. См. также Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 680.

[109] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. I, стр. 81.

[110] В. С. Борзаковский. Ук. соч., стр. 33.

[111] ПСРЛ, т. X, стр. 221.

[112] ПСРЛ, т. X, стр. 230.

[113] ПСРЛ, т. XV, стр. 409.

[114] См. А. А. Спицын. Русская историческая география. Пг., 1917, стр. 35.

вышел с небольшой ратью и от Клина вернулся назад, поступив, по выражению летописи, «уменски паче же истински» [115]. Кажется, Клин был тогда рубежом Тверского княжества. В летописи под тем же годом сказано, что Едигей «Тферскаго настолования дом святого Спаса взяша волость Клиньскую и множество людей посекоша» [116]. Если Клинская волость принадлежала Тверской епископии, то можно думать, что и город Клин тоже находился в ее собственности. Возможно, этим объясняется то, что Клин не упоминается в сохранившемся летописном изложении завещания Михаила Александровича Тверского 1399 г., в котором перечислены тверские владения. В «Слове похвальном» инока Фомы говорится о том, что тверской князь Борис Александрович восстановил город «за много лет запустевший» [117]. Вероятно, город тогда перешел из епископских владений в княжеские. Матвей Меховский в своем «Трактате о двух Сарматиях» начала XVI в. говорит о том, что Тверское княжество состояло прежде из Холмского Зубцовского и Клинского уделов [118].

Отметим еще два города, примыкавшие к Тверскому княжеству.

На рубеже тверских, новгородских, литовских и московских владений находилась **Ржева**. Первое упоминание о Ржеве относится к 1216 г.[119]. Положение Ржевы обусловливало ее военное и торговое значение в XIV—XV вв. и способствовало ее росту. Под 1376 г. упомянуты ржевские посады [120]. За Ржеву шла напряженная борьба между сопредельными сторонами, и история перехода Ржевы из рук в руки не вполне выяснена [121]. В 1408 г., когда Ржева вошла в состав московских владений, «повеленьем князя великого срублиша город деревянный Ржеву» [122]. В 1446 г. ржевичи оказали упорное сопротивление тверскому князю Борису Александровичу, которому московский великий

---

[115] ТЛ, стр. 469.
[116] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 159.
[117] Инока Фомы слово похвальное.., стр. 27.
[118] См. М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях, М.—Л., 1936, стр. 113.
[119] НПЛ, стр. 55.
[120] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 117.
[121] См. Н. Д. Кашинин-Самарин, Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887.
[122] ПСРЛ, т. XI, стр. 204.

князь Василий Васильевич отдал Ржеву [123]. Выступление ржевичей носило характер антифеодального протеста, — судя по тексту «Слова похвального» инока Фомы.

В перечне владений тверских князей встречаем также Вобрынь[124], бывшую, вероятно, лишь феодальным замком, а не городом. Никаких сведений о развитии Вобрыни нет[125].

Торжок известен с 1139 г.[126]. Развитие города определялось в первую очередь его исключительным значением в торговле между Залесской землей и Новгородом. Характерно само название города, указывающее на его торговое значение. Уже в первой половине XIII в. Торжок был значительным городским центром[127]. В XIV—XV вв. это значение города сохранялось. Свидетельства летописи говорят о пребывании тверских и новгородских купцов в Торжке, о громадных богатствах, сосредоточивавшихся в Торжке в ходе торговых сношений и погибавших во время нападений на город соперничающих сторон. В городе были каменные церкви, большой посад [128]. Москва вела упорную борьбу за Торжок, и уже при Иване Калите Торжок был отобран у новгородцев. При вступлении на княжение Семена Ивановича в 1340 г. боярско-купеческая верхушка Торжка обратилась за помощью к Новгороду, чтобы избавиться от московских наместников. Новгородское боярство согласилось выступить против Москвы, но «не восхотеша чернь» в Новгороде. «Черные люди» Новгорода не захотели вступать в борьбу с сильным московским князем на стороне своих бояр. Следствием этого было восстание «черных людей» в самом Торжке против бояр, ввергнувших город в конфликт с Москвой. Сообщения летописи об этих событиях рисуют Торжок как крупный городской центр, где активность горожан весьма значительна, а внутренние противоречия достигают большой остроты [129]. То, что обострение классовой борьбы в Торжке в 1340 г. было непосредственным

---

[123] ПСРЛ, т. XV, стр. 493. Инока Фомы слово похвальное.., стр. 48—49.

[124] ПСРЛ, т. IV, стр. 360.

[125] В. С. Борзаковский отмечает, что местонахождение древнего Вобрыня неизвестно. Ук. соч., стр. 39.

[126] НПЛ, стр. 25.

[127] См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 385—387.

[128] ПСРЛ, т. IV, стр. 68.

[129] НПЛ, стр. 352—353; ПСРЛ, т. VII, стр. 207; т. X, стр. 212.

откликом на противодействие «черных людей» боярам в Новгороде, неслучайно, потому что Торжок был очень тесно связан с Новгородской республикой и находился некоторое время даже в «смесном» владении ее с тверскими князьями[130]. Вполне понятно поэтому существование веча в Торжке, о котором имеются указания в источниках[131].

О том, какую роль играл Новгород в развитии Торжка, говорит и построение в Торжке в 1365 г. каменной Спасо-Преображенской церкви: «...замышлением богобоязнивых купець новогородцких, а потягнутьем черных людей и всех мужей православных христиан: потом на зиме сию церковь освящали архиепископ новогородцкий Алексей с попы и с диаконы и с крилошаны святыя София»[132].

Богатства Торжка, неоднократно упоминаемые в летописях и актах — «колоколы, книги, кузнь», «иконная скрута, злато и сребро» и т. п.[133], — вряд ли можно считать имеющими только местное происхождение. Более вероятно, что многие из этих драгоценностей были сделаны в Новгороде, а частично и в северо-восточных городах, и попадали в Торжок путем торговли и вкладов в церкви. Торжок рисуется в первую очередь как крупный торговый центр. Никаких прямых указаний на развитие ремесла в Торжке нет, но это не значит, что ремесленного производства в Торжке вовсе не было. Само положение Торжка как крупнейшего торгового центра заставляет предположить наличие в городе по крайней мере всяких ремесел, обслуживавших потребности массы людей, съезжавшихся в город. Кроме того, наличие в городе посада и многочисленных «черных людей» косвенно указывает на то, что Торжок был не только торговым, но и ремесленным центром.

Серьезный ущерб развитию Торжка нанесло нападение тверского князя Михаила Александровича в 1372 г., когда «зажгоша с поля посады у города, и удари со огнем ветр силен на град, и понде огонь по всему гради, и погоре вскоре весь град и церкви каменныи, и многое множество народа бесчисленое вскоре погибоша, а инии, от огня бежачи, в реце истопоша; в едином часе видехом град весь

---

[130] ГВНиП, № 1, 2, 3, 6 и др.
[131] ПСРЛ, т. IV, стр. 68.
[132] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 104.
[133] ПСРЛ, т. VIII, стр. 20; ДДГ, стр. 27.

вскоре попель, и развеяй то ветрь, и не бысть ничтоже, развее кости мертвых» [134].

Сравнивая общую картину развития тверских городов с московскими городами, можно заметить, что развитых городов в Тверском княжестве было меньше, а ряд городов, упоминаемых источниками, — такие, как Холм, Вертязин, Микулин, Белгород, Кличен и другие, — едва ли были более чем укрепленными феодальными замками, насколько можно судить об этом по современному состоянию источников. Лишь сама Тверь, бесспорно, выделялась среди всех русских городов, но и ее темпы развития оказались меньшими по сравнению с Москвой. Отставание Тверского княжества в развитии городов может быть объяснено, в частности, тем, что в сложившихся условиях тверские города не приобрели такого общерусского значения, как московские города или города Поволжья. Переход политического первенства в Северо-Восточной Руси к Москве и сепаратистская политика тверских князей в XIV—XV вв. поставили многие тверские города в несколько обособленное от остальных русских земель положение. Конечно, подъем производительных сил, развитие феодального землевладения и хозяйства происходили и в Тверском княжестве, они создали основу для развития городов и даже для возникновения некоторых новых городских центров, а также и материальную базу для длительной и упорной борьбы тверских князей против Москвы.

* * *

В целом XIV и XV столетия нужно признать временем, когда северо-восточные русские города не только оправились после тяжелого татарского разорения, но и получили заметное развитие. Это развитие определялось подъемом производительных сил, ростом феодального землевладения и хозяйства. Оно ускорялось в обстановке борьбы против внешней угрозы и за единство русских земель. При этом города, получившие большое военное и политическое значение в борьбе за объединение русских земель и за их освобождение от монголо-татарского ига, развивались особенно интенсивно. Влияние военно-политических условий на судьбу городов несомненно, и условия их роста нельзя ограничивать только чисто экономическими факторами.

[134] ПСРЛ, т. XV, стр. 432.

Можно отметить и еще одно обстоятельство, влиявшее на развитие городов. Насколько можно судить по приведенным выше материалам, те немногочисленные города, которые находились в вотчинном владении отдельных феодалов, не получили сколько-нибудь значительного развития. Гороховец, Клин, мелкие княжеские центры в Тверском княжестве и другие оставались крайне незначительными и даже не всегда можно с уверенностью отнести их к категории городов, а не замков. Характерно, что Борису Александровичу Тверскому пришлось восстанавливать запустевший Клин, долгое время находившийся во владении Тверской епархии. Порождаемая вотчинными рамками узость экономического развития и политического значения этих городов не позволила им стать значительными городскими центрами.

Конечно, во всех русских городах того времени, в том числе и в наиболее развитых, в XIV—XV вв. еще очень большое место занимали вотчинные владения, о чем мы будем подробнее говорить ниже. Но подавляющее большинство городов имело определенное количество «черного» населения, не связанного личной зависимостью от отдельных феодалов, и это обстоятельство весьма благоприятно сказывалось на развитии городов.

Нами рассмотрены сведения о 68 городах Северо-Восточной Руси, упоминаемых в летописях и актах. Прибавим к этому еще 5 городов, названных в «Списке русских городов» и находившихся на рассматриваемой территории: Бережечь, Мстиславль, Несвежьский, Болонеск, Кличен, о которых в источниках сведений обнаружить не удалось.

Из этого количества бесспорные данные как о городских центрах в социально-экономическом отношении имеются относительно следующих городов: Ростов, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Суздаль, Владимир, Углич, Молога, Ярославль, Кострома, Городец, Нижний Новгород, Галич, Устюг, Вологда, Белоозеро, Москва, Дмитров, Звенигород, Волок Ламский, Можайск, Верея, Серпухов, Коломна, Тверь, Кашин, Старица, Микулин, Ржева, Торжок, т. е. в отношении 29 городов. Без всякого сомнения можно сказать, что этим не исчерпывалось количество городских центров Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. Отсутствие указаний в сохранившихся письменных источниках не может быть принято как доказательство того, что другие города не являлись таковыми в социально-эконо-

мическом отношении. Очень во многом помогли бы археологические работы, которые уже дали ряд свидетельств ремесленно-торгового развития таких пунктов, о которых в летописях и актах нет указаний на ремесло и торговлю. Пока эта работа не произведена, затруднительно привести более или менее точную цифру количества городов в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., однако можно твердо сказать, что не все из упомянутых семидесяти с лишним пунктов были городами. Известно, что превращались в села Боголюбов, Клещин, Радонеж, центрами волостей по терминологии грамот, четко выделяющих города, были Хотунь, Лопасня, Нерехта и многие другие. Ряд городов, упомянутых в «Списке», были просто укреплениями. Во всяком случае цифра в 78 городов, принятая в «Очерках истории СССР XIV—XV вв.», не может считаться обоснованной.

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ XIV — XV ВВ.

1. ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО

Из приведенного выше обзора видно, что, несмотря на скудость сведений в наших источниках об экономическом развитии северо-восточных русских городов XIV—XV вв., мы с полным основанием можем рассматривать эти города центрами ремесленного производства. Ремесло было «необходимой составной частью городского быта»[1] в средние века. Можно спорить о том, насколько глубоко зашел процесс общественного разделения труда в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., но самый факт существования городов как центров ремесла и товарного производства не подлежит сомнению.

Теперь при изучении экономического развития городов XIV—XV вв. мы имеем твердую опору в выводах капитального исследования о ремесле Б. А. Рыбакова. Очень важное значение имеет произведенный Б. А. Рыбаковым тщательный анализ этапов развития русского ремесла XIV—XV вв., в результате которого исследователь пришел к выводу о том, что «застой, вызванный разгромом 1237—1241 гг. и последующим установлением татарского господства, продолжался до XIV в. В середине XIV в. в развитии ремесла наступает перелом, и в течение второй половины XIV в. наблюдается расцвет ремесла, обусловленный общим развитием русской культуры»[2].

Недостаток материала обусловил построение Б. А. Рыбаковым картины развития русского ремесла в широком общем плане, преимущественно на основе анализа новго-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 286.
[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 695.

родского и псковского ремесла. Северо-восточные города находились в целом в более тяжелом положении, что должно было сказаться и на уровне развития ремесленного производства в них по сравнению с Новгородом и Псковом. Но это справедливо по отношению не ко всем городам. Исследования Б. А. Рыбакова и М. Н. Тихомирова показали, что Москва в XV в. стала передовым центром ремесла не только в Северо-Восточной Руси, но и вообще в русских землях. Более того, отдельные отрасли ремесленного производства в Северо-Восточной Руси должны были получить весьма значительное развитие.

Б. А. Рыбаков показал большое развитие в городах XIV—XV вв. металлообработки, в том числе и литейного дела. Если учесть, что Северо-Восточная Русь вынесла на себе главную тяжесть вооруженной борьбы против монголо-татарского ига, то нужно считать, что обработка металлов и в особенности изготовление оружия занимали значительный удельный вес в ремесле северо-восточных городов XIV—XV вв. В конце XIV в. на Руси появилось артиллерийское дело, сразу получившее большое развитие. В Северо-Восточной Руси, по крайней мере в Москве и Твери, существовало с этого времени производство огнестрельного оружия[3]. Города были также центрами развитого ювелирного дела. Большое развитие получили литейное производство, гончарное дело, обработка дерева, кожи, кости, ткачество, монетное дело и другие ремесла[4]. Особое место должны были занять строительные ремесла, связанные с созданием и восстановлением городских укреплений, сооружению которых в условиях постоянной внешней опасности и тяжелой борьбы с врагами придавалось в Северо-Восточной Руси большое значение.

Сооружение городских укреплений было большим событием[5]. На строительные работы стекалась в города мас-

---

[3] См. Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. СПб., 1877, стр. 47.

[4] Общую характеристику городского ремесла см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 594—776, также «Очерки истории СССР. Период феодализма. XIV—XV вв.». М., 1953, стр. 79—104.

[5] Интересно, что автор сказания о Куликовской битве избрал для образного сравнения с описываемым им шумом в татарском лагере накануне сражения такие близкие и понятные для своих читателей и слушателей картины — «кличь и стук зелий, аки торжища снимаются и аки грады зиждуще». ПСРЛ, т. XI, стр. 57.

са ремесленников. Когда Димитрий Донской приступил к сооружению каменного кремля в Москве, он «многи мастеры наведе в Москву» [6]. Именно в городе, прямо на месте строительства, должны были развертывать свою деятельность ремесленники-кузнецы, может быть, литейного дела мастера, изготовлявшие необходимые строительные инструменты, нужда в которых в момент создания укреплений особенно возрастала, мастера-кожевники, изготовлявшие упряжь, и другие. Сосредоточение значительных масс рабочей силы на строительстве укреплений требовало развития тех отраслей городского ремесла, которые производили продукты питания и как известно по подсчетам более позднего времени, составляли предмет занятий до половины всех ремесленников в городах.

Правда, известно, что городское строительство осуществлялось в порядке феодальной повинности, «городового дела», распространявшейся и на сельское население. Но несомненно, что активную роль играли в строительных работах горожане. Особенно показательно в этом отношении строительство каменных укреплений. Каменное строительство при тогдашнем уровне техники могло вестись только летом. Следовательно, сезон каменного строительства в городе совпадал с сезоном сельскохозяйственных работ в деревне, а это значит, что каменное строительство, в отличие от создания дерево-земляных укреплений, могло осуществляться в первую очередь силами городских ремесленников, а не сельского населения [7]. Если дубовый кремль Калиты строили зимой, то каменный кремль Донского создавался уже летом, а зимой были проведены лишь предварительные работы — «камень повезоша к городу» [8]. Ведение каменного строительства было возможно лишь в крупных городах с развитым ремеслом и значительным ремесленным населением.

Но если самый факт распространения в северо-восточных городах ремесленного производства и его высокого технического уровня после работ Б. А. Рыбакова не вызы-

[6] А. Ф. Бычков. Описание славянских и рукописных сборников императорской публичной библиотеки, вып. 1. СПб., 1878, стр. 134.

[7] См. А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. ПИДО, 1936, № 11—12, стр. 56.

[8] Н. Фальковский. Инженерные укрепления древней Москвы. «Военный вестник», 1947, № 6, стр. 51.

вает сомнений, то значительно сложнее вопрос о степени развития товарного производства в городах и превращении ремесленников в мелких товаропроизводителей. Данные источников в этом отношении явно недостаточны, но некоторые наблюдения можно все же произвести.

В XIV—XV вв. была широко распространена работа на заказ. Так, например, чеканка монет, являвшаяся княжеской прерогативой, бралась серебряных дел мастерами на откуп у князей, что приводило к огромному разнообразию типов монет, отмеченному исследователями[9].

Об этой же форме ремесла говорит также надпись на одном из Евангелий конца XIV в., опубликованная И. И. Срезневским в его «Сведениях и заметках» о древних памятниках: «Се яз Семен Тутолема клюшник вношу сию книгу Еулие опракос вкладом в монастырь стаго архангела княжим князя моего благоверного Ивана Дмитриевича и княгини его Марфы, а за писмо дал игумену Миките три рубли, а на кожу преже того дал тожь три рубли. А игумен Еулие взял в тетрадех»[10]. Речь здесь идет, судя по контексту, о Двинском Михайлоархангельском монастыре. Важно отметить, что за выполнение заказа деньги получил не только игумен, но и «паробок Семен», очевидно, непосредственный исполнитель заказа. Характерно, что Семен не черпец и не старец, а просто «паробок», — очевидно нанятый монастырем как мастер-ремесленник, возможно переплетчик. Такие случаи могли, конечно, быть типичными и в других монастырях, особенно в городах, где грамотность была выше и где монастыри могли нанимать горожан-ремесленников для исполнения такого рода заказов. Работа на заказ являлась наиболее типичной чертой средневекового ремесла. Многочисленные шедевры русского ремесла XIV—XV вв., как например, изделия ювелиров, иконников, мастеров книжного дела и других, были созданы по заказу крупных феодалов. Они дают основание для сужде-

[9] См. Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества времени Димитрия Донского и Василия Димитриевича (1359—1425 гг.). МИА, вып. 11. М., 1949, стр. 163; Н. И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. «Записки нумизматического отделения императорского Русского археологического общества», т. 2, вып. 1—2. СПб., 1910, стр. 44.

[10] И. И. Срезневский. Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках. Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, т. I. СПб., 1867, стр. 61—62.

ний о техническом уровне ремесла, но не могут служить свидетельствами развития товарного производства.

Решающее значение для оценки товарного производства в городах могли бы иметь конкретные данные о работе ремесленников на рынок. Но таких данных у нас пока нет. Вероятно, когда археология даст новые материалы о городах XIV—XV вв., тогда и этот вопрос может быть разрешен столь же успешно, как это сделано Б. А. Рыбаковым в отношении Древней Руси, гораздо лучше изученной археологически.

Мы можем предполагать, что продукция городских ремесленников поступала на городской рынок. Мы знаем также, что городской торг был важнейшим элементом жизни средневекового города, и невозможно представить, чтобы там не торговали городские ремесленники. Но различные группы ремесленников имели неодинаковые условия для производства на рынок.

Известно, что социальный состав городских ремесленников был различным.

Поскольку города XIV—XV вв. были феодальными центрами, резиденциями крупных и мелких феодалов, то в них должно было быть немало вотчинных ремесленников, обслуживающих потребности своего феодала. По-видимому, особенно много должно было быть таких городских ремесленников, которые принадлежали великим и удельным князьям, крупнейшим духовным и светским феодалам. По мнению С. М. Соловьева, под названием упоминаемых в договорных грамотах князей «делюев» «разумеются всякого рода ремесленные и промышленные люди, поселенные на княжих землях» [11]. Об этих «делюях» князья уговаривались, чтобы им «знати своя служба, как было при наших отцех» [12]. Однако «делюи», видимо, жили не в княжеской вотчине, а на тяглой земле, потому что в договорных грамотах встречаем условия относительно «делюев» — «а земли их не купити» [13]. «Делюев», очевидно, следует считать близкими по положению к дворцовым людям, выполнявшим свои «службы» князю.

[11] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общественная польза», т. I, стр. 1203. М. Н. Тихомиров также понимает под «делюями» ремесленников. См. Хрестоматия по истории СССР, т. I. Сост. В. И. Лебедев, М. Н. Тихомиров, В. Е. Сыроечковский, изд. 3. М., 1949, стр. 212.

[12] ДДГ, стр. 31.

[13] Там же, стр. 37.

Немало ремесленников находилось в городских монастырях. Например, мы имеем упоминание о ремесленниках Московского Симоновского монастыря. В тексте правой грамоты 1463—1471 гг. великого князя Ивана Васильевича Суздальского Спасо-Преображенскому монастырю цитируется текст продажной грамоты епископа Коломенского Геронтия, в которой говорится: «Се аз, Нов, поп Симановский, купил семи себе, до своего живота, у архимандрита у Геронтия у Симоновского и у его старцов у Симоновских, у Мартирья у строителя, у Андрея у златого мастера, у Митрофана у иконника, у Амвросия у казначея, у Варлама у Завелского» [14] и т. д. (следует еще несколько имен монастырских старцев). Можно предположить, что упомянутые в грамоте лица являлись не просто ремесленниками, а стояли во главе целых групп ремесленников соответствующих специальностей, поскольку вряд ли простые ремесленники могли входить в круг монастырской администрации, от имени которой заключались важные сделки. О церковных мастерах говорится в одном из ханских ярлыков митрополиту Феогносту: «А что церковные мастери, сокольницы, пардусници, что ни будет да ни займуть их, ни емлють, ни издерут, ни погубят их»[15]. О покупке митрополитом Филиппом холопов для строительства Московского Успенского собора свидетельствует рассказ летописца под 1472 г. [16].

Пользуясь, по крайней мере официально, гарантированной неприкосновенностью от татар, церковные ремесленники находились в лучших условиях, чем остальные. Благодаря этому церковь имела достаточное количество ремесленников, в то время как даже великий князь договаривался с одним из своих удельных князей о том, чтобы приобретенных ремесленников делить между собой пропорционально «жеребью», что указывает на явный недостаток мастеров у великого князя.

Церковные мастера жили, вероятно, при крупных городских церквах. В летописи рассказывается, например, о том, что после смерти митрополита Филиппа в 1472 г. на теле его были обнаружены железные вериги, о существовании которых не было никому известно. Когда великий князь Иван Васильевич стал допытываться, кто сделал

[14] АЮБ, т. I, № 72.
[15] ПСРЛ, т. XX, стр. 183.
[16] ПСРЛ, т. XXV, стр. 300.

митрополиту эти вериги, то «кузнець избрался един, его же искупил митрополит из полону у Татар и церкви той ковати на потребу», который и сказал, что он сделал митрополиту вериги[17]. Перед нами интересный случай. Какой-то ремесленник попал в плен к татарам и был оттуда выкуплен московским митрополитом, но уже оказался вотчинным ремесленником митрополичьего дома, если не холопом. Продукты его труда шли не на рынок, а «на потребу церкви». Можно предположить, что вотчинные ремесленники тоже имели возможность выступать на городском рынке. Если в XV в. наблюдается тяготение феодалов к переходу к денежным оброкам наряду с усилением других видов крепостной эксплуатации, то вероятно, что на денежные платежи могли быть переведены и вотчинные ремесленники, что способствовало усилению их связей с рынком. Указания на продажу каких-то предметов на городском торге населением городских вотчинных владений феодалов мы находим, например, в грамоте князя Василия Ярославича Троице-Сергиеву монастырю на двор в Дмитрове 1447—1455 гг.: «... што у них двор монастырской в городе в Дмитрове, и хто у них в тех селах живет людей и в их дворе в городском, ино те люди купят ли што, продадут ли, ино тем людем ненадобет ни явлено, ни пятено, а мои пошлинники в то не вступаюца»[18]. Возможно, что монастырские люди, жившие в городском дворе, могли продавать и продукты своего ремесленного производства.

Но кроме вотчинных ремесленников, были в городах ремесленники другой категории, так наз. «свободные» ремесленники. Известное отличие в экономическом и юридическом положении «черного» населения создавало более благоприятные условия для производства ремесленных товаров на рынок.

Мы располагаем лишь некоторыми данными, определенно свидетельствующими о сбыте ремесленниками своей продукции на рынках в городах. В ответах владык Цареградского собора на вопросы Феогноста, епископа Сарайского (1291 г.), мы находим указание на тот случай, как поступать, если требуется обновить церковную утварь. Ответ таков: «Аще кто хощет обновити священные сосуды, да купят у мастера снасть всю, да сковав сосуды и ввергнут

[17] ПСРЛ, стр. 293.
[18] АСЭИ, т. I, № 198.

снасть во глубину, а опять де не куют снастью тою, да не получат себе греха от бога»[19]. Перед нами ясное свидетельство того, что можно было приобрести путем купли орудия ремесленного производства, которые, конечно, являются результатом труда мастеров-ремесленников. Житие св. Петра, царевича ордынского, рассказывает о том, что Петр покупал иконы в городском торгу[20]. Имеются некоторые сведения о продаже книг.

Используя выводы Б. А. Рыбакова, располагавшего конкретным материалом в отношении Новгорода и Пскова, мы также вправе говорить о работе ремесленников на рынок и в городах Московской Руси. Правда, и у Б. А. Рыбакова материала часто явно не хватает для подтверждения начертанной им картины организации городского ремесла в XIV—XV вв., но все-таки Новгород и Псков дали хотя бы какое-то количество этого материала, на основании которого исследователь смог прийти к выводу о том, что «для XIV—XV вв. производство на рынок несомненно»[21]. Однако не следует преувеличивать масштабы рыночных связей городского ремесла XIV—XV вв., которые были по преимуществу местными связями. Следует поддержать мнение Л. В. Даниловой и В. Т. Пашуто о том, что в этот период «в целом процесс превращения ремесла в мелкое товарное производство совершался медленно. Размеры и ассортимент товарной продукции городского ремесла по-прежнему лимитировались потребительским характером мелкого ремесленного производства, основанного на примитивной ручной технике, узостью рынка»[22]. С дальнейшим развитием товарного производства происходит расширение рыночных связей, подтачивающее экономические основы феодальной раздробленности. Но на Руси XIV—XV вв. при полном господстве феодального способа производства сфера развития товарного производства была весьма ограничена: ко времени образования Русского централизованного государства возникли лишь некоторые экономические связи между различными землями. Только в новый период

---

[19] РИБ, т. 2, № 1.

[20] См. М. Толстой. Древние святыни Ростова Великого. М., 1847, стр. 50.

[21] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 713.

[22] Л. В. Данилова, В. Т. Пашуто. О товарном производстве на Руси (до XVII в.). «Вопросы истории», 1954, № 1, стр. 127.

русской истории, примерно с XVII в., происходит концентрация рыночных связей и образование всероссийского рынка.

В XIV—XV вв. города были центрами товарного обращения, но оно, по-видимому, лишь в незначительной степени было связано с товарным производством в городе. Для феодализма вообще характерно, что «продукт становится здесь товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю»[23]. Поэтому свидетельства о городах как центрах товарного обращения не могут служить непосредственными показателями уровня развития товарного производства в городе.

Для характеристики развития товарного производства в городах важно отметить, что городские ремесленники были еще тесно связаны с земледелием и другими видами сельского хозяйства. Нельзя думать, что в городах XIV—XV вв., при всем значительном уровне развития ремесла, оно стало исключительным занятием городского населения. В таком случае нам пришлось бы признать наличие широкого товарообмена между городом и деревней, хотя в XIV — XV вв. товарно-денежные отношения получают постепенное развитие. Денежная рента, побуждавшая крестьянина к продаже продуктов на городском рынке, отнюдь не стала господствующей в XV в., параллельно с ней быстро росла барщина. Необходимо также учитывать исторические условия, в которых развивалась экономика русских феодальных городов XIV—XV вв. После татаро-монгольского нашествия, как показано Б. А. Рыбаковым, те рыночные связи городского ремесла, которые образовались в XIII в., были нарушены[24].

Городские ремесленники XIV—XV вв. еще не порывали в массе своей с земледелием. К. Маркс указывал, что в период феодализма городской ремесленник «сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород и сад, но очень часто клочок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т. д.»[25]. Связь городских ремесленников с земледелием типична для феодальных городов в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. Известны сведения С. Герберштейна о

[23] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1953, стр. 340.
[24] См. Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 535.
[25] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 911.

полях и огородах в Москве начала XVI в.[26]. В Коломне в числе исследованных дворов коломенских горожан XII—XV вв. не оказалось ни одного, где земледелие и скотоводство не были представлены в той или иной степени. Обнаружены ручные мельницы, предметы охоты, рыболовства и других промыслов. «Земледелие и скотоводство, добавочные промыслы — охота, рыболовство и сбор лесных орехов — сопровождают хозяйство коломенского ремесленника с XII по XV вв. включительно»[27], — писал Н. П. Милонов. Понятно, что в более мелких городах связь с земледелием еще больше. Сошлемся на данные относительно Радонежа: «Существование и большое развитие ремесленного производства в Радонеже XIV—XV вв. доказывает преобладание находок ремесленных изделий в большей части жилищ и малое количество орудий и предметов сельского хозяйства, а также наличие соответствующих материалов и сырья для местного ремесла. Ремесло это в Радонеже в XIV—XV вв. все же составляло только дополнение к сельскому хозяйству и (как мелкое производство) было связано со сбытом изделий на мелкий и узкий рынок (посуда, игрушки)»[28].

Упоминания о скотоводстве в городах имеются и в письменных источниках. В «Нижегородском летописце» в рассказе об обвале (оползне) горы над Нижегородским посадом 1392 г. говорится, что «засыпало в слободе сто пятьдесят дворов и с людьми и со всякою скотиною»[29]. В рассказе летописи о нападении татар на Владимир в 1411 г. говорится о том, что «они же окаянии первое за Клязмою стадо градское взяша»[30]. Указание на наличие скота у городских жителей Твери мы видим в рассказе летописи об осаде города войсками Димитрия Ивановича в 1375 г., когда «во граде Твери бяше тогда скорбь немала, такова же не бывала в минувшая лета: бысть мор на люди на скот»[31].

---

[26] См. С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 99.

[27] Н. П. Милонов. Историко-археологический очерк г. Коломны. Историко-археологический сборник. М., 1918, стр. 85—86, 90.

[28] Н. П. Милонов. Археологические разведки в г. Радонеже. Историко-археологический сборник, стр. 73.

[29] А. С. Гацисский. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 1886, стр. 38.

[30] ПСРЛ, т. VI, стр. 139.

[31] ПСРЛ, т. IV, стр. 71.

А. А. Мансуров, обобщая свои наблюдения над археологическим материалом Старой Рязани дотатарского периода, пришел к выводу о том, что земледелие являлось всеобщим занятием городских жителей (имеются в виду ремесленники), и отмечал: «... массу же населения составляли мелкие ремесленники, очевидно, не порвавшие связи с земледелием. Черты натурального хозяйства прослежены по ряду признаков и, в частности, по недостаточно еще дифференцированным ремеслам. В одном хозяйстве мы часто наблюдали по нескольку производств»[32].

Это — данные первой половины XIII в., но нет оснований полагать, что по крайней мере в первый период после татарского нашествия произошли изменения в сторону ликвидации земледелия и скотоводства в городе. Описывая Кашин XIV—XV вв. на основании археологических исследований, Э. А. Рикман пишет: «Кашинские посадские люди не порвали связи с сельским хозяйством. Огороды, а на окраинах поля, представляли характерную черту городского ландшафта»[33]. Раскопки в Суздале дали ряд остатков сельскохозяйственных орудий в городе — серпы, косы и проч., которые вряд ли можно рассматривать только как изделия для сбыта в сельскую округу[34].

В непосредственной связи с этим находится вопрос о распространении наемного труда среди ремесленников в городах. У нас имеются лишь отрывочные данные о существовании найма ремесленников в городах. Так, в 1482 г. «владыка Ростовский Вассиан дал сто рублев мастером иконником Дионисию да попу Тимофею, да Ярцу, да Коне писати Денсусы в новую церковь святую богородицу; иже и написаша чудно велми, и с праздники и с пророки»[35]. Текст не оставляет сомнений: мастера были наняты. Сооружение храмов всегда было сопряжено с большими затратами, и эти последние шли, вероятно, не только на закупку материалов, но и на наем мастеров. Так было и в Ростове, когда епископ Григорий «не пощадев именья своего» для

---

[32] А. А. Мансуров. Древнерусские жилища (по материалам археологических раскопок в Старой Рязани). «Исторические записки», т. 12, 1949, стр. 93.

[33] Э. А. Рикман. Топография Кашина в XIV—XV вв. КСИИМК, вып. XXX. М., 1949, стр. 68.

[34] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 94.

[35] ПСРЛ, т. VI, стр. 224.

восстановления разрушенного в 1408 г. соборного храма[36], так было и во всех иных случаях. В 1345 г. иконописцы во главе с Гойтаном «подписаша в монастыре церковь святого Спаса велением и казною великой княгини Анастасии Семеновны Ивановича»[37], — т. е. на средства ее; в 1346 г. мастер Бориско слил в Москве пять колоколов, а летописец упоминает по этому случаю имена Семена Ивановича и братьев его Ивана и Андрея[38], следовательно, отливка колоколов осуществлялась на их средства, и, вероятно, у Бориса были нанятые рабочие-ремесленники, помогавшие ему в работе. Можно привести много других сообщений о строительстве храмов, когда в качестве строителей упоминаются князья, митрополиты и другие феодалы, иногда гости, — речь идет о финансировании строительства, в том числе и о найме мастеров.

Однако феодалы практиковали не только наем, но и покупку холопов-строителей. Когда начали создавать Успенский собор в Москве, то «сотвори же митрополит тягиню велику, со всех попов и монастырей собирати серебро на церковное здание силно, якоже собра много серебра, нача разрушати церковь, и вскоре до земли разрушиша...»[39] и т. д. Умирая, митрополит Филипп приказал В. Г. Ховрину и его сыну Ивану Голове продолжать работу по строительству и отдал в числе других распоряжение «и о людех, их же искупил бе на то дело церковное, приказывал отпустити их по животе своем»[40]. Ясно, что собранные деньги частично пошли и на покупку холопов для строительства.

Городское строительство должно было вести к оживлению ремесла и способствовать отрыву в известной степени ремесленников от земледелия. С другой стороны, ведение строительных работ большого масштаба было под силу лишь княжеской власти, располагавшей достаточными материальными возможностями и среди них — денежными средствами, и лишь в крупных городах, где можно было рассчитывать на достаточное количество рабочей силы, что и дает нам основания судить о степени экономического развития городов по дошедшим до нас данным о ходе городского строительства.

---

[36] ПСРЛ, т. VI, стр. 194.
[37] ПСРЛ, т. I, стр. 539.
[38] ПСРЛ, т. X, стр. 217.
[39] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 95.
[40] ПСРЛ, т. XXV, стр. 300.

Но наличие найма на строительных и других работах в городах XIV—XV вв. еще не дает оснований для вывода о большом развитии товарно-денежных отношений и тем более не может расцениваться как начало развития буржуазных отношений. Наем в спорадической форме встречается на сравнительно ранних ступенях развития общественных отношений, однако лишь при определенных исторических условиях он становится основой развивающихся буржуазных связей. Наем в городах XIV—XV вв. носил отнюдь не постоянный характер, а продажа своей рабочей силы не могла стать основным источником существования для городского ремесленника. Городской наем XIV—XV вв. есть лишь побочная форма феодальной эксплуатации, но отнюдь не ведущая сила, организующая новые общественные отношения.

В связи с оценкой степени развития товарного производства встает вопрос об организациях городских ремесленников. В своем исследовании Б. А. Рыбаков мобилизовал все известные материалы, в подавляющем большинстве своем носящие характер косвенных свидетельств, для того, чтобы доказать наличие цеховой организации ремесленников в русском городе XIV—XV вв. Однако, подводя итоги своих разысканий, Б. А. Рыбаков пришел к выводу о том, что «прямых указаний источников на существование в русских городах XIV—XV вв. ремесленных корпораций с оформленными уставами в нашем распоряжении нет», но что «общая обстановка развития городского ремесла (степень дифференциации, техническая оснащенность, участие ремесленников в городском самоуправлении, ожесточенная классовая борьба) позволяет сопоставить наиболее крупные русские города XIV—XV вв. с городами Западной Европы, для которых на этом этапе характерно развитие ремесленных корпораций». Эти заключения автора построены на материале Новгорода и Пскова. Материалов по городам Северо-Восточной Руси нет. Упоминания относительно «дружин» иконописцев в городах не могут быть расценены как свидетельство в пользу цехового строя — Б. А. Рыбаков специально отмечает, что «артель наемных мастеров, даже возглавленная старейшиной, еще не является цехом»[41]. Если иметь в виду, что цеховой строй, как это отмечено классиками марксизма-ленинизма, являет-

[41] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 775—776, 730.

ся порождением всей структуры феодального строя, то следует прийти к выводу, что какие-то элементы цеховой организации должны были иметь место всюду, где господствовал феодализм. Поэтому вполне возможно предположить наличие этих элементов и в русских городах. Однако, как это хорошо показано в работе В. В. Стоклицкой-Терешкович, специально посвященной проблеме многообразия цеха на Западе и в России, самая форма цеховой организации в разных странах была весьма различной. В. В. Стоклицкая-Терешкович указывает: «Цех — общераспространенное явление в Европе в XI—XV веках и повсюду обладает рядом общих черт. Но наряду с общими чертами, свойственными цехам, имеются и черты глубокого различия в организации, компетенции и функциях цехов... Неправильно представлять себе цеховую организацию всех стран, городов и отраслей промышленности по типу немецкой цеховой организации, наиболее исследованной и известной». Этот важный вывод исследователя справедливо требует отказа от стремления «подогнать» все средневековые города под «образец» немецких городов, и обязательно разыскивать в России такие же цеха, как и в средневековых городах Германии. Для развития форм организации городского ремесла «огромное значение... имеет характер государственной власти и структуры, в особенности степень государственной централизации. В централизованных государствах автономия цеха, как общее правило, уже, чем в децентрализованных»[42]. Известно, что на Руси XIV—XV вв. происходил интенсивный процесс централизации власти, что не могло не сказаться на судьбе цехового строя в городах. По-видимому, в России XIV—XV вв. в конкретно-исторической обстановке напряженной борьбы с татаро-монгольскими захватчиками и непрерывного усиления централизующейся великокняжеской власти, не создались условия для существования цехов в их развитых и законченных формах.

Развитие городского ремесла в XIV—XV вв. еще не привело к массовому превращению городских ремесленников в мелких товаропроизводителей. Товарное производство в городах продолжало обслуживать феодализм, оно не могло еще создать основы для образования национальных

[42] В. В. Стоклицкая-Терешкович. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и в России. Сборник «Средние века», вып. 3. М., 1951, стр. 102.

рыночных связей. Городское ремесло было необходимым дополнением феодального хозяйства, ведшегося на натуральной основе.

Развитие ремесленного производства в городах, подчиненных усиливающейся княжеской власти, способствовало укреплению ее материальных средств, необходимых для борьбы с сепаратизмом крупных феодалов. В свою очередь городское население, заинтересованное в создании наиболее благоприятных условий для ремесленного производства и обеспечения развивающихся торговых связей, поддерживало сильную княжескую власть.

При этом необходимо иметь в виду, что характеристика уровня развития ремесленного производства в городах XIV—XV вв. не может быть одинаковой для всех северо-восточных городов и для всего изучаемого периода. Процессы социально-экономического развития протекали в разных темпах и масштабах в различных городах. Москва, судя по имеющимся данным, в XV в. уже выделялась передовым характером ремесленного производства из всех северо-восточных городов. С другой стороны, в большинстве городов, по-видимому, еще в незначительной степени происходил процесс превращения ремесла в мелкое товарное производство. Да и в Москве этот процесс приобрел решающее значение лишь в XVII в., но все же Москва уже в XV в. стала наиболее развитым центром городского ремесла в Северо-Восточной Руси.

2. ГОРОДСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Сосредоточение в городах торговли, как и ремесленного производства, является одним из главных отличительных признаков города в феодальную эпоху.

Известно, что в буржуазной науке существовало мнение о решающей роли торговли в возникновении и развитии городов. Эти взгляды были подвергнуты обоснованной критике в советской литературе. М. Н. Тихомиров писал, что «торговля не вызвала города к жизни, как это думал В. О. Ключевский, но она создала условия для выделения из них наиболее крупных и богатых»[1], и отметил, что «если возвышение Москвы нельзя объяснить только ее гео-

[1] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 83.

графическим положением, выгодным для торговли, то в равной степени это положение нельзя и игнорировать»[2]. Это следует сказать и в отношении всех других городов Северо-Восточной Руси. Выше было указано на значительный рост тех городов, которые оказывались на важнейших торговых путях.

Города Северо-Восточной Руси были не только центрами крупной торговли, своеобразными перевалочными пунктами на больших торговых дорогах русского средневековья[3]. В городах развивалась местная торговля, городские торги были местом сбыта продукции городских ремесленников, торговых предприятий крупных боярских и монастырских хозяйств и проч. Городской торг представлял собой подлинный центр общественной жизни, занимая центральное положение на городском посаде. Можно думать, например, что известное восстание в Твери в 1327 г. началось именно на городском торге в тот момент, когда он уже «снимался», судя по рассказам летописи[4]. На городском торге, в центре общественной жизни города, производились наказания. Об этом свидетельствуют, например, сказание о Дракуле воеводе (вторая половина XV в.), летописный рассказ под 1462 г. о наказании великим князем Василием Васильевичем участников заговора, направленного на освобождение из Углича князя Василия Ярославича: «...и повеле князь велики имать их ... казнити, бити и мучити, и кони волочити по всему граду и по всем торгам, а последи повеле им главы отсещи»[5].

О том, что продавалось и покупалось на городских торгах XIV—XV вв., сведений в источниках немного. Обращают на себя внимание летописные сообщения о торговле в городах хлебом. Эти известия появляются обычно тогда, когда наступал голод и цены на хлеб быстро поднимались. Летописец отмечал именно «дороговъ». Следовательно, торговля хлебом происходила на городских рынках постоянно, не только в голодные годы. В 1309 г. «мыш поела рожь, пшеницу, овес, ячмень всяко жито, и того ради бысть дороговъ велика и меженина зла и глад

[2] М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 90.
[3] Общую характеристику торговли XIV—XV вв. см. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XIV—XV вв.». М., 1953, стр. 104—115.
[4] ПСРЛ, т. XV, стр. 416.
[5] ПСРЛ, т. X, стр. 177.

крепок по всей Русской земле, и кони и всяк скот помре»[6]. В 1412 г. «меженина бысть в Новгороде Нижнем: купили половник ржи по сороку алтын и по 400 старыми деньгами»[7]. Зимой 1423 г. «поча быти глад велик, и бысть три лета, люди людей ели, и собачину ели по всей Русьской земле, а на Москве оков жита по рублю, а на Костроме по два рубля, а в Новгороде и Нижнем по двесте алтын»[8]. В Кашине в те же годы «по полтине купили оков ржи»[9]. В 1442 г. в Твери «оков ржи по 16 алтын, а оков овса по 6 алтын»[10]. В 1443 г. снова был голод и цены поднялись еще выше: «в Твери оков ржи по 20 по 6 алтын, а оков овса по 10 алтын, а козлець сена по 12 алтын»[11]. В 1467 г. в Твери «быв оков хмелю по рублю»[12]. Характерно, что во всех этих сообщениях названы цены крупных мер хлеба, овса и т. п. Следовательно, речь идет об оптовых закупках, которые, вероятно, производились крупными хозяйствами — княжеских, боярских, духовных феодалов, — ибо только они и могли платить большие для того времени деньги за крупные партии хлеба. Например, в XV в. покупал хлеб для себя Троице-Сергиев монастырь, о чем мы узнаем из жалованной грамоты тверского князя Михаила Борисовича, освобождающего монастырские суда от мыта по пути за хлебом и на обратном пути с хлебом[13]. Понятно происхождение этих записей в летописи, отражающей интересы господствующих классов феодальной Руси. Но хлеб, вероятно, покупался и небольшими мерами — городское население удовлетворяло свой спрос на хлеб, особенно в голодные годы, не только за счет своего земледельческого хозяйства, но и на рынке. Сказанное целиком относится и к фуражу. Вывоз хлеба и фуража на городские рынки, как правило, вряд ли был связан с перевозкой их на большое расстояние, поскольку города обычно развивались в районах земледельческих. Но в отдельных случаях хлеб привозили издалека, как, например, это имело место в отношении снабжения Новгорода хлебом из Северо-Восточной Руси.

[6] ПСРЛ, т. X, стр. 353.
[7] ПСРЛ, т. XV, стр. 486.
[8] ПСРЛ, т. VI, стр. 142.
[9] ПСРЛ, т. XV, стр. 488.
[10] Там же, стр. 491—492.
[11] Там же, стр. 492.
[12] Там же, стр. 497.
[13] АСЭИ, т. I, № 294—297.

На городских торгах сбывались также продукты промыслового хозяйства. Большую торговлю вели в городах монастыри. Разрабатывая соляные залежи, они продавали соль по городам и другим торгам. При этом монастыри пользовались большими привилегиями со стороны великокняжеской власти. Например, в 1447—1455 гг. великий князь Василий Васильевич выдал грамоту Троице-Сергиеву монастырю: «Что их варницы в Нерехте, и кто от тех варниц поедет соловар соли продавати, летом дважды навозком выше и вверх по Волге или на Варок по урены купити, а в зиме двожды на пятидесят возах, во всю мою вотчину великое княженье по всем городам, и им ненадобе ни мыт, ни тамга, ни восминичее, ни костки, ни иные никоторые пошлины, опричь церковных пошлин»[14]. Собственное великокняжеское хозяйство также занималось продажей соли. В грамоте Василия Васильевича тому же монастырю на соляные варницы в Солигаличе 1449 г. говорится: «Коли мои великого князя соловарове учнут соль продавати, а монастырским приказникам соль продавати не заповедывати»[15]. Очевидно, всем остальным солепромышленникам продажа соли запрещалась, «заповедывалась», когда этим делом занималось хозяйство великого князя, в целях поднятия своих доходов. Новая грамота 1454 г. тому же монастырю указывала: «А коли закличет мои соловар продавать мою соль, а монастырскому соловару волно соль продавати и тогды, а мои ему соловар не возбраняет... А коли привезет монастырьской их заказник продавати соль в город, ино ему не надобна моя тамга, ни восминичья, ни иная никоторая пошлина, а дрова монастырскому соловару волно купити у моих людей»[16].

Монастыри торговали также рыбой. По грамоте великого князя Василия Васильевича 1432—1443 гг., данной им Троице-Сергиеву монастырю на право рыбной ловли в Ростовском озере, «люди монастырские кде учнут торговати в моих городах или в волостях, купят ли что, продадут ли, ино им ненадобе ни мыт, ни тамга, ни иные никоторые пошлины, ни явленое им ненадобе»[17]. Такое же пожалование сделал великий князь Иван Васильевич в

[14] АСЭИ, т. I, № 202.
[15] Там же, № 225.
[16] Там же, № 245.
[17] Там же, № 98.

1473—1489 гг. Нижегородскому Благовещенскому монастырю: «А коли с чем пошлют на низ на судне или вверх с каким товаром ни буди, или на возах, или что купят себе в Новгороде Нижнем или на Суре, ино им с того товару монастырского ненадобе ни мыт, ни костки...»[18]. Очевидно, Благовещенский монастырь покупал в Нижнем Новгороде какие-то потребные для себя товары. В 1465 г. великий князь Иван Васильевич освободил от уплаты пошлин «во всех моих городах и волостях» суда монастыря, ходившие на Белоозеро «с товаром по соль и по рыбу с торговлею»[19], такие же льготы в том же году были предоставлены монастырю и тверским князем Михаилом Борисовичем[20].

Характерно то, что, хотя мы знаем случаи, когда сами монастыри становились местами большого торга и под их стенами возникали большие ярмарки, все-таки монастыри шли торговать в города. Центром торговли были города, а не монастыри, и в города устремлялись все торговые дороги. Поэтому совсем не случайно появление в городах монастырских дворов. Монастырские дворы, прикрытые иммунитетными грамотами князей, существовали во многих городах: в Москве, Владимире, Дмитрове, Нерехте, Ростове, Соли Галичской, Переяславле-Залесском, Угличе (Троице-Сергиева монастыря), Вологде, Белоозере (Кирилло-Белозерского монастыря)[21], — но эти сведения, конечно, далеко не полные. Вероятно, были монастырские дворы и в Нижнем Новгороде, и в Костроме, и в Твери, известие о которых по нашим источникам падает только на конец XV и XVI в. «Лучший хозяин средневековья», каким был монастырь, тянулся поближе к городскому торгу. После половины XIV в., когда начинается монастырская колонизация окраинных, не освоенных феодалами районов страны, крупные монастыри продолжают сохранять прочную связь с городскими рынками. Об этом говорит наличие монастырских дворов в городах. Создание этих дворов преследовало не только военно-

---

[18] АЮБ, т. I, № 32.
[19] ААЭ, т. I, № 77.
[20] Там же, № 78.
[21] Полный список всех данных о монастырских дворах и городах приведен у П. П. Смирнова в его работе «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.», т. I. М.—Л., 1947, стр. 32—41.

оборонительные цели, как убежища за городскими стенами на случай нападения внешнего врага, но прежде всего цель организации торговых операций монастыря в городе. Это подтверждается тем, что, во-первых, монастырские дворы основывались часто именно на посадах — в центре торгово-ремесленной жизни города[22], а во-вторых, тем, что содержание жалованных грамот князей на эти дворы также ясно указывает на торговый характер деятельности монастырского двора в городе, поскольку в число льгот входит всегда освобождение от торговых пошлин и в них содержатся прямые указания на торговлю жителей монастырских дворов и даже монастырских крестьян в городе. В жалованной грамоте князя Юрия Димитриевича Савино-Сторожевскому монастырю имеется выражение: «... а которой хрестьянин монастырской продаст в торгу или в селе...»[23]. Слово «торг» здесь явно обозначает городской торг, так как противопоставляется селу.

Активное участие в городской торговле принимали и другие крупные феодалы, как например митрополичий дом, великие и удельные князья. В уставной грамоте великого князя Василия Димитриевича и митрополита Киприана 1389 (1404?) г. содержалось такое условие относительно митрополичьих людей во Владимире: «А митрополичим людям церковным тамги не давати, как было и при Алексее митрополите, кто продаст свое домашнее, тот тамги не дает, а который имет прикупом которым торговати, тот тамгу даст»[24]. Следовательно, митрополичьи люди вели торговлю не только продуктами своего хозяйства, но и «прикупом», занимаясь перепродажей товаров, как и городские купцы. Характерно, что в этом случае княжеская власть сохраняла взимание доходной для себя тамги. Это подтверждает общее наблюдение, что льготы для торговли феодальных хозяйств вообще распространялись лишь на продажу продуктов своего хозяйства.

В докончаниях великих князей московских с рязанскими содержится условие о том, что с «князей великих люды

[22] Например, в Кашине — ААЭ, т. I, № 70, во Владимире — АСЭИ, т. I, № 115. Торговое назначение монастырских построек в городах подтверждается и свидетельствами позднего времени. Так, например, в Коломне XVI в. храмы внутригородских монастырей имели громадные подвальные хранилища для товаров. См. О. П. Булич. Коломна. М., 1928, стр. 21.

[23] АИ, т. I, № 16.

[24] ААЭ, т. I, № 9.

пошлины нет». Упоминание о «лодьях» великих князей непосредственно связано с предшествующими фразами о порядке сбора мыта, поэтому нет никаких сомнений, что речь тут идет именно о торговле, а не о чем-нибудь другом (договоры 1402, 1447 гг. и др.)[25]. Судя по тому, что наличие монастырских дворов в городах было связано с торговой деятельностью, можно думать, что великокняжеские дворы на посадах преследовали эту же цель. Упоминания о них неоднократно встречаются в грамотах. Так, во второй духовной грамоте великого князя Василия Димитриевича 1417 г. упоминается «двор в городе, што был за Михаилом за Вяжем, да новой двор за городом у святого Володимира»[26]. Новый двор появился именно за городом, на посаде, — эта подробность характерна для XV в. с его растущими денежными и торговыми операциями феодалов. Князь галицкий Юрий Димитриевич в своей духовной грамоте 1433 г. также оставлял своим сыновьям «двор свой да сад за городом на посаде»[27]. В духовной грамоте великой княгини Софьи Витовтовны 1451 г. говорится о том, что у нее имеется место «на Подоле», а место дворовое «Фоминьское Ивановича», упоминавшееся выше, Софья Витовтовна променяла тоже на двор на Подоле, кроме того, внуку своему, князю Юрию, она отдала «Елизаровский двор за городом», «на великом посаде Моравьевский двор и с садом»[28]. Эти примеры можно умножить. Наличие на городских посадах дворов крупных феодалов подтверждает, что они также были участниками городской торговли.

Значительно меньший удельный вес во внутренней торговле должны были занимать продукты ремесленного производства, так как большинство ремесленников работало тогда на заказ, а не на рынок. Характерно, что в одной из грамот князя Михаила Андреевича, данной в 1435—1447 гг. Кирилло-Белозерскому монастырю, где разрешается монастырю свободная торговля рыбой, специально предупреждается: «...и наместница мои Белозерские и их тиуны и все горожане о том им не бранят»[29]. Таким образом, горожане могли быть недовольны конкуренцией монастыря в рыбном промысле, что еще раз указывает на

[25] ДДГ, стр. 55, 145 и др.
[26] Там же, стр. 58.
[27] Там же, стр. 74.
[28] Там же, стр. 177.
[29] РИБ, т. 2, № 24.

большое значение земледельческого и промыслового хозяйства для горожан XIV—XV вв.

Большую трудность представляет собой изучение торговых связей внутри русских земель в XIV—XV вв. Как и в более раннее время, эти связи возникали, главным образом, на основе различия естественногеографических условий.

Наиболее отчетливо прослеживается по источникам торговля между Новгородской землей и Северо-Восточной Русью. Известно, что тверские князья в первой половине XIV в., а потом и московские, идя по стопам ростовских князей раннего времени, неоднократно пытались использовать затруднительное положение Новгорода, постоянно нуждавшегося в подвозе хлеба из Ростово-Суздальской земли, для подчинения его своей власти или хотя бы для получения денежной контрибуции с торгового города. Сколько-нибудь устойчивых торговых связей между городами Северо-Восточной Руси установить не удается, и это, конечно, не случайно.

Более ясны данные о внешнеторговых связях русских городов. Монголо-татарское нашествие и иго серьезно подорвали внешнеторговые связи северо-восточных русских земель. Главное значение во внешней торговле приобрел теперь путь по Волге в Орду и через нее — в страны Востока. Торговые связи с Ордой были в XIV—XV вв. оживленными. Когда Тохтамыш шел в 1382 г. в поход на Русь, он позаботился прежде всего о том, чтобы в Болгарах «торговци Руськие избити и гости грабити, а суды их с товаром отоимати и попровадити к себе на перевоз... не дающе вести перед себе, да не услышино будеть на Руськой земле устремление его»[30]. Еще в первой половине XIV в. имеются указания на торговые связи с Ордой. В 1319 г., когда Михаил Ярославич Тверской был убит в Орде, там нашлись «гости, знаеми ему»[31]. На недружелюбную встречу ордынских купцов в русских городах жаловался Едигей в письме к великому князю Василию Димитриевичу[32].

Приводившиеся выше сообщения летописи о грабеже Нижнего Новгорода и других городов ушкуйниками показывает, сколь оживленной была торговля по волжскому пути. Порой она приводила к страшным бедствиям, как это

[30] ПСРЛ, т. VI, стр. 98.
[31] ПСРЛ, т. VII, стр. 197.
[32] ПСРЛ, т. IV, стр. 110.

было в середине 60-х гг. XIV в., когда по Руси распространилась эпидемия, «мор». Путь его, прослеживаемый по летописным известиям, характерен: мор распространялся как раз по торговым дорогам[33]. Сначала он возник «на Низу», потом в 1364 г. появился в Нижнем Новгороде, оттуда в том же году дошел до Костромы и Ярославля. Зимой или к весне мор пришел в Переяславль. На следующий год он достиг Ростова (если верить несколько сбивчивой хронологии летописей). Другая ветвь эпидемии шла от Нижнего Новгорода вверх по Оке и захватила Коломну[34]. Москва осталась тогда в стороне от эпидемии.

В условиях сильно затрудненных торговых связей с Западом волжская торговля приобрела большое значение для Руси XIV—XV вв., а сама Волга стала главной внешнеторговой дорогой. Через Орду русские купцы проникали в далекую Среднюю Азию, а знаменитый Афанасий Никитин во второй половине XV в. добрался до Индии.

О значении волжского торгового пути для Московского княжества красноречиво говорят энергичные выступления московских князей против действий новгородских ушкуйников. Великий князь Димитрий Иванович не раз вступал в конфликт с Новгородом, предъявляя ему обвинение: «За что есте ходили на Волгу и гостей моих пограбили много?»[35]. В торговле по Волге принимали непосредственное участие такие крупные феодалы, как митрополичий дом[36]. На Восток вывозились меха, кожи, мед, воск, оттуда в русские земли поступали ткани, предметы роскоши, пригоняли табуны коней на продажу.

Торговля с Востоком велась не только русскими купцами, но и часто приезжавшими на Русь торговцами из восточных стран. Имена некоторых из них, как например, Резеп-Хози и Абипа, сохранились в источниках, а о многих купцах из восточных стран содержатся различные изве-

---

[33] На это обратил внимание С. И. Архангельский, указавший по поводу мора 1364 г., что «летописцу была ясна связь низовьев Волги с междуречьем, поддерживаемая людским общением». С. И. Архангельский. Волжский водный путь и Нижегородский край в XIII—XV вв. Нижегородский краеведческий сборник, вып. 2. Нижний Новгород, 1929, стр. 130.

[34] ТЛ, стр. 380.

[35] ПСРЛ, т. IV, стр. 66. Также в 1386 г.— ПСРЛ, т. XXIII, стр. 156.

[36] См. послание митрополита Ионы казанскому «царю» Ахмету АИ, т. I, № 67.

ствия в летописях. Эти известия относятся к Москве, Твери, Нижнему Новгороду[37]. Кроме того, с каждым татарским посольством на Русь обычно являлись ордынские купцы.

В XIV в. стало развиваться новое направление внешней торговли — с Судаком и Константинополем. С этим направлением внешней торговли связано появление купцов-«сурожан». К числу «сурожан» относили не только русских купцов, но также византийских выходцев и итальянцев. М. В. Левченко отметил, что именно «наличие среди московских купцов видных византийцев и итальянцев из Крыма, привлекаемых в Москву постоянным ростом этого феодального центра, помогает нам объяснить появление термина «сурожаны»[38]. Через Крым русские купцы проникали в Константинополь. Развитие связей с Сурожем вызывало недовольство в Орде. В 1357 г. «на Москву приходил посол силен из Орды Ирынчеи на Сурожане»[39]. По мнению М. Н. Тихомирова, «торговля с Сурожем и Константинополем получила особенное развитие во второй половине XIV столетия. В это время она была, можно сказать, определяющей торговое значение Москвы»[40]. Московские купцы везли на юг меха, воск, мед, привозили оттуда ткани, оружие, вина, бумагу. К сожалению, не представляется возможным для XIV в. — первой половины XV в. установить участие купцов из других северо-восточных русских городов в торговле с югом, хотя несомненно, что, например, Некомат Сурожанин имел какие-то связи с Тверью. Но Некомат был, по всей вероятности, византийцем по происхождению.

Что касается торговых связей Северо-Восточной Руси с Западом, то источники содержат наибольшие указания на этот счет в отношении Москвы и городов Тверского княжества. Договоры между литовскими и тверскими князьями обусловили приезд тверских купцов в Витебск, Смоленск, Вязьму, Дорогобуж, Киев, а литовских — в Тверь, Кашин, Старицу, Зубцов[41].

В 1379 г. по приказу великого князя Димитрия Дон-

---

[37] ПСРЛ, т. X, стр. 194 и др.

[38] М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 525.

[39] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. 1, стр. 65.

[40] М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 95.

[41] ДДГ, стр. 63.

ского большое войско во главе с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и другими ходило в поход на литовские владения, взяло Трубчевск и Стародуб и «придоша в домы своя с многыми гостьми»[42]. Враждебная Москве позиция Литвы затрудняла развитие торговли центральных русских земель с западнорусскими городами, и удачный поход московских войск сразу дал возможность проехать многим западнорусским купцам в Москву.

В источниках имеются и другие сведения о торговле литовских купцов в Москве[43]. В Литву ездили торговать также слуги митрополичьего дома[44].

Основная торговая дорога на Запад шла через Волок Ламский и далее через Смоленск. По сведениям А. Контарини, в Москву приезжали купцы из Польши и Германии для закупки мехов. М. Н. Тихомиров считает, что второй по значению группой московских купцов после сурожан были суконники, составлявшие корпорацию торговцев со странами Запада.

Таким образом, значение северо-восточных русских городов как центров внутренней и внешней торговли выступает в источниках с полной определенностью.

Наряду с торговлей в городах развивалось и ростовщичество. Некоторые указания в источниках свидетельствуют о его распространении в XIV—XV вв. Еще в известии о восстаниях против татар в 1262 г., происходивших в северо-восточных городах, говорится о том, что в Ростове «мнозии люди убогие в ростех работаху»[45]. Это явилось одной из причин народного выступления против ростовщиков, откупавших сбор татарской дани. Ростовщиками в городах чаще всего, очевидно, были купцы, располагавшие значительными денежными средствами. В докончальной грамоте между великим князем Василием Васильевичем и галицким князем Юрием Дмитриевичем 1433 г. содержится интересное упоминание о том, что Юрий Дмитриевич «занял у гостей и у суконников шестьсот рублев», причем эти деньги пошли на уплату долга великого князя Резеп-Хози и Абипу, по-видимому, ордынским купцам, и Василий Васильевич принял на себя обязательство рассчитаться по долгу Юрия Дмитриевича гостям и сукон-

[42] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 129.
[43] Например, под 1414 г.— ПСРЛ, т. XI, стр. 224.
[44] АИ, т. I, № 79.
[45] ПСРЛ, т. XXV, стр. 144.

никам[46]. Даже великий князь в XV в. был вынужден обращаться за деньгами к купцам, тем более искали денег у купечества удельные князья и бояре, свидетельства чему мы находим во многих духовных грамотах с перечислением иногда многочисленных долгов, оставляемых наследникам. Правда, в этих грамотах, как и в договоре 1433 г., нет прямых указаний на то, что упоминаемые в них займы были связаны с ростовщичеством. Но нельзя отрицать самый факт распространения в русских городах ростовщичества, неизбежно порождавшегося общественно-экономическими условиями того времени. Потребность в деньгах в XV в. возрастала, а в экономике страны по-прежнему господствовало натуральное хозяйство. «Ростовщический капитал тем сильнее развивается в стране, чем больше производство в массе своей остается натуральным»[47], — писал К. Маркс.

Являясь средоточием торговли и ростовщичества, русские города XIV—XV вв. выступали центрами растущего денежного обращения в стране. С середины XIV в. началась чеканка монеты в Москве, а в начале XV в. монеты чеканились уже во многих городах — Москве, Серпухове, Боровске, Верее, Можайске, Коломне, Дмитрове, Галиче, Ростове, Ярославле, Новом торге, Суздале, Нижнем Новгороде, Твери, Кашине, Городке, Микулине[48].

Необходимо поставить теперь вопрос о том, какую роль играли торговля, ростовщичество, денежное обращение, центрами которых были города, в общем ходе общественного и экономического развития русских земель XIV—XV вв. и в связи с этим оценить роль городов в указанном процессе.

В советской литературе получила распространение концепция, согласно которой развитие торговых связей и денежного обращения в XIV—XV вв. было началом формирования «всероссийского рынка» и буржуазных связей.

Основателями этой концепции нужно считать С. В. Бахрушина и К. В. Базилевича, которые исходили из того, что «всероссийский рынок» сложился уже в XVII в., а возникновение «предпосылок всероссийского рынка» относили к XVI в. Сам процесс образования общенациональных связей рисо-

---

[46] ДДГ, стр. 77.
[47] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1953, стр. 624.
[48] См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 680.

вался им как уходящий в глубь веков и уже отчетливо проявившийся в XV в. К. В. Базилевич, выступая в 1946 г. в дискуссии по поводу образования Русского централизованного государства писал: «В. И. Ленин указывает, что в XVII в. с образованием «всероссийского рынка» это слияние фактически завершилось. Но если оно завершилось под влиянием усиливавшегося экономического общения между областями, то вполне понятно, что это же условие действовало и на начальной стадии процесса»[49]. Таким образом, неправильно понимая ясное указание В. И. Ленина о XVII в. как *начале* нового периода русской истории, характеризовавшегося складыванием буржуазных связей и образованием всероссийского рынка, К. В. Базилевич рассматривал XVII в. как *завершение* названных процессов. На этом основании он проводил полную параллель явлений социально-экономического развития в эпоху складывания централизованных государств на Западе Европы и в России, отметив, что конкретно-исторические условия России могли наложить лишь «местный отпечаток» и что «эти местные особенности не настолько значительны, чтобы изменить характер изучаемого процесса»[50]. Так же понимал процесс образования всероссийского рынка С. В. Бахрушин, который считал, что «отмеченному В. И. Лениным слиянию земель, областей и княжеств «в одно целое», происшедшему примерно в XVII в., должен был предшествовать длительный процесс преодоления хозяйственной замкнутости, поэтому корни всероссийского рынка следует искать в предшествующей XVII веку эпохе»[51]. С. В. Бахрушин возражал лишь против поисков этих «корней» в XIV—XV в., относя их к ближайшему перед XVII в. времени. Что касается предшествующего складыванию всероссийского рынка времени, то оно рассматривалось им как абсолютное господство натурального хозяйства при отсутствии товарно-денежных отношений.

Эту же концепцию разделял в целом и Б. Д. Греков. Не случайно в первых изданиях его «Киевской Руси» для

---

[49] К. В. Базилевич. К вопросу об исторических условиях образования Русского централизованного государства (по поводу статьи П. П. Смирнова). «Вопросы истории», 1946, № 7, стр. 28.

[50] Там же.

[51] С. В. Бахрушин. Предпосылки всероссийского рынка в XVI веке. В кн. «Научные труды», т. 1. М., 1952, стр. 25.

городов вообще не нашлось места, а в первом издании «Крестьян на Руси» Б. Д. Греков начинал с XV в. новый этап в истории России, который, по его мнению, характеризовался «появлением товарного хозяйства и превращением его в капиталистическое»[52]. В новом, посмертном издании этой монографии тезис о появлении товарного хозяйства и превращении его в капиталистическое заменен тезисом о значении проблемы товарного хозяйства, но сущность концепции Б. Д. Грекова от этого, конечно, не изменилась.

Таким образом, названная концепция выросла из представления о том, что товарно-денежные отношения появились лишь в XV в. и что само их появление было уже началом капиталистических отношений[53]. Но совершенно ясно, что товарно-денежные отношения существовали значительно раньше и что их наличие нельзя рассматривать как начало капиталистического развития.

Кроме того, допущена была явная ошибка в понимании положения В. И. Ленина о всероссийском рынке. В. И. Ленин не писал, что всероссийский рынок сложился в XVII в. Он лишь относил «примерно к XVII веку» начало того «нового периода русской истории», который характеризовался «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием

---

[52] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 552.

[53] В последнее время наметился некоторый отход от этой концепции. Так, в «Очерках истории СССР. Период феодализма. XIV—XV вв.» (М., 1953) сказано, что «ускоренное потребностями борьбы с внешними врагами образование централизованного государства в России произошло раньше, чем в ней сложились буржуазные отношения», и что «в России в период создания централизованного государства экономическая раздробленность еще не была полностью преодолена, русская народность еще не оформилась в нацию, процесс политической централизации был более быстрым, опережая появление буржуазных отношений» (стр. 19). Но и при этих оговорках авторы «Очерков» исходят из того, что в период образования централизованного государства (т. е. в XIV—XV вв., по периодизации «Очерков») процесс преодоления экономической раздробленности уже происходил, хотя и не завершился. Этим авторы противоречат своему же положению о том, что в указанный период буржуазные отношения еще не сложились. Между тем только развитие буржуазных связей может привести к преодолению экономической раздробленности. Торговля между различными феодальными областями и странами еще не является обязательным показателем разрушения их экономической обособленности.

небольших местных рынков в один всероссийский рынок»[54]. Это — целый период русской истории, вовсе не заканчивающийся XVII в., а лишь начинающийся «примерно с XVII века». В той же самой работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин еще раз возвращался к вопросу о «всероссийском рынке». Полемизируя с народниками, отрицавшими прогрессивность капиталистического развития для России, В. И. Ленин писал: «Вот если вы станете сравнивать эту *действительную* деревню с нашим капитализмом, — вы поймете тогда, почему социал-демократы считают прогрессивной работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок»[55]. Это высказывание не оставляет сомнений в том, что В. И. Ленин образование «всероссийского рынка» относил вовсе не к XVII в., а к тому времени, когда писалась его работа, — к 90-м гг. XIX в. Поэтому анализ развития экономических отношений в XV—XVI вв. под углом складывания «предпосылок всероссийского рынка» теоретически неверен.

В. И. Ленин государство «эпохи московского царства», т. е. Русское централизованное государство, рассматривал как основывающееся на «местных союзах», подчеркивал, что «о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»[56]. Таким образом, В. И. Ленин характеризовал «Московское царство» как лишенное подлинного внутреннего единства, а усиление обмена между областями и концентрирование небольших местных рынков в один всероссийский рынок относил лишь ко времени «нового периода русской истории», т. е. примерно с XVII в.

Указания В. И. Ленина требуют весьма осторожного подхода к оценке характера экономических связей на Руси XIV—XV вв. Следует особенно подчеркнуть, что самый факт существования более или менее развитой торговли

---

[54] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137.
[55] Там же, стр. 218.
[56] Там же, стр. 137.

в XIV—XV вв. еще не может служить свидетельством роста внутреннего рынка.

Внутренний рынок появляется и растет вместе с ростом товарного хозяйства и общественного разделения труда[57], в то время как «денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самой разнообразной организации, сферы, которые по своей внутренней структуре все еще направлены главным образом на производство потребительной стоимости»[58]. В данном случае «именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю»[59].

К. Маркс указывал, что «торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости. Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на место старого, — это зависит не от торговли, а от характера самого способа производства»[60]. Следовательно, для оценки степени развития внутреннего рынка и тенденций к экономическому единству надо исходить прежде всего из анализа развития производства, а не из установления самого факта наличия торговых связей. В литературе встречается иногда внутренне противоречивое мнение, согласно которому на Руси XIV—XV вв. складывались «областные рынки», возникал некоторый «минимум экономических связей», но еще не было буржуазных связей. Но ведь В. И. Ленин более чем полвека назад доказал, что «степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в данной стране» и

---

[57] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 47.

[58] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 340.

[59] Там же.

[60] Там же, стр. 344. Даже по отношению к гораздо более позднему времени К. Маркс отмечал, что «русская торговля... оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства» (там же, стр. 346). В примечании к этому положению К. Маркса Ф. Энгельс заметил: «Это также начинает изменяться с тех пор, как Россия делает судорожные усилия, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на пограничный азиатский рынок» (там же).

что «ставить вопрос о пределах внутреннего рынка отдельно от вопроса о степени развития капитализма (как делают экономисты-народники) неправильно»[61].

Внешние показатели развития торговли не могут служить основанием для выводов о состоянии общественного разделения труда[62].

Прежде всего, не всякая торговля есть проявление деятельности купеческого капитала. Критикуя ошибки «школы Покровского» в оценке характера торговли в России, В. Н. Яковцевский справедливо отметил: «Непосредственные производители — ремесленники и крестьяне занимались торговлей, чтобы приобретать необходимое для восстановления хозяйства или средства существования. Участие в торговле господствующих классов имело целью превращение уже награбленного прибавочного продукта из его натуральной формы в денежную (а потом в предметы роскоши). Для купца же сама торговля является средством наживы, методом грабежа, получения торговой прибыли. Отсюда следует.., что как русских князей XIV—XV вв., торговавших предметами дани, ясака или подати, так и непосредственных производителей — крестьян и ремесленников, торговавших продуктами своего труда, нельзя отнести к представителям купеческого капитала»[63].

Мы видели, что князьям и другим феодалам принадлежало в XIV—XV вв. видное место в торговле, осуществлявшейся в городах. Широкие привилегии, предоставлявшиеся княжеской властью феодалам и их зависимому населению при совершении торговых операций, были льготами, направленными прежде всего на развитие феодального хозяйства, а не товарно-денежных отношений. Поэтому неправы те исследователи, которые видят в увеличении количества жалованных грамот феодалам на промысловые и

---

[61] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 47.

[62] Как на пример неправильного выведения доказательства степени общественного разделения труда по свидетельствам о развитии торговли, можно указать на положение И. У. Будовница, по мнению которого во второй половине XIII в. «общественное разделение труда делало непрерывные успехи, и оно, прежде всего, находило выражение в оживлении торговли». См. И. У. Будовниц. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверской и московской летописи. Труды ОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 81.

[63] В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953, стр. 9—10.

торговые занятия свидетельство роста общественного разделения труда и товарно-рыночных связей[64]. Развитие торговой и промысловой деятельности монастырей и других феодальных хозяйств само по себе отнюдь не означало образования купеческого капитала, а именно это последнее является ведущим фактором в складывании национальных рыночных связей; напомним, что В. И. Ленин прямо указывал на «капиталистов-купцов» как на «руководителей и хозяев» процесса развития товарного обращения между областями и складывания национального рынка.

Естественно, что при изучении роли городов в развитии торговли и рыночных связей нас прежде всего интересует вопрос о купеческом капитале, о формировании купечества как силы, непосредственно связанной по своему происхождению с городом. Не торговля вообще, а именно та торговля, где действует купеческий капитал, и является показателем складывания внутреннего рынка.

Известно, что развитие купеческого капитала прошло две основных стадии: первую, когда торговый капитал был самостоятельным и в основе его развития лежал неэквивалентный обмен, и вторую, когда торговый капитал стал подчиненным по отношению к промышленному капиталу. В свою очередь стадия самостоятельного развития торгового капитала делится на два этапа: в первом из них основной сферой приложения и развития капитала была внешняя торговля, что было обусловлено господством натурального хозяйства, а во втором капитал стал посредником между производителями на внутреннем рынке. Этот этап соответствует разложению феодального способа производства[65].

Само существование купеческого капитала в русских городах XIV—XV вв. не подлежит сомнению. Хорошо известно богатое и экономически сильное купечество Новгородской феодальной республики. Бесспорно существование купечества и в городах Северо-Восточной Руси — достаточно напомнить о московских «сурожанах» и «суконниках», купцах из Твери, Переяславля, Нижнего Новгорода и других городов, свидетельства о которых были уже приведены выше.

---

[64] См., например, Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 212 и сл.

[65] См. В. Н. Яковцевский. Ук. соч., стр. 6—8.

Значительно сложнее обстоит дело с оценкой стадии развития купеческого капитала в северо-восточных русских городах XIV—XV вв., однако, присматриваясь к сообщениям источников, все же можно сделать некоторые наблюдения. Обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что городское купечество XIV—XV вв развивалось в сфере внешней торговли. Далекую транзитную торговлю вели «сурожане» и «суконники»; за литовский рубеж и в Орду ездили тверские купцы; с Ордой, видимо, был связан нижегородец Тарас Петров, выкупавший пленников; на Север, «на Югру и Печору» ходил переяславльский купец, брат монаха Димитрия. Анализируя данные конца XV столетия, В. Е. Сыроечковский пришел к твердому выводу о том, что «московская вывозная торговля лишь отчасти опиралась на местные промыслы и производство... Наиболее ценные товары московского вывоза поступали в Москву с дальних окраин»[66]. Тем меньшей должна быть связь внешней торговли с местным производством в более раннее время. Наконец, сам перечень товаров, вывозившихся из русских земель и привозившихся в них, убедительно говорит о том, что в основе торговых операций купцов XIV—XV вв. был сбыт товаров главным образом промыслового хозяйства и ввоз предметов, потреблявшихся господствующим классом. С другой стороны, в имеющихся источниках нет указаний на то, что купцы XIV—XV вв. выступали посредниками между производителями на внутреннем рынке.

Все это свидетельствует о том, что в России XIV—XV вв. торговый капитал находился еще на первой стадии своего развития, когда основной сферой его приложения была внешняя торговля (при этом торговые операции купцов на Югре и Печоре должны рассматриваться по своему характеру как внешняя торговля, не связанная с местным производством, и приравниваться к колониальным экспедициям западноевропейского купечества). Это — транзитная торговля, являющаяся дополнением господствующего феодального хозяйства и не оказывающая еще сколько-нибудь заметного разрушительного влияния на него, хотя в самом образовании торгового капитала уже таилась тенденция возникновения в будущем новых общественных отношений.

Данный этап развития торгового капитала непосред-

---

[66] В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, стр. 64.

ственно отразился и на социальной природе русского купечества XIV—XV вв. Нам известны более или менее подробные данные об его отдельных представителях. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наиболее богатое купечество приближалось по своему положению к феодальной аристократии и более того — стремилось проникнуть в ее ряды, обзавестись землями и вотчинами — верный признак относительной неразвитости купеческого капитала в эпоху, когда земля была главным средством производства, когда господствовало натуральное хозяйство и когда занятия торговлей были постоянно сопряжены с большим риском[67]. В далеких путешествиях с товаром купцы подвергались немалым опасностям, не раз разорялись и гибли, и не случайно образовались «складничества» и другие объединения купцов для совместного противодействия всем опасностям, встречавшимся в их деятельности.

М. Н. Тихомиров совершенно правильно отметил тенденцию крупного московского купечества XIV—XV вв. к приобретению земельных владений и вступлению в ряды боярской знати. Это хорошо показано им на примере Ермолиных и Ховриных[68].

Крупный московский гость — В. Г. Ермолин именуется в летописи «гость да и боярин великого князя»[69]. Некомат Сурожанин имел вотчины, которые были за предательство отписаны на великого князя[70], о нижегородском госте Тарасе Петрове в «Нижегородском летописце» сказано, что «болши его из гостий не было, откупал он полону множество своею казною всяких чинов людей. И купил он себе вотчину у великого князя за Кудьмою... шесть сел... а как запустел от татар тот уезд, и гость Тарасий съехал к Москве из Нижнего»[71]. Характерно, что его материальное благополучие покоилось не в «гостьбе», а в земельной вотчине. Деньги, вырученные от торговли, Тарас Петров обращает на покупку вотчин и приобретение зависимых людей, которых он выкупал из татарского плена и, возможно,

---

[67] Недаром монах Лаврентий, желая указать на предельную тяжесть своего труда, сравнил себя с купцом, который радуется, «прикуп створше», и кормчим, который «в отишье приста».

[68] См. М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва. М., 1957, стр. 152—156.

[69] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 154.

[70] ДДГ, стр. 27.

[71] А. С. Гациский. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886, стр. 15—16.

обращал в своих холопов или крепостных[72]. На близость Тараса Петрова к боярской аристократии указал еще В. О. Ключевский, писавший на основании местнической грамоты нижегородского князя Димитрия Константиновича о том, что Тарас Петров служил казначеем у нижегородского князя и что брат его Василий Петрович Новосильцев был тоже крупным боярином[73].

О том, что положение крупных гостей-купцов мало чем отличалось в обществе от положения боярской и вообще феодальной аристократии, говорит практика предоставления гостям таких же льготных прав, которые давались и другим крупным феодалам. Об этом свидетельствуют, например, известные жалованные грамоты великого князя московского Димитрия Ивановича, выданные им в 70-х гг. XIV в. новоторжцам Микуле и Евсеевке[74].

В политическом отношении крупные купцы вели себя так, как поступали и крупные бояре, — отъезжали от одного князя к другому, используя старинную привилегию боярства, причем не случайно то обстоятельство, что они нередко оказывались даже противниками централизации власти, выступая в решающие моменты борьбы против московского князя, —достаточно вспомнить того же Некомата или «от гостей Московских», которые участвовали в заговоре против Василия Васильевича во время феодальной войны XV в. Образовывавшиеся в ходе торговли капиталы ввиду господства натурального хозяйства обращались на приобретение земельных владений или в ростовщичество.

Под влиянием М. Н. Покровского В. Е. Сыроечковский в своем исследовании о сурожанах стремился обнаружить в русских купцах XIV—XV вв. черты, которые позволили бы доказать, что они «прежде всего горожане, буржуа, подлинным делом которых была торговля»[75]. Поэтому

[72] О том, что выкуп из плена влек превращение выкупленного в зависимого человека, свидетельствует упоминающееся выше известие о церковном кузнеце, отлившим вериги для митрополита Феогноста. Этот кузнец был выкуплен из плена и находился в зависимости от церкви. При митрополите Филиппе были выкуплены мастера для строительства Успенского собора, ставшие холопами митрополичьей кафедры.

[73] См. В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. М., 1902, стр. 121.

[74] ДАИ, т. I, № 8 и 9. См. также Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. 2, стр. 117—118.

[75] См. В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, стр. 34.

В. Е. Сыроечковский считал, что владение вотчинами и наличие привилегий лишь «придают черты» феодала купцу XIV—XV вв. С пониманием «гостей» XIV—XV вв. как «буржуа» нельзя согласиться. То, что известно нам о крупном купечестве XIV—XV вв., говорит не столько об обособлении его в социальном отношении, сколько о тенденции к слиянию с землевладельческой феодальной аристократией.

М. Н. Тихомиров считает вероятным наличие особых корпоративных прав московского купечества[76]. В. Е. Сыроечковский, наоборот, придерживался мнения о том, что таких прав не существовало[77].

Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

М. Н. Тихомиров считает, что московское купечество объединялось в корпорации «типа западноевропейских гильдий», имевшие свои привилегии. Аргументирует он это положение ссылкой на порядки, существовавшие среди московских суконников XVII в., наблюдениями над договорными грамотами князей XIV в., сопоставлением грамоты 1598 г., данной новгородскому гостю Ивану Соскову, с грамотой, данной Димитрием Донским новоторжцу Микуле, и некоторыми соображениями общего порядка.

Ссылка на порядки XVII в. не может быть принята, потому что она относится к периоду на три столетия позже изучаемого времени. М. Н. Тихомиров говорит о том, что корпорация суконников сложилась гораздо раньше, потому что в 1621 г. суконники просили о выдаче им жалованной грамоты взамен сгоревшей «в московское разорение». Но если это дает основания думать о наличии привилегий в XVI в., то все-таки не может доказать тезиса об оформлении привилегий в XIV в.

М. Н. Тихомиров далее ссылается на договорную грамоту Димитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским 1389 г., в которой говорится: «А гости и суконников и городских людий блюсти ны с одиного, а в службу их не приимати»[78], и делает вывод о том, что речь идет о недопустимости нарушения корпоративных привилегий сурожан и суконников. Но это условие свидетельствует скорее об отсутствии корпоративных гарантий купечества, ибо иначе не было бы нужды гостям искать покровительства у

[76] См. М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва. М., 1957, стр. 156—160.
[77] См. В. Е. Сыроечковский. Ук. соч., стр. 82.
[78] ДДГ, стр. 32.

чужого князя. Возникает, далее, вопрос, почему эта статья появилась только в этой договорной грамоте? В целом договорные условия этой грамоты были подтверждены в следующих договорах с серпуховским князем, но статьи о гостях и суконниках мы там не находим. Перед нами, очевидно, не правило, а исключение, вызванное какими-то особыми обстоятельствами. Эти обстоятельства, как справедливо указал Л. В. Черепнин, объяснялись острой потребностью в деньгах после Тохтамышева разорения и уплаты тяжкой дани 1384 г.[79], вследствие чего князья уговорились не допускать перехода гостей в службу к кому-либо и тем самым противодействовать уклонению их от торговых занятий, приносивших немалый доход князьям в виде пошлин.

Заметим, кстати, это свидетельство имевшей место тогда тенденции гостей к отказу от торговли и переходу в разряд феодальных слуг. Оно указывает еще раз на незрелость социального развития купечества того времени, которое далеко еще не оформилось в особое сословие и легко переходило как в ряды феодальной аристократии, о чем говорилось выше, так и в ряды феодальных слуг.

Вопрос о том, какую именно «службу» имеет в виду грамота 1389 г., по-разному разрешался в литературе. М. А. Дьяконов считал, что речь идет о финансовой службе гостей. Его соображения убедительно опроверг В. Е. Сыроечковский, согласившийся с мнением С. М. Соловьева о том, что под «службой» надо понимать военную службу и что речь идет о запрете принимать купцов и вообще горожан в ряды княжеских дружин[80].

Вслед за В. Е. Сыроечковским следует обратить внимание на то, что в тексте грамоты говорится не только о гостях, но и о горожанах вообще. Ссылка на грамоту 1389 г. во всяком случае не может быть бесспорным доказательством наличия корпоративных привилегий купцов.

Что касается грамоты новоторжцу Микуле с детьми, то она ничего не говорит о корпоративных привилегиях. Если в грамоте новгородцу Ивану Соскову 1598 г. предоставляемые ему привилегии обоснованы пожалованием ему «гостинного имени», то новоторжец Микула как личную

---

[79] См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 44.

[80] См. В. Е. Сыроечковский. Ук. соч., стр. 33.

привилегию получил право быть подсудным самому великому князю.

Ряд льгот был предоставлен в 1398 г. великим князем Василием Димитриевичем двинским купцам, в том числе непосредственная подсудность великому князю и право беспошлинной торговли в пределах великокняжеских владений[81]. Но, по справедливому мнению В. Е. Сыроечковского, «льготы двинскому купечеству были одной из политических мер московского князя для привлечения к себе двинян, и не могут давать оснований для каких-либо выводов относительно аналогичных мер московского правительства по отношению к торговому населению его собственного княжества. Таким образом, у нас нет достаточных оснований говорить о льготах, предоставляемых высшему московскому купечеству в XIV или в XV в.»[82]. Кроме того, «общепризнано в литературе, что право, запечатленное в этом акте, является исконным правом Двинской земли, уходящим в ее прошлое»[83].

М. Н. Тихомиров пишет, что нельзя понять большое влияние на политические события гостей, отвергая существование у них купеческих союзов. Но если самый факт существования купеческих организаций сурожан и суконников несомненен, то вопрос о наличии у них особых привилегий далеко не может быть утвердительно решен по имеющимся данным. Влияние гостей на политические события, насколько можно судить об этом по источникам, иногда развивалось в направлении, даже противоположном интересам великого князя, — напомним о деятельности Некомата Сурожанина, о заговоре московских гостей против Василия Темного и о займе, предоставленном суконниками противникам великого князя. Трудно представить, что в этих условиях великокняжеская власть была заинтересована в предоставлении купеческим объединениям привилегированного правового положения. Скорее можно предположить обратное, поскольку городская верхушка смыкалась с боярской аристократией, поддерживала тысяцких в их борьбе с усилением власти великого князя, поскольку великокняжеская власть должна была вести линию на сужение прав городской верхушки и подчинение ее себе.

---

[81] ААЭ, т. I, № 13.
[82] В. Е. Сыроечковский. Ук. соч., стр. 38.
[83] ГВНиП, стр. 4 (предисловие составителей).

В то же время князья использовали богатое купечество не только в экономических, но и в политических целях. Интересно сообщение о том, как, отправляясь во главе войска на решительное сражение с Мамаем, великий князь Димитрий Иванович в 1380 г. взял «с собою десят мужей сурожан гостей, видения ради; аще ли что бог случит, имут поведати в далных землях, яко сходници суть з земли на землю и знаеми и в Ордах и в Фрязех»[84].

Вероятно, процесс усиления великокняжеской власти в XIV—XV вв. не мог не сказаться отрицательно на судьбах корпоративных прав городского купечества в XIV—XV вв.

Наряду с крупным купечеством источники отмечают также наличие других купцов, средних и мелких. Летописная терминология в отдельных случаях прямо указывает на различные категории купечества, как например, при сообщении о постройке церкви в Торжке в Никоновской летописи говорится о том, что ее осуществили новгородские «гости и прочии купцы» наряду с черными людьми[85]. Выявить конкретную характеристику этих «прочих купцов» чрезвычайно трудно за отсутствием необходимых материалов. Исследуя этот вопрос по отношению к концу XV—началу XVI в., В. Е. Сыроечковский пришел к выводу о том, что можно «установить связь мелких купцов Москвы с ремесленною, зависимою и вольною, средой большого города, из которой черпали кадры мелкого купечества»[86]. Вероятно, что эти наблюдения могут быть распространены и на более раннее время. Но вместе с тем В. Е. Сыроечковский подчеркивал, что «вышедшие из ремесленной среды участники южной торговли торговали товарами, не имевшими отношения к прошлому, а, может быть, и настоящему ремеслу»[87]. Эта характеристика, данная для конца XV в., тем более должна быть верна для предшествующего времени.

Таким образом, торговля, центрами которой были города, несмотря на ее несомненное расширение в XIV—XV вв., сохраняла феодальный характер и являлась дополнением феодального хозяйства. Купеческий капитал находился еще на ранней стадии своего развития и основывался, главным образом, на внешней торговле. Период внедрения

[84] ПСРЛ, т. XI, стр. 56.
[85] Там же, стр. 6.
[86] В. Е. Сыроечковский. Ук. соч., стр. 95.
[87] Там же, стр. 64.

хупеческого капитала во внутренний рынок, приведшего к постепенному разрушению феодального способа производства, еще не наступил, как правильно отметил В. Н. Яковцевский[88].

Княжеская власть активно способствовала развитию торговли. Князья следили за тем, чтобы не сокращался контингент людей, платящих торговые пошлины, и чтобы купцов не останавливали слишком многочисленные мыты. Не случайно летопись отметила как особую заслугу тверского князя Михаила Александровича то, что при нем «корчемники и мытаря и торговые злые тамги истребишася»[89]. В договорных грамотах князей постоянно встречаются обязательства не затруднять торговли «замышлением» новых мытов, «блюсти гостей с одиного», «а у купец повозов не имати, развее ратной вести» и т. п.[90]. Новейший исследователь истории русской экономической мысли А. И. Пашков, оценивая общее содержание экономической политики князей, пришел к выводу о том, что «междукняжеские договоры показывают стремление князей закрепить, упрочить политическую раздробленность страны путем сохранения экономической самостоятельности своих княжеств»[91].

В то же время условие «пусть чист без рубежа» для торговцев А. И. Пашков понимает как отражение «прогрессивной тенденции нарастания экономического единства страны, в своем дальнейшем развитии послужившего основой преодоления политической раздробленности и создания централизованного Русского государства. Эта формула отражала противоречие между растущим рынком и политическим дроблением страны и вместе с тем служила задаче разрешения указанного противоречия на определенном этапе его развития»[92]. А. И. Пашков указывает также, что «политика покровительства торговле, как она получила свое выражение в договорах, диктовалась прежде всего, конечно, фискальными интересами князей. Рост торговли означал рост княжеских доходов»[93]. С этим последним мнением А. И. Пашкова нужно согласиться. Действительно,

---

[88] См. В. Н. Яковцевский. Ук. соч., стр. 8.
[89] ПСРЛ, т. XI, стр. 76; ср. т. XVIII, стр. 144.
[90] ДДГ, стр. 37; СГГиД, № 10 и др.
[91] История русской экономической мысли, т. I, ч. 1. М., 1955, стр. 71.
[92] Там же, стр. 74—75.
[93] Там же, стр. 74.

княжеская власть руководствовалась стремлением увеличить свои доходы от торговли, и поэтому она даже митрополичьему дому не давала льгот в случае торговли «прикупом», запрещала ездить «непошлыми» дорогами, устанавливала наказания за объезд мытов и т. п., свидетельств чему немало в различных грамотах. Потребность князей в деньгах особенно возрастала в силу тяжелой необходимости уплаты больших денежных «выходов» в Орду, и забота князей о поддержании источников своих доходов в XIV—XV вв. очень отчетливо выступает в их политике. Эта забота и была основой договорных условий, направленных на предотвращение излишних стеснений торговле, которые могли бы воспрепятствовать ее развитию.

Но в самом поощрении торговли нельзя видеть отражения нарастания экономического единства страны уже потому, что, как правильно отметил А. И. Пашков, в основе экономической политики князей лежало стремление сохранить экономическую самостоятельность своих княжеств. Поощрение со стороны государственной власти развития торговли не есть явление принципиально новое для XIV—XV вв. в России и вообще совсем не обязательно должно быть связано с нарастанием экономического единства. Такое поощрение существовало и в политике князей более раннего времени, оно хорошо известно в любом не только феодальном, но и рабовладельческом обществе, когда не было еще никаких тенденций к экономическому единству.

Но несомненно и то, что политика облегчения условий торговли, проводившаяся княжеской властью, объективно способствовала подъему торговли, а вместе с ней — развитию купеческого капитала и росту городов. Необходимо лишь учитывать, что в изучаемый период торговля обслуживала феодальное хозяйство, и города, как торговые центры, способствовали еще укреплению, а не разрушению феодального строя, находившегося на Руси в XIV—XV вв. в стадии прогрессивного, восходящего развития.

Столь же осторожно нужно подойти к оценке денежного обращения в XIV—XV вв. и роли городов в этом процессе. Исследователь этого вопроса Г. Б. Федоров установил, что в первой четверти XIV столетия появилась новая денежная система на Руси, так называемый «низовой вес», отличный от новгородского веса, и в письменных источниках стал упоминаться быстро распространявшийся московский термин «рубль». По мнению Г. Б. Федорова, причинами

возникновения новой денежной системы были рост городов, развитие городского ремесла, превращение городского ремесла в одну из основ внешней торговли, когда вывоз продукции городских ремесленников имел своим следствием приток серебра из-за границы и создал материальную основу для чеканки монеты. С другой стороны, борьба за единство Русской земли и независимость от татар должны были вызвать и осуществление московским великим князем важнейшей прерогативы самостоятельного государя — чеканку собственной монеты, что и произошло в Москве в середине XIV в. Г. Б. Федоров пишет, что «потребность в собственной чеканной монете на Руси во второй половине XIV в. была настолько сильна, что почин московского великого князя был сразу же подхвачен экономически наиболее развитыми княжествами — Суздальско-Нижегородским и Рязанским — и привел к серьезным изменениям в денежном деле Тверского великого княжества и Новгорода Великого»[94]. В начале XV в. монеты чеканились уже в 21 городе. «Никогда — пишет Г. Б. Федоров, — ни до, ни после Василия Димитриевича Русь не знала такого количества монетных дворов. Это наглядно показывает величину потребности в монетных единицах, вызванной подъемом русской экономики, развитием ремесла и внутренней торговли. При этом московская монетная система играла главную, а для большинства княжеств и городов — определяющую роль в формировании и развитии их монетных систем»[95].

Однако утверждение Г. Б. Федорова о том, что городское ремесло в XIV—XV вв. стало основой для ведения внешеторговых операций, ничем не доказывается. Есть некоторые данные о том, что продукция городских ремесленников Московской Руси действительно попадала за границу, но они крайне малочисленны. По отношению к концу XV в. они собраны В. Е. Сыроечковским. В отношении XIV в. у нас имеется, кажется, единственное упоминание о сбыте тверских замков в Чехию, откуда и попали в район Твери так наз. «пражские гроши». Между тем, Г. Б. Федоров аргументирует свой принципиальный вывод только этим последним известием, что совершенно не-

---

[94] Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества времени Димитрия Донского (1359—1425 гг.). МИА, № 12. М.—Л., 1949, стр. 162.

[95] Там же, стр. 167.

достаточно. Не только в XIV—XV вв., но и в более позднее время, при более высоком уровне развития городов, основой для развития экспортной торговли были все же продукты промыслового и сельского хозяйства, а не городского ремесла. В. Е. Сыроечковский в своей монографии о гостях-сурожанах конца XV в. показал, что хотя среди гостей было немало людей, вышедших из ремесленной среды, а может быть, и остававшихся по основной профессии ремесленниками, они очень часто торговали отнюдь не продуктами своего ремесленного производства[96].

Города в средние века были центрами денежного обращения, но оно имело своим основанием развитие не только городского ремесла, но и всего феодального хозяйства в стране в целом, в котором преобладающую роль играло, конечно, хозяйство сельское. Г. Б. Федоров искусственно сузил экономическую основу денежного обращения, сводя ее лишь к городскому ремеслу, что противоречит всей структуре феодальной экономики XIV—XV вв.

Второе положение Г. Б. Федорова, нуждающееся в уточнении, — это оценка им развития чеканки монет при Василии Дмитриевиче. Массовая чеканка монеты в 21 пункте есть яркий показатель того, что подъем экономики осуществлялся в рамках феодальной раздробленности, в рамках феодального способа производства. То, что в каждом феодальном центре стали чеканить свою монету, говорит гораздо более об отсутствии сколько-нибудь определившегося экономического единства русских земель, нежели о его наличии.

Торговля и денежное обращение на этом этапе не способствовали разрушению экономической основы феодализма, а дополняли ее, служили в первую очередь интересам обогащения феодалов и княжеской казны. Поэтому торговые связи не могли тогда еще создать условия для преодоления экономической разобщенности страны и возникновения «минимального» ее экономического единства. Потому и города XIV—XV вв. еще не были центрами национальных рыночных связей. Выступая очагами развития торговли, они на этом этапе исторического развития укрепляли феодальный строй общественно-экономических отно-

---

[96] См. В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М., 1935, стр. 89.

шений. Не превращение Москвы и Московского княжества в центр рыночных связей, чего быть не могло при тогдашнем уровне развития, а сосредоточение городов под властью московских князей и значительно более интенсивный рост их в самом Московском княжестве способствовали созданию превосходства в силах великокняжеской власти над ее противниками.

Историческая роль городов Северо-Восточной Руси в экономическом развитии страны в период борьбы за объединение русских земель вокруг Москвы определялась развитием в них ремесленного производства и торговли, укреплявших феодальный строй общественно-экономических отношений. Подъем северо-восточных городов в XIV—XV вв., явившийся закономерным следствием развития земледелия, ремесла и торговли в области экономики и феодализма в области общественных отношений, использовался различными феодальными группировками, которые были заинтересованы в росте городов для укрепления своих материальных средств. И лишь в эпоху зарождения и развития буржуазных отношений города приобрели историческое значение центров возникающих национальных связей и образующегося экономического единства страны. Но в России эта эпоха началась значительно позднее XIV—XV вв., она составила содержание «нового периода русской истории», начавшегося примерно в XVII в.

В этой связи необходимо отметить, что нельзя ставить знак равенства между исторической ролью городов в образовании централизованных государств в России и в Западной Европе. Между тем именно так понимают роль русских городов авторы «Очерков истории СССР XIV—XV вв.». Процитировав известное высказывание Ф. Энгельса о том, что «бюргеры стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и обмена, образования, социальных и политических учреждений»[97], авторы «Очерков» пишут: «Эту роль горожане и прежде всего ремесленники играли и на Руси, где развитие городов было задержано губительными последствиями татарского разорения»[98]. Приведенное утверждение «Очерков»

[97] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. В кн. «Крестьянская война в Германии». М., 1952, стр. 154.

[98] Очерки истории СССР. Период феодализма. XIV—XV вв. М., 1953, стр. 78.

представляет собой, несмотря на сделанные оговорки, явное преувеличение степени развития городов на Руси. Ведь Ф. Энгельс анализировал роль городов в таких исторических условиях, когда «во всей Западной Европе феодальная система находилась... в полном упадке; повсюду в феодальные области вклинивались города с антифеодальными интересами, с собственным правом и с вооруженным бюргерством», когда «даже в деревне... старые феодальные путы стали ослабевать под действием денег»[99]. Но в России в XV в. феодальная система вовсе еще не находилась в упадке, «феодальные путы» не ослабевали, а развивались и укреплялись, а городов с собственным правом и вооруженным бюргерством не было. Механическое перенесение формулы Ф. Энгельса, относящейся к Западной Европе XV в., на Россию того же времени неправильно. Пути развития русских городов совпадали, конечно, с путями развития всех феодальных городов во всех странах, но степень этого развития определялась повсюду местными условиями. Выше было уже отмечено, что монголо-татарское нашествие и иго сильно ухудшили условия развития русских городов и привели их к значительному ослаблению. Особенно пагубные последствия имело разрушение рыночных связей городских ремесленников и отрыв России от мировых торговых путей. По отношению к средневековой Германии Ф. Энгельс отмечал, что «пути мировой торговли отодвигаются в сторону от Германии, и она оказывается втиснутой в какой-то изолированный угол. В результате была подорвана сила бюргеров, а также и реформации»[100]. Тем более была подорвана сила горожан-бюргеров в средневековой России XIV—XV вв., отрезанной от Европы, опустошаемой катастрофическими нашествиями с Востока и находившейся под тяжким игом. В городах XIV—XV вв. еще не сложился класс «капиталистов-купцов»[101], организовывавших концентрацию мелких местных рынков в один всероссийский рынок. Образование Русского централизованного государства происходило в специфических по сравнению со

---

[99] Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 157.

[100] Ф. Энгельс. Заметки о Германии. В кн. «Крестьянская война в Германии». стр. 167.

[101] И. В. Сталин писал о «нарождающемся купеческом классе» в России применительно к времени Петра I. См. И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 105.

странами Западной Европы условиях и совершалось на феодальной основе, при отсутствии капиталистического развития.

3. ГОРОД — ЦЕНТР ФЕОДАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА

Как было отмечено выше, сосредоточение в городах ремесла и торговли, товарного производства и товарного обращения было важнейшей, но не единственной общественно-экономической функцией феодальных городов. Развиваясь в тесной связи с феодальным строем, города являлись также центрами феодальной власти, центрами судебно-административной и военной организации.

Поэтому феодалы были заинтересованы в росте городов не только с точки зрения удовлетворения своих фискальных интересов. Город был нужен феодалам как опорный пункт в системе владений, как организующий центр феодального господства. Эта сторона дела имеет весьма важное значение для объяснения того большого участия, которое принимала княжеская власть в строительстве и развитии городов. Не случайно была широко распространена повинность «городового дела», которую князья налагали на все подвластное население, делая исключение лишь в отношении иммунитетных владений. Характерно и то внимание, с которым летописи отмечали факты строительства городов — оно указывает на большое значение, придававшееся градостроительству княжеской властью. Понятно, почему в «Слове похвальном инока Фомы великому князю Борису Александровичу» так подчеркнуты заслуги тверского князя в строительстве городов. Как говорит инок Фома, князь Борис Александрович не только основывал монастыри, но «и выши того — грады содеяша некия», он «праотеческыя же и отческыя же грады вся повнови»[1]. Так же, как в XV в. Борис Александрович Тверской «обновлял» Кашин и Клин, так в XIV в. муромский князь Юрий Ярославич «обнови град свой отчину Муром, запустевши издавна от первых князей, и постави двор свои в городе»[2]. Можно умножить такие свидетельства.

Внимание княжеской власти к городам не ограничивалось одним строительством городов. Князья были также заинтересованы в том, чтобы привлечь население в город, и в этой связи надо рассматривать не только предоставле-

[1] Инока Фомы слово похвальное.., стр. 20, 27.
[2] ТЛ, стр. 372.

ние временных льгот и «ослаб» приходящим в город людям[3], но и распространение городских укреплений на территорию посадов (например, сооружение в Москве в 1394 г. большого рва, прикрывавшего посад, создание укреплений вокруг посадов тверских городов Кашина, Старицы, Микулина и др.[4]).

Князья вкладывали большие материальные средства в строительство городов. Именно они были наряду с церковью организаторами сложного каменного строительства, игравшего такую большую роль в развитии городов. На эту организующую роль князей и церкви в каменном строительстве справедливо указал Н. Н. Воронин[5].

Такое внимание княжеской власти к городам и ее организующая роль в их развитии уже сами по себе указывают на большое значение городов для феодальной власти.

Черты княжеской усадьбы, центра княжеского хозяйства, в русском городе XIV—XV вв. были прослежены С. В. Бахрушиным еще в 1909 г. в его известной работе, посвященной княжескому хозяйству XV в. С. В. Бахрушин писал тогда о том, что «резиденция князя в XV в., будь то Москва, Переяславль Рязанский, Можайск или Галич, являлась не только политическим центром государства, но и центром обширного княжеского хозяйства, тем, чем в частной вотчине является хозяйский двор, хозяйская усадьба. В духовных грамотах московских князей Москва-усадьба нередко даже заслоняет собой Москву-столицу княжества»[6]. Эти же мысли с незначительными оговорками С. В. Бахрушин, как было отмечено выше, развивал и в поздних своих работах, посвященных общей характеристике городов и вопросу о так называемых «предпосылках формирования «всероссийского рынка» в XVI в.

Само по себе значение городов как феодальных центров было правильно указано С. В. Бахрушиным. Источники дают

---

[3] Подробнее о политике князей в отношении городов см. в гл. III.

[4] ПСРЛ, т. VI, стр. 124; Э. А. Рикман. Обследование городов Тверского княжества. КСИИМК, вып. 41. М., 1941, стр. 79; Н. Н. Воронин. Раскопки в Старице. КСИИМК, вып. XXVIII. М., 1951, стр. 42.

[5] См. Н. Н. Воронин. К характеристике архитектурных памятников Москвы времени Димитрия Донского. МИА, № 12. М., 1949, стр. 235.

[6] С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. В кн. «Научные труды», т. 2. М., 1954, стр. 14.

много свидетельств этому. Весьма показательным является самый факт сосредоточения крупных феодалов в городах.

В Москве жили многие удельные князья, имевшие одну из долей в так называемом «третном» владении Москвой. По своей духовной грамоте великий князь Василий Димитриевич завещал наследникам своим многочисленные дворы и дворовые места в Москве [7], как и его жена — великая княгиня Софья Витовтовна[8]. Хоромы в Москве имела семья князя Владимира Андреевича Серпуховского, и дворовое место их на Подоле переходило по наследству на вотчинном праве [9]. Дворы в Москве имел также князь Юрий Димитриевич Галицкий, передавший их детям[10]. Дмитровский князь Юрий Васильевич тоже имел в XV в. в Москве дворы[11]. В источниках упомянуты княжеские сени и палаты в Твери, подожженные во время восстания 1327 г.[12]. В городах было много боярских дворов. Дворы «княжеские и боярские» сгорели в Ростове в 1408 г.[13]. Мы знаем из текста многих междукняжеских договоров, что бояре (кроме «введенных» и «путников») были обязаны садиться в так наз. «городную осаду» и что это правило распространялось обычно на всех бояр по территориальному признаку[14]. Многие бояре не постоянно жили в городе, но могли иметь свои дворы и дома на вотчинном праве. Если они не пребывали в городе постоянно, находясь в своих вотчинах, то они имели в городах «осадные дворы», где жили их холопы и крепостные.

Немалое место в городе принадлежало духовным феодалам. Митрополичий дом с его «клиросом и с всем житием своим»[15] находился с 1300 г. во Владимире, а с 1326 г. — в Москве. В ряде крупных городов находились центры епархий. Не только городские монастыри, но и многие другие, иногда весьма отдаленные, также имели свои дворы в городах, где жили монастырские люди. Монастыри покупали дворы на тяглой, «черной» земле, и дворы эти ста-

[7] ДДГ, стр. 53.
[8] Там же, стр. 177—178.
[9] Там же, стр. 72.
[10] Там же, стр. 74.
[11] Там же, стр. 334.
[12] ПСРЛ, т. XXV, стр. 168.
[13] ТЛ, стр. 467.
[14] ДДГ, стр. 86, 88, 123 и др.
[15] ТЛ, стр. 349.

новились вотчинной собственностью монастыря — феодальное землевладение клиньями врезывалось в городскую землю. Например, в жалованной грамоте великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю 1432—1443 гг. говорилось: «...пожаловал есмь игумена Зиновья Сергиева монастыря... ослободил есмь ему купити двор в городе в Переяславле тяглой служеи или черной, кто им продаст. А купят себе впрок без выкупа, а вотчичем того двора не выкупить. А ненадобе им с того двора тянути ни с слугами, ни с черными людми, ни к рыболовам, ни к сотцкому, ни к дворскому не тянути некоторыми пошлинами»[16]. Таким образом, монастырский двор сразу прикрывался иммунитетными правами и выключался из системы городского тягла. Монастырские дворы, как уже говорилось, вели в городах хозяйственную деятельность, организуя преимущественно торговые и промысловые операции монастырей в городах. Жители этих дворов — монастырские люди — были вне подсудности великокняжеской администрации, не платили установленных для других пошлин по торговым делам и прочих в соответствии с теми льготами, которые предоставлялись монастырям. Например, в жалованной грамоте нижегородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю 1410—1417 гг. говорилось: «...что люди монастырские пошлые в городе и в селах, коли придет моя дань и игумен за нее заплатить по силе, а опричь того ненадобе им ни мыт, ни тамга, ни побережное, ни костки, ни осмничее, ни становщики, ни езовщики не заплатят ничего»[17].

Отметим также наличие во многих городах различных органов управления дворцово-вотчинным хозяйством князей. Например, упоминается о том, что в Коломне находился Остей, «кормиличичь князя великого»[18]. В Юрьеве находился посельский великого князя Василия Димитриевича[19]. В городских дворах князей жила многочисленная княжеская прислуга, дворцовые ремесленники разных специальностей и проч.

Помимо дворов и дворовых мест, принадлежавших различным представителям светских и духовных феодалов, в городах имелись целые слободы, также находившиеся в

[16] АСЭИ, т. I, № 105.
[17] ААЭ, т. I, № 17.
[18] ПСРЛ, т. XI, стр. 126.
[19] ПСЭИ, № 8.

вотчинном владении феодалов и получившие позднее название «белых». Некоторые из этих слобод нам известны по источникам. Например, в жалованной грамоте тверского великого князя Бориса Александровича Сретенскому женскому монастырю в Кашине 1437—1461 гг. говорится об освобождении от великокняжеского тягла и суда монастырских «сирот», которые живут на монастырских землях «или в городе слободка Ерусалимьская»[20], принадлежавшей, следовательно, этому монастырю. В жалованной грамоте тверских князей тверскому Отрочу монастырю (1361 г.) говорится: «А к тому кого еще людий перезовет архимандрит из зарубежья во отчину нашю, на землю Святое Богородици, или кого в городе посадит во Тфери и в Кашине, а тем по тому же не емлют на них ничего же»[21] — указание на монастырские слободки в этих городах. Вероятно, в большинстве городов были княжеские слободы.

П. П. Смирнов справедливо писал о том, что «княжеский город XIV—XV вв., как кружево, был изрезан иммунитетами своеземцев-вотчинников, владевших в нем дворами, улицами, слободами и т. п.»[22]. Некоторые владения феодалов в городах «тянули» к сельским вотчинным и дворцовым центрам. Например, великий князь Василий Васильевич завещал своим наследникам «село Бабынево у города у Коломны... з дворы з городскими, что к нему потягло», в Переяславле «село Рюминское з дворы з городскими», «село Доброе и з дворы з городскими, которые дворы тянули к путнику» и т. п.[23].

Большой удельный вес феодального землевладения составляет характерную и важную черту средневековых городов XIV—XV вв. Однако нельзя не видеть того, что, кроме феодального землевладения в городах, в особенности на посадах и слободах, являвшихся составной частью города, существовали «черные» земли. Лишь путем искусственного исключения посада из понятия «город» П. П. Смирнов обосновывал тезис о «вотчинном» характере городов XIV—XV вв. Кроме того, мы не можем быть уверены, что внутри самого «княжеского города», укрепления, кремля, вся территория находилась в вотчинном владении.

[20] ААЭ, т. I, № 36.
[21] Микулинская летопись. М., 1854, стр. 6.
[22] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I. М., 1947, стр. 23.
[23] ДДГ, стр. 196.

Значение города как центра княжеского хозяйства было особенностью феодальных городов но не может рассматриваться как основная и определяющая их черта. Являясь средоточием товарного производства и обмена и включая в состав своего населения «черных людей» на посадах, слобода-город по своей социально-экономической структуре отличался от феодальной вотчины. С юридической стороны, несмотря на отсутствие особого правового положения горожан, город также не может быть отождествлен с вотчиной, хотя источники и называют города «отчиной» того или иного князя

Если присмотреться к свидетельствам источников о владении городами, то нетрудно заметить, что оно понималось и осуществлялось как владение правом сбора и использования *доходов с городов*, сочетавшееся с исполнением судебно-административных функций. В источниках встречаются упоминания о передаче города тому или иному князю «со всем», в том числе и «с хлебы земленые и стоячие»[24]. Князь серпуховский и боровский Владимир Андреевич по своей духовной грамоте 1401—1402 гг. дал сыновьям Семену и Ярославу Городец на Волге «оприсно мыта и тамги, а мыт и тамгу дал есмь жоне своей княгине Олене на старой пошлине, как было перед сего. А город и станы детям моим наполы, и со всеми пошлинами»[25]. Неслучайным является тот факт, что в духовных завещаниях князей после того, как передавались наследникам «в вотчину и в удел» определенные города, в тексте особо оговаривалась передача вотчинных владений в этих же городах — дворов, дворовых мест, слободок и проч. являвшихся настоящими вотчинами. Особо указывалась та сумма доходов с городов, которая должна пойти в уплату ордынского «выхода». Наконец, о том, что города далеко не являлись вотчинными владениями князей, говорит и широко распространенная практика так называемого «смесного владения» городами. Так, Ростов в середине XIV в. оказался разделенным на две части, одна из которых, Борисоглебская, досталась князю Константину Всеволодовичу, а другая, Сретенская, — его брату Федору Всеволодовичу[26]. Это разделение города было устойчивым, во владение московских

[24] ПСРЛ, т. XI, стр. 204.
[25] ДДГ, стр. 47.
[26] См. Д. Корсаков. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 166.

князей город тоже переходил по частям[27]. Город Ржев (Ржава Володимерова) также находился в «смесном» владении[28]. Эти примеры можно было бы умножить, но достаточно ограничиться указанием на совместное владение Москвой и его характер, хорошо изученные М. Н. Тихомировым. «Третное» владение Москвой вовсе не носило «вотчинного» характера. «Трети» представляли собой лишь части судебных и других доходов, шедших в пользу князей, причем уже во второй половине XIV в. определенно установилось безусловное первенство великого князя во всех судебных делах, а затем, в ходе централизации Русского государства, «третное» владение окончательно ликвидировалось. Но и существуя в XIV в. (первые свидетельства о его установлении находим в духовной грамоте Ивана Даниловича Калиты), оно никак не могло быть следствием «вотчинного» владения частями городов, ибо не было сопряжено с территориальным делением города на части, а очень часто носило форму погодного владения[29].

В смысле передачи доходов с городов следует понимать и сообщения источников о пожаловании городами «в вотчину», как например, был пожалован Волок «со всею» князю Федору Святославовичу, выехавшему из Литвы на службу к великому князю Семену Ивановичу, или ряд городов, пожалованных Василием Дмитриевичем Светригайлу в 1408 г. «со всеми волостьми, и с пошлинами, и с селы, и с хлебы»[30], и другие аналогичные свидетельства.

Сказанное выше не означает, конечно, что не могло существовать вотчинных городов в подлинном смысле слова. Речь идет о том, что нельзя вообще все города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. рассматривать как вотчинные. Нам известны города, являвшиеся собственностью отдельных феодалов. Таков Алексин, находившийся до его обмена на Карашскую волость во владении митрополичьего

---

[27] См. М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 104.

[28] См. В. С. Борзаковский. История Тверского княжества. СПб., 1876, стр. 60.

[29] См. М. Н. Тихомиров. Московские третники, тысяцкие и наместники (Из истории феодальной раздробленности XIV—XV вв.). Известия АН СССР, сер. истории и философии, т. 3, № 4, стр. 310 и сл.

[30] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 155.

дома; духовным феодалам принадлежали Гороховец, Клин; известны также такие владельческие города, как Федосьин городок, Тушков, Вышгород и другие, которые А. В. Арциховский справедливо отнес к феодальным замкам. Вероятно, таков был Кличен в Тверском княжестве и многие другие, упоминающиеся в источниках под термином «город». Но в отношении названных населенных пунктов мы не располагаем сейчас твердыми данными о развитии в них ремесла и торговли. Предполагать наличие товарного производства и товарного обращения в вотчинных городах мы вправе, поскольку товарно-денежные отношения, по крайней мере в XV в., определенно отмечены в феодальных хозяйствах. Однако отсутствие данных заставляет воздержаться от попыток представить социально-экономический характер вотчинных городов XIV—XV вв.

Во всяком случае все сколько-нибудь развитые города Северо-Восточной Руси, несмотря на значительный удельный вес в них феодального землевладения, не могут быть отнесены к категории вотчинных городов. Но все эти города имели большое значение в системе феодальных владений, и это значение не ограничивалось сосредоточением в городах центров княжеского, дворцового и иных видов феодального хозяйства.

Выше было отмечено, что сооружение городских укреплений организовалось феодалами. Эти укрепления имели своим назначением не только оборону от внешних врагов, но и от антифеодальных выступлений.

Как свидетельствуют археологические данные и некоторые другие источники, размер территории, охватывающейся укреплениями, был обычно очень невелик. Такова небольшая территория древнего московского Кремля, Звенигорода[31], Верей[32] и других городов. Вал древнего Городца имел протяженность в 2200—2300 шагов[33]. Укрепления Опок охватывали территорию 150 × 80 сажен[34]. Укреп-

---

[31] См. Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде. МИА, № 12. М.-Л., 1949.

[32] См. Л. А. Голубева. Раскопки в Верейском кремле. МИА, № 12. М.-Л., 1949, стр. 136.

[33] См. Д. Днепровский. Древний вал и крестовые сосны в с. Городце. Действия Нижегородской ученой архивной комиссии, т. XVIII, вып. IV. Н. Новгород, 1914, стр. 2.

[34] См. Н. Е. Макаренко. Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги. Известия императорской Археологической комиссии, вып. 6. СПб., 1904, стр. 60.

ления Кашина прикрывали территорию на небольшом мысу, образуемом петлей р. Кашинки[35]. Вал в Микулине тянулся на 280 сажен[36], в Дмитрове — на 520 сажен, Волоколамске — 490 сажен, Рузе — 468 сажен, Верее — 470 сажен[37].

Незначительный размер площади, охватываемой укреплениями, говорит о том, что они предназначались в первую очередь для защиты княжеской резиденции. Об этом говорит и расположение городских укреплений. Например, при раскопках в Звенигороде Б. А. Рыбаковым было установлено наличие внутри городских укреплений массивной прочной ограды, более солидной, чем заборолы на валу. Б. А. Рыбаков склоняется к выводу о том, что эти мощные внутренние укрепления были возведены вокруг княжеского дворцового комплекса[38].

Так обстояло дело и в древнем Владимире, где, по наблюдениям Н. Н. Воронина, укрепления Андрея Боголюбского «опоясывают в первую очередь западный княжеский участок города, в эту же часть вводят главные ворота — Золотые». После городских восстаний 1175, 1177 и 1186 гг., когда было разгромлено оппозиционное старое боярство, княжеская резиденция была перенесена в другое место, в так наз. «средний город», «но и здесь княжеский участок укрепляется: княжеский и епископский дворы ограждаются стеной детинца. Детинец занимает юго-западный угол среднего города». Для предотвращения новых выступлений горожан княжеская власть во Владимире предприняла ту же меру, что и в Киеве после городского восстания 1068 г.: перенос торга с клязьминского «подола» на «княжескую гору» среднего города, осуществленный Всеволодом Большое Гнездо[39].

Создание мощных городских укреплений было неразрывно связано с укреплением политического могущества

---

[35] См. Э. А. Рикман. Топография Кашина в XIV—XV вв. КСОИМК, вып. 41. М., 1951, стр. 66.

[36] См. В. С. Борзаковский. История Тверского княжества. СПб., 1876, стр. 27.

[37] См. Х. А. Чеботарев. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787, стр. 203—327.

[38] См. Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде, стр. 133.

[39] См. Н. Н. Воронин. Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и «чертеж» 1715 г. «Советская археология», т. VIII, 1946, стр. 167—168.

феодалов. Отчетливо видно это в словах Рогожского летописца под 1367 г.: «Того же лета на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою великую силу, князь Русьскыи начаша приводити в свою волю, а который почал не повиноватися их воле, на тех начали посягати злобою». Каменные стены московского Кремля позволили Димитрию Донскому смело вести свою политику борьбы с сепаратистскими стремлениями тверских и других князей, что и вызвало раздраженную реакцию тверского автора.

К укрепленному городу — центру феодальных владений — «тянула» определенная территория. В текстах духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XVI вв. подробно перечисляется состав владений того или иного князя. Формулы, в которые облечено это перечисление, весьма показательны. Показательно и их развитие. Например в духовной грамоте Ивана Даниловича Калиты (ок. 1339 г.) встречаем такой текст: «Се дал есмь сыну своему болшему Семену: Можаеск со всими волостьми, Коломну со всими Коломеньскими волостьми...»[40]. В духовной грамоте Семена Ивановича (1353 г.) формула уже более развернута: «Коломна с волостми и с селы и з бортью, Можаеск с волостми и с селы и з бортью»[41]. В духовной грамоте Ивана Ивановича (ок. 1358 г.) находим дальнейшее развитие формулы: «Можаеск со всеми волостми и с селы, и з бортью, и с тамгою, и со всеми пошлинами... Коломна со всеми волостми, с тамгою, и с мытом, и с селы, и з бортью, с оброчники, и с пошлинами»[42]. В той же грамоте, помимо Можайска и Коломны, такая развернутая формула применена и к Звенигороду, о котором до сих пор упоминалось лишь в порядке общего перечисления названий владений. В духовной грамоте (второй) Димитрия Ивановича (1359 г.) при наименовании Можайска прибавляется еще «и с мыты и с отъездными волостьми», развернутая формула применена к Дмитрову, введено подробное перечисление волостей каждого города[43]. В последующих грамотах XIV—XV вв. мы видим как к наименованию все большего количества городов применяется формула «со всеми волостьми и с селы, и с тамгою и с мыты» и проч.

Как распространение этой формулы на все большее ко-

[40] ДДГ, стр. 9.
[41] Там же, стр. 13.
[42] Там же, стр. 15.
[43] Там же, стр. 34.

личество городов, так и обогащение ее содержания путем включения в нее все новых элементов нельзя считать случайным. В этом нашли свое отражение определенные процессы, протекавшие в изучаемое время. Поэтому в Москве внимательно следили за правильностью формул в текстах договоров. Л. В. Черепниным впервые опубликовано значительное количество черновых вариантов духовных и договорных грамот. Сличая их с беловыми текстами, мы находим там ряд интересных изменений. Так например, текст докончания великого князя Ивана Васильевича с князем угличким Андреем Васильевичем подвергался правке, туда было включено «пожалование» великого князя Калуги «с волостьми» и т. д.[44]. В первоначальном тексте стояло: «...что яз, князь велики, тобя пожаловал Колугою с волостьми, и с селы, и с путьми...»[45]. При вторичной правке его вместо слова «Калуга» было поставлено «Можайск» и соответственно изменена формула: слова «и с путьми» были зачеркнуты[46]. До 1473 г. слова «и с путьми» по отношению к Можайску встречались в грамотах — в последний раз в духовной грамоте великого князя Василия Васильевича 1451—1452 гг.[47] Но в 70-х и последующих годах этих слов нет: в докончании Ивана Васильевича с Андреем Васильевичем от 2 февраля 1481 г. говорится: «Можайском с волостьми и с селы»[48], в новом докончании от 30 ноября 1486 г. употребляется опять эта же формула[49]. И лишь в духовной грамоте Ивана Васильевича 1504 г. мы встречаем «город Можаеск с волостьми, и с путми и з селы, и со всеми пошлинами»[50]. Изъятие упоминания о «путях» в течение определенного периода вполне объяснимо: «путь» есть определенный хозяйственный комплекс в системе дворцового великокняжеского хозяйства, который не мог быть передан удельному князю вместе с городом. В 1493 г. Андрей Васильевич был лишен своих прав за участие в группировке, направленной против великого князя, и города, в том числе и Можайск, вернулись в непосредственное владение великого князя Ивана Васильевича.

[44] См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. I. М.-Л., 1948, стр. 170.
[45] ДДГ, стр. 242.
[46] Там же, стр. 248.
[47] Там же, стр. 194.
[48] Там же, стр. 252.
[49] Там же, стр. 324.
[50] Там же, стр. 356.

который передал Можайск старшему сыну Василию Ивановичу, естественно, с «путьми».

Этот пример говорит о том, что состав формулы при упоминании городов в грамотах является отнюдь не случайным, а позволяет уточнить отдельные стороны значения того или иного города как феодального центра.

Упоминания о волостях, селах, путях, тамгах, мытах, пошлинах рисуют перед нами город, являющийся центральным звеном в системе феодальных владений, к которому «тянет» определенная территория. В совокупности эта территория образует городской уезд, не являвшийся, однако, целостным в территориально-географическом и административном отношениях.

Великокняжеские или княжеские волости не обязательно лежали сплошным массивом вокруг городов. Они были разбросаны на значительное расстояние. Грамоты упоминают об «отъездных местах», например по отношению к тому же Можайску в 30—40-х гг. XV в.[51]. Далее, вокруг городов и среди волостей, «тянущих» к городу вообще, находилось много владений монастырей и крупных феодалов, прикрытых иммунитетами.

Однако по отношению к таким иммунитетным владениям город не переставал быть судебно-административным центром. Передача феодальному владельцу судебно-административных прав не всегда была полной и окончательной. По мере сокращения и ограничения иммунитетных прав феодалов в процессе централизации государственной власти значение городов как судебно-административных центров окружающей их территории все более возрастало. Об этом говорит и широко распространенная практика «смесных судов» в городах между княжескими и монастырскими людьми, равно как и зависимыми от прочих феодалов, с обязательным участием княжеского наместника и с принадлежностью окончательного решения самому великому князю.

Территория, которая «тянула» к городу, складывалась исторически, и границы ее были довольно устойчивыми. В докончании великого князя Василия Васильевича с тверским князем Борисом Александровичем 1439 г., в статье о рубежах, говорится: «А рубеж Твери и Кашину, как было при моем прадуре, великом князе Михаиле Яро-

[51] ДДГ, стр. 82.

славиче... что потягло ко Тфери и к Кашину»[52]. В докончании великого князя Димитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем сказано: «А которые суды издавна потягли к городу, те и нынеча к городу»[53]. При передаче городов во владение по духовным или договорным грамотам обязательно передавалась и территория уезда. Например, уславливаясь о независимости Кашина от Твери в 1375 г. Димитрий Иванович писал в докончальной грамоте тверскому князю: «А в Кашин ти ся не вступати, и что потягло к Кашину, ведает то вотчич князь Василей»[54]. Положение города как судебно-административного центра сохранялось и в том случае, если какое-либо владение в уезде выходило из рук того князя, которому принадлежал город. Например, в докончании великого князя Василия Васильевича с Димитрием Юрьевичем в 1441—1442 гг. говорится о том, что Звенигород «с волостьми, и с путьми, и с селы, и с мыты, и со всеми пошлинами и со всем, что к нему потягло», который Василий Васильевич отобрал в свою пользу у кн. Василия Юрьевича, входит во владения великого князя «опричь того села, што есми взял у Семена у Аминова пасынка в Тростно в своем имяни». Относительно этого села в грамоте Василия Васильевича Димитрию Юрьевичу говорится так: «...и то село твое со всем, а судом и данью тянет к Звенигороду по старине»[55]. Следовательно, село перешло к другому владельцу, но в судебно-административном отношении оно продолжает подчиняться звенигородским наместникам великого князя.

Аналогичная практика наблюдается по докончанию великого князя Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем 1451—1456 гг. В этой грамоте упоминается о «Ершовском селе», «што есмь променял княгине княже Андрееве Ивановича и их сыну князю Димитрию, а то село Ершовское судом и данью по тому, как был за мною, за великим князем, Звенигород»[56]. И здесь Звенигород сохраняет свое значение административно-судебного центра по отношению к владениям другого князя.

---

[52] ДДГ, стр. 107.
[53] Там же, стр. 32.
[54] Там же, стр. 26.
[55] Там же, стр. 108.
[56] Там же, стр. 180.

Можно думать, что здесь мы имеем дело с определенной централизаторской политикой московских князей, стремящихся сохранить в своих руках административно-судебное управление.

Однако в источниках встречаем указание на то, что княжеские села не всегда «тянули» к городам. В данной грамоте княгини Марии, жены нижегородского князя Даниила Борисовича, 1425 г. Спасо-Евфимьеву монастырю на село Омуцкое говорится о том, что «то село Омуцкое к городу не тягивало ничем, никакими пошлинами и душегубством[57]

Многочисленные упоминания о «мытах», «тамгах» и всяких иных «городских пошлинах» не только свидетельствуют о развитии торгово-рыночных отношений и месте городов в этом развитии, но и указывают также на использование феодальным государством городов в своих фискальных интересах

Город является главным центром взимания всякого рода пошлин и оброков. Правда, термин «городские пошлины» охватывает не только те пошлины, которые взимались в самом городе, но и те, которые собирались от него на значительное расстояние. Но они тем не менее «тянули» к городу. Известен, например, Воинический мыт на р. Сходне у с. Спас близ Москвы, который «по старине» тянул к Волоку Ламскому, находившемуся почти в 100 километрах[58]. По преимуществу взимание пошлин сосредоточивалось в городах. Об этом свидетельствуют многочисленные упоминания источников. Когда великие князья освобождали от пошлин монастырскую торговлю, то они в грамотах прямо указывали на освобождение от пошлин «во всех моих городах»[59], «по всем городам»[60]. Если пошлины собирались вне стен города, в волостях, то все равно сбор их организовывался княжескими наместниками и пошлины поступали в город, почему грамоты и говорят все время о «пошлинах к городу», «городских оброках» и проч.[61]. «Даньщики» посылались «по городам»[62]. Когда в Орде судили тверского князя Михаила Ярославича, ему

[57] АИ, т. I, № 39.
[58] ДДГ, стр. 236, 250.
[59] АСЭИ, т. I, № 318.
[60] ДДГ, стр. 145 и др.
[61] Там же, стр. 10, 15 и др.
[62] Там же, стр. 12.

предъявили обвинение в том, что он «много дани поимал еси на городах наших»[60]. Центральное положение феодального города во взимании пошлин и оброков и, следовательно, в организации доходов великокняжеской власти видно очень отчетливо, и в этом — специфическая черта феодального города.

Таким образом, феодальный город XIV—XV вв. предстает перед нами как важнейший элемент в системе феодального строя. Организация властвования осуществлялась прежде всего через города, являвшиеся центрами определенных территорий. Города были в этом смысле оплотом господствующего класса феодалов и имели очень важное значение для развития феодального государственного аппарата. Это относится как к области внутренней функции феодальной государственной власти, так и ко внешней. Города были средоточием военной организации класса феодалов. Бояре и княжеские слуги, жившие в своих вотчинных владениях, обязаны были в случае нападения извне садиться в «городскую осаду», а в случае наступательных действий князя — собираться под его стяги в городе. Л. В. Черепниным прослежены те изменения в системе военной организации, которые были внесены Димитрием Донским, но не удержались при его преемнике. При Димитрии Донском бояре должны были выступать в поход по территориальному признаку, т. е. с тем князем, на территории которого расположены их владения, вне зависимости от того, какому князю служат они. До Донского и после него действовал другой принцип: князья «блюдут» чужих бояр в своих владениях, но в случае войны боярин выступает под стягом своего князя[61]. Что касается «городской» осады, то она строилась всегда по территориальному принципу. В договорных грамотах середины XV в. мы находим ясные указания относительно города как центра феодальной военной организации. В докончании Юрия Димитриевича, захватившего великое княжение в 1434 г., с князьями можайским и верейским говорится: «А хто имет жити у меня в великом княжении наших бояр и слуг, и мне их также блюсти, как и своих. А хто которому князю служит, где бы ни жил, и поехати ему с тем князем, которому служит. А городная осада, где хто живет, тут тому и сести, опроче

[60] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 110.

[61] См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.-Л., 1948, стр. 48.

путных бояр»[65]. Исключение делается лишь для «путных» бояр, занимающих высшее положение на иерархической лестнице, которые не садятся в «городную осаду» по территориальному признаку. Те же принципы содержатся и в докончании великого князя Василия Васильевича с Димитрием Шемякой и Димитрием Юрьевичем в том же 1431 г.: «А осада городная, где хто живет, тут тот и сяде, опроче бояр введенных и путников. А где будет ити нашим ратем и где хто живет в вашей очине, хто кому служит, тот идет своим осподарем. А где пошлю своего воеводу которого города, а которые люди того города вам служат, и тем людям ити под вашим воеводою, а вашему воеводе ити с моим воеводою. А хто служит мне, великому князю, а живет в вашей очине, и где пошлем своих воевод, и тем людем ити под моим воеводою, а вашим воеводам ити с моими воеводами. А хто служит мне великому князю, а живут в вашей очине, и вам тех людей блюсти, как и своих»[66]. Города были сборными пунктами ополчений, куда являлись «бояре со своими войсками».

На город как центр военной организации неоднократно указывают и летописи, когда говорят о «рати с городов», о роспуске рати «по городам» и проч.

Наконец, города были важнейшими центрами политической жизни. В городах находились резиденции органов светской и духовной власти, происходили княжеские съезды, заключались важнейшие политические соглашения, совершались различные государственные и политические акты. В городах хранились княжеские архивы, велось летописание, имевшее в средние века очень важное политическое значение.

Города являлись также средоточиями развития феодальной культуры. Во всех областях общественных и экономических отношений феодальной эпохи городам принадлежала большая роль. Города были органическим звеном феодальной системы, несмотря на то, что их социально-экономическая структура таила в себе в зародыше элементы новых общественных отношений. Но степень развития этих элементов зависела от многих конкретно-исторических условий. В течение длительного времени города играли важную роль в развитии и укреплении феодализма, и именно эта роль принадлежала русским городам XIV—XV вв.

[65] ДДГ, стр. 83.
[66] Там же, стр. 88.

Там, где развивались ремесло и торговля и где находился административно-политический центр округи — в средневековом городе, — накапливались большие массы людей.

Обычно в летописях характеристика социального состава городского населения предстает в формуле «бояре и черные люди». Например, в 1293 г. в Твери в момент значительных волнений в связи с угрозой вторжения татарских полчищ «Тферичи целоваша крест, бояре к черным людям, такоже и черные люди к боярам, что стати с единаго, битися с Татары»[1]. В этом сообщении отчетливо видны две противостоящие друг другу общественные группировки, которые для сплочения сил в момент борьбы с внешней опасностью должны скрепить взаимную лояльность высшей клятвой — крестным целованием. В сообщении о восстании 1305 г. в Нижнем Новгороде находим опять те же категории: «черные люди побили бояр»[2]. В том же году (или в 1304) «бысть вече на Костроме на бояр»[3]. Точно так же происходило дело в Торжке в 1340 г., когда «восташа чернь на бояр»[4]. В упоминавшемся выше сообщении о нападении литовского и тверского войска на Торжок в 1372 г. говорится о том, что напавшие «бояр и людей множество полониша, а иных побиша»[5]. Таким образом, в летописях устойчиво держится формула о боярах и черных людях (или просто — людях). Она отражает действительное размежевание двух основных классов в феодальном обществе вообще и в феодальном городе в частности. Классовый состав населения феодального города соответствовал общественной структуре эпохи феодализма.

Иногда эта сжатая формула подвергается некоторому распространению. При описании похорон великого князя Димитрия Ивановича Донского в Москве в 1389 г. летопись сообщает, что в похоронах участвовали «князи и бояре, и велможи, епископи, архимандрити и игумени, и попови, диакони и черноризци, и весь народ от мала до велика»[6]. Перед нами уже довольно подробное перечисление различ-

[1] ТЛ, стр. 346.
[2] ПСРЛ, т. VII, стр. 184.
[3] Там же.
[4] ТЛ, стр. 352.
[5] НПЛ, стр. 353.
[6] ТЛ, стр. 434.

ных групп феодалов, а слово «люди» заменено тождественным в данном случае понятием «народ». Приведем еще одно сообщение. Оно относится к 1471 г. и рассказывает о встрече Ивана Васильевича в Москве после победы над Новгородом в Шелонской битве: «И срете его Филипп митрополит с кресты близ церкви, толико с мосту большего ещед каменного до кладязя площадного со всем освященным собором А народи Московьсти многое их множество, далече за градом стречили его... А они его князь велики Иван и брат его князь Андрей меньшии, и князи его и бояре, и дети боярские, и гости, и купцы лучшие люди стретили его на канун Семеня дня»[7]. Здесь характерно появление «гостей» и «купцов лучших людей» в составе феодальной верхушки города что особенно следует подчеркнуть как отражение того действительного общественного положения, которое занимала верхушка городского купечества в XIV—XV вв. Тот факт, что она здесь упомянута особо, может дать основание судить о том, что к этому времени эта группа стала занимать достаточно видное место в городе В Никоновской летописи под 1367 г. в рассуждении о единстве рода человеческого встречаем в перечне различных групп населения отдельное упоминание о ремесленниках и работных людях («Вси бо люди един род и племя Адамово — цари, и князи и бояре, и велможи и гости, и купцы, и ремесленницы и работнии людие»[8]).

В Твери отмечены под 1339 г также «житейские мужи». Можно предположить, что эта категория населения соответствовала «житьим людям» в Новгороде. Значительную часть городского населения составляла масса ремесленников промысловых людей, земледельцев и мелких торговцев. Они жили и в городских владениях феодалов, и в особенности — на черных землях В 1293 г «слышавше же горожане Переяславци рать татарскую, разбегошася разно люди черные»[9]. Князь Юрий Васильевич, освобождая своей грамотой 25 марта 1457 г двор Симонова монастыря в Дмитрове от разных повинностей отметил чтобы «ни с слугами, ни с черными з городцкими людми не надобе им тянути ни в какие проторы, ни в разметы, ни иная некоторая им пошлина не

---

[7] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 235.
[8] ПСРЛ, т. XI, стр. 8.
[9] ТЛ, стр. 345.

надобе»[10]. Подобное указание на черных городских людей много раз встречается в княжеских жалованных грамотах.

Население черных земель в городах нельзя считать вполне свободным. Оно тянуло к сотникам (сотским), в отличие от сельских черных людей, «тянувших» к становщикам. Сотские в свою очередь были, вероятно, зависимы от назначавшихся княжеской властью тысяцких, а позднее — наместников и воевод. По этой линии княжеская власть осуществляла в своих интересах подчинение и эксплуатацию черного населения. Если его правовое положение отличалось от состояния феодально зависимого населения княжеских и боярских вотчин, то в отношении степени эксплуатации население черных земель в городах оказывалось порой в условиях даже более трудных. В уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана о церковных судах, распорядках и пошлинах в волостях, принадлежащих духовному ведомству 1389 (1404?) г., говорится: «...а что люди митрополичи живут в городе, а тянут ко дворцу, а тех описав, да положить на них оброк, как на моих князя великого дворчан»[11]. Анализируя эту грамоту, а также владимирскую писцовую книгу 1510 г. и писцовую книгу Переяславля-Залесского 1519 г., Л. В. Черепнин пришел к выводу относительно положения городских ремесленников, зависимых от митрополичьей кафедры: «Эти ремесленники находились в более льготных условиях по сравнению с другими посадскими людьми; определенная сумма оброка заменяла для них все другие посадские подати и повинности. Этот вывод, быть может, грешил бы известной долей гипотетичности, если бы не некоторые позднейшие документы, позволяющие подвести под него вполне твердое основание»[12]. Именно потому, что эксплуатация черного населения в городах, осуществлявшаяся в разных формах, давала князьям большие выгоды, княжеская власть принимала меры к недопущению «закладничества» горожан: «А закладнии ны в городе не держати. А с двором человека в городе не купити. А блюсти ны их с одиного»[13].

---

[10] Д. М. Мейчик. Грамоты XIV—XV вв., № 120.
[11] ААЭ, т. I, № 9.
[12] Л. В. Черепнин. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. «Исторические записки», т. 9. М., 1940, стр. 66—67.
[13] ДДГ, стр. 39.

Княжеская власть, по-видимому, не делала особых различий между черным населением, жившим в городах и вне их. Если сельское население, «волостные люди», привлекались к строительству городских укреплений и сооружений, то и городских людей могли использовать на сельских работах, тем более, что и сами горожане XIV—XV в. не были чужды сельскохозяйственных занятий.

Некоторые сведения о круге повинностей городских жителей можно уловить из жалованных грамот. Конечно, на основании перечисления повинностей, от которых освобождалось население феодального владения, нельзя безусловно предполагать, что эти повинности обязательно существовали. Возьмем, однако, жалованные грамоты на городские владения феодалов. В жалованной грамоте князя Юрия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на монастырский двор в Дмитрове, датированной 6 марта 1461 г., нет упоминания об освобождении от обязанности «тянуть» к дворскому, что обычно для грамот на сельские владения, но зато есть указание на освобождение от повинностей к сотскому и десятскому. Видимо, грамота написана с учетом именно городского положения этого владения. Мы читаем: «...и яз их пожаловал, ненадобе им с того двора никоторая мои дань, ни подвода, ни к сотскому, ни к десятскому не тянут ни в которые проторы, ни в розметы, ни луга моего не косят, ни иные им некоторые пошлины ненадобе, а дают мне, князю Юрию Васильевичу, оброк с того двора на год, на Рожество Христово, рубль, опроче того ненадобе им ничто, знают один свой срок»[14]. Как видим, грамота отделяет население монастырского двора в Дмитрове от массы «черных людей», освобождая его от обязанности тянуть к сотскому и десятскому. Но и здесь, в «городской» по содержанию грамоте, мы встречаем покос княжеских лугов. По-видимому, это указывает на действительное распространение такой повинности и на городских жителей. В грамоте тверского князя Бориса Александровича Сретенскому монастырю на городскую слободку («в городе слободка Ерусалимская») в 1437—1461 гг. также встречаем освобождение этой слободки от покоса в княжеском бору («а слободчаном их бору моего великого князя не косить»)[15].

---

[14] ААЭ, т. I, № 69.
[15] Там же, № 35.

В цитированной выше грамоте Сергиеву монастырю есть также упоминание о «дани», от которой освобождается городской двор в Дмитрове. Трудно выяснить, какой характер носила эта дань, но, по-видимому, она могла быть и денежной, и натуральной. Город Серпухов еще при Иване IV платил дань одним медом[16]. В духовных и договорных грамотах мы встречаем упоминания о сборе дани по городам. Например, в докончании великого князя Димитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем около 1367 г. говорится: «А коли ми будеть слати свои даньщики в город и на перевары... а тобе свои даньщики слати с моими даньщиками вместе. А в твои ми удел даньщиков своих... не всылати»[17]. Аналогичные тексты встречаем и в других грамотах[18]. О том же говорят и летописи. Волнения в Торжке в 1310 г. начались от того, что «приниде князь Семен из Орды и насла на Торжок дане брати, и почаша сильно деяти»[19]. После нападения Тохтамыша также пришлось московскому князю организовать сбор дани: «Того же лета (1384), быть дань великая тяжкая по всему княженню великому всякому без остатка, с всякие деревни по полтине»[20], «тогда и золотом давали в Орду»[21]. Летописный текст говорит о сборе дани по деревням, но кажется невероятным, чтобы дань не собиралась в городе. Тем более характерно упоминание о сборе золота; золото, конечно, скапливаться могло именно в городах. Под золотом здесь имеются в виду, вероятно, не только деньги, а и золотые изделия мастеров-ремесленников.

Эта дань собиралась для уплаты «выхода» в Орду, но несомненно и то, что она шла также и в пользу княжеской власти. Немалая часть ее, на что обращено было внимание уже давно в исторической литературе, оставалась у князей и Иван Данилович не зря получил меткое прозвище «Калиты». Дань была одной из форм феодальной эксплуатации населения, в том числе и городского. Вряд ли она носила систематический характер, об этом ясно говорит весь контекст сообщений — «а коли ми будет послати» и т. п., — но, несмотря на это, она тяжелым бременем ложилась на

[16] См. П. Симсон. История Серпухова. М., 1880, стр. 5.
[17] ДДГ, стр. 20.
[18] Там же, стр. 23, 31, 38 и др.
[19] НПЛ, стр. 352.
[20] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 135.
[21] ПСРЛ, т. XX, ч. I, стр. 205.

массы городских и сельских жителей. Для сбора дани проводилась специальная опись, от которой, например, были в 1447—1455 гг. освобождены соляные варницы и четыре двора Троице-Сергиева монастыря у Соли Переяславской: «...и писцы мои великого князя тех людей и тех варниц монастырских в мою дань не пишут»[22].

В упомянутой выше грамоте содержится также указание на взимание оброка с городского двора в Дмитрове. В данном случае этот оброк выступает как льготная замена для монастыря тех пошлин и даней, которые ложились обычно на городской тяглый двор. Это было подтверждено тем же князем Юрием Васильевичем в особой грамоте в 1463 г. Троице-Сергиеву монастырю: «Что его два двора в Дмитрове, один двор внутри города, а другой двор на посаде, и они мне дают с тех дворов в мою казну на год оброком з двора по полтине»[23]. Сумма оброка здесь снижена вполовину по сравнению с предыдущей грамотой — монастырь, видимо, получил еще более льготное положение для своих дворов в городе. Но может быть, что оброки денежные существовали не только как замена всего комплекса «тягла», но и входили в его состав.

В жалованной грамоте князя Михаила Андреевича белозерского Кирилло-Белозерскому монастырю говорится об уравнении пошлин с монастырских неводов. Из текста грамоты мы узнаем, что в Белоозере в пользу княжеской власти взимался оброк с рыбных ловель: «...мои рыбники с игумновых неводов и с его людей неводов, колко игумновых неводов ни буди, за рыбное емлют с невода по двадцати бел, как и у горожан емлют, и с Мартемьянова монастыря неводов, и с Троецкого монастыря на устьи. А возмут мои рыбники с Мартемьянова монастыря неводов, и с Роенкого монастыря, и з городцких неводов боле того рыбного с невода, и мои рыбники с игумновых неводов Нифонтовых возмут по тому жо, а боле того не емлют на них ничего»[24]. По-видимому, оброк этот взимался не рыбой, а деньгами, если под «белями» понимать архаическое обозначение денежных единиц.

Конкретные указания на то, от чего освобождаются привилегированные дворы, в различных городах различны, и это указывает на то, что круг повинностей городских и

[22] АСЭИ, т. I, № 199.
[23] Там же, № 337.
[24] ААЭ, т. I, № 107.

сельских жителей — «черных» людей был весьма широк и разнообразен. Если в Твери «не косят бору», и не въезжают «полазники» и «бобровники», то в Переяславле, как явствует из жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю 1432—1443 гг. предусматривается другое: «...ненадобе им с того двора тянути ни с слугами, ни с черными людьми, ни к рыболовем, ни к сотцкому, ни к дворскому»[25]. В Ростовском дворе того же монастыря «тем монастырским людем ненадобе моя никоторая дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода ни мыт, ни тамга, ни пятиное, ни костки, ни закос, ни коня моего не кормит, ни иные никоторые им пошлины ненадобе... Также те люди монастырские где учнут торговати в моих городах или в волостях, купят ли что, продадут ли, ино им ненадобе ни мыт, ни тамга, ни иные никоторые пошличы, ни явленое им ненадобе»[26]. Судя по запретам въезда в монастырские дворы княжеских бобровников, рыболовов и проч., можно предположить, что в обычные городские дворы они «въезжали», может быть, только для постоя, а может быть, и для взимания каких-либо пошлин и оброков. На это указывает как будто выражение о том, чтобы «не тянути» к дворовым рыболовам, бортникам и проч. Поэтому мы вправе думать, что на городское и сельское «черное» население в числе прочих пошлин и оброков ложились еще и обязанности по непосредственному обслуживанию потребностей дворцового хозяйства князей, в частности, натуральные оброки. В одной из грамот есть указание на то, чтобы жителей двора Симонова монастыря в Дмитрове княжеские ловчие «на лоси и на медведи не поимали»[27].

Укажем также на платежи городских людей в княжескую казну в ходе их торговых предприятий. Многочисленные пошлины, которые упоминаются в княжеских духовных и договорных грамотах, — тамги, мыта, пудовое, весчее, осминчее, костки, побережное, гостиное и проч., были не чем иным, как взиманием косвенных налогов в пользу феодального государства. Один из московских совладельцев, князь Владимир Андреевич в 1401—1407 гг. завещал княгине «свою часть тамги московские, и восминчее, и гостиное, и весчее, и пудовое, и пересуд, и серебреное литье

---

[25] АСЭИ, т. 1, № 105.
[26] Там же, № 98.
[27] Д. М. Мейчик. Грамоты XIV—XV вв., № 120.

и все пошлины московские»[28]. В значительной степени эти пошлины ложились именно на черное, в том числе и городское, население, связанное с торговой и ремесленной деятельностью. В договоре 1307—1308 гг. Великого Новгорода с Тверью устанавливалась плата на мытах: «...от воза по две векше, и от лодие, и от хмеляна короба, и от лняна»[29]. Конкретную картину взимания торговых пошлин раскрывает, например, докончание великого князя Василия Дмитриевича с тверским князем Михаилом Александровичем 1396 г.: «А новых ти мытов не замышляти. А на старых ти мытех имати по мортке обеушной, а костки с человека мертва. А поедет по Версе с торговлею, ино мортка же. А кто промытится, ино с возы промыты по шестидесят, а заповеди шестидесят едина, колько бы возов не было. А промыта то, где объедет мыт. А проедет мыт, мытника у завора не будет, мыта и промыты нет. А с лодии пошлин з доски по два алтына всех пошлин, а боле того пошлин нет, а с струга алтын всех пошлин. А тамгы и осмничего от рубля алтын. А тамга и осмничее взяти, а оже имет торговати. А поедет мимо, знает мыт да костки, а более того пошлин нет. А поедет без торговли, с того мыта и пошлин нет. А меж нас людем нашим и гостям путь чист без рубежа»[30].

Двинские гости по уставной грамоте Василия Дмитриевича 1398 г. получали большие льготы на территории великого княжения — они освобождались от торговых пошлин, но все-таки на Устюге они должны были великокняжеским наместникам отдать «с лодии... два пуда соли, а с воза по белке»[31]. В докончании великого князя Василия Васильевича с великим князем рязанским Иваном Федоровичем 1467 г. находим такие нормы взимания торговых пошлин: «А мыта нам держати старые и пошлые, которые были при наших прадедах... А новых нам мытов не замышляти, ни пошлин. А мыта с воза в городах всех пошлин денга, а с пешехода мыта нет. А тамга и всех пошлин от рубля алтын, а с лодьи с доски по алтыну, а с струга с набои два алтына, а без набои денга. А со князей великих

[28] ДДГ, стр. 50.

[29] ГВНиП, № 9. Ср. в докончании великого князя Московского Дмитрия Ивановича с великим князем Рязанским Олегом Ивановичем 1382 г.: «А пошлины с семьи шесть денег, с пешеходов два алтына, а с одиного не имати». ДДГ, стр. 145.

[30] ДДГ, стр. 42.

[31] ААЭ, т. I, № 13.

людей пошлин нет»[32]. Торговые пошлины взимались в городах не только в пользу великокняжеской власти, но и в пользу различных феодалов, в особенности духовных. Например, в Волоколамске бралась пошлина в пользу Воскресенского собора, по-видимому, за взвешивание товаров, «с торговых людей на Волоце и в сельских торгах, хто что продаст или купит со всякого товару и в животов с волочан и с приезжих людей с куница и с продавца с рубля по четыре денги, да и с пятка им шло две денги, а приходило, сказывает, тое пошлины на год пятдесят рублев, опричь правого десятка, а правой десяток брали с наместинча суда к Воскресенью на темьян»[33]. В 1514 г. эти пошлины были взяты на великого князя, а собор переведен на ружное содержание. Владимирский Успенский собор получил еще от Андрея Боголюбского «торг десятый», т. е. десятую часть торговых пошлин. Источники упоминают митрополичьих и епископских десятников, собиравших в городах и волостях церковную «десятину». О десятиннике ростовского епископа в Устюге — Иове Булатове говорится в летописи под 1436 г.[34]. Десятинник митрополита Ионы, конюший Юрий, «поехал по десятине, да приехал в Вышегород и стал на подворие у попа, и тот поп с теми с своими городскими людии пришед, того... боярина Юрия конюшего убили в улог, и дворян перебили»[35], видимо, за насилия и поборы.

Один из документов середины XV в. (1443 г.) свидетельствует об обязанности городского населения платить пошлины в пользу монастыря за переезд через реку. Попытки горожан отказаться от уплаты пошлин вызвала специальную грамоту великого князя Василия Васильевича костромскому наместнику с подтверждением прав монастыря «...бил им челом Елпатьева монастыря игумен Фегнаст а сказывает, что возятся на реке на Костроме выше Ипатьева монастыря и ниже градицкие люди костромичи, проезжие всякие люди, а тот перевоз дан в Ипатьевский мона

[32] ДДГ, стр. 145. Это же условие в более раннем аналогично. договоре 1402 г. ДДГ, стр. 55.

[33] И. И. Кузнецов. Жалованная грамота великого князя Василия Ивановича протопопу Волоколамского Воскресенского собора с братьею от 4 октября 7023 (1514) года. Древности. Тр. императорского Московского археологического о-ва т. XXII, вып. II. М., 1909, стр. 278.

[34] ПСРЛ, т. XII, стр. 21.

[35] АИ, т. I, № 50.

стырь на темьян, и ты бы ся велел возити градцким людем костромичом и всяким людем проежим на реке на Костроме под Ипатьем, а выше Ипатьцкого монастыря и ниже возити бы ся ести не велел никому»[36]. Так монастырь входил в круг феодалов, подвергавших эксплуатации городское население, а великокняжеская власть защищала здесь, как и в деревне, интересы духовных феодалов.

Известны и другие аналогичные свидетельства. В духовной грамоте Димитрия Донского читаем: «А что отець мой князь великий... сдал... и святей богородици на Крутицо четвертую часть из тамги из коломеньское, а костки московьские и святей богородици на Москве и к святому Михаиле, а того не подвигнуть»[37]. По жалованной грамоте белозерского князя Михаила Андреевича 1473 — 1486 гг. Череповецкий Воскресенский монастырь подтверждал старинное право сбора пошлин в Белоозере, восмничего и померного, со всех монастырских и иных людей, приходящих торговать на Белоозеро, «и они у них емлют пошлин восмничею с рубли по четыре денги, а с мыта емлет померного с дву бочек по денге, также и в зиме, кто приедет с возом на Белоозеро с каким товаром ни буди, или с житом, и они по тому дают восьмничее с рубли по четыре денги, а померного с воза по две денги, а иным мерам не быть, опричь моее меры печатные, а у кого вымут меру, а они на нем возьмут два рубля заповеди, а в вине дадут на поруху. А сия пошлина придана к Великому Воскресенью на воск да на темьян»[38]. Конечно, взимание пошлин нельзя рассматривать как эксплуатацию, типичную для города, так как торговые пошлины взимались со всех, принимавших участие в торговле. Но так как городское население играло очень значительную роль в торговле, то взимание пошлин было одним из косвенных налогов в пользу отдельных феодалов или феодальной власти, тяжелее всего ложившимся на городское население.

Таким образом, городское «черное» население являлось объектом эксплуатации как со стороны великокняжеской власти, так и со стороны крупных феодалов (монастыри), которым великокняжеская власть передавала право сбора различных пошлин, а возможно, и обложения некоторыми повинностями городского населения.

[36] Сборник Муханова,
[37] ДДГ, стр. 25.
[38] ААЭ, т. I, № 100.

Глава III

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ XIV—XV вв.

Как выше уже отмечено, в исторической литературе распространено представление, что северо-восточные русские города XIV—XV вв. принципиально отличались от так называемых «вечевых городов», а некоторые историки были склонны рассматривать их лишь в качестве вотчинных центров. Однако уже сама такая постановка вопроса вызывает сомнения, так как закономерности развития городов в феодальном обществе порождаются социально-экономической структурой феодального строя и, следовательно, являются общими для всех феодальных городов. Конечно, это не может исключать возможности большего или меньшего своеобразия развития городов, определяемого конкретными историческими условиями.

В древней Руси города развивались в том же направлении, что и в феодальных странах Западной Европы. М. Н. Тихомиров убедительно показал, что в древнерусских городах тоже шла борьба за городские вольности и что горожане играли во многих случаях активную роль в политической жизни страны. Можно спорить по поводу обоснованности отдельных наблюдений М. Н. Тихомирова в этом вопросе, но общая постановка вопроса представляется вполне доказанной. Роль городов особенно увеличилась в период феодальной раздробленности, с ослаблением княжеской власти. Однако и тогда большинство русских городов, за исключением Новгородской земли, не достигло высвобождения из-под княжеской власти, а в самом Новгороде и его пригородах «городской строй» не достиг такой зрелости и полноты, как в городах некоторых стра

Западной Европы. Исторические условия развития городов и в древней Руси не были особенно благоприятными если учитывать расположение большинства их в глубине континентальной страны, отрыв от мировых торговых путей и постоянную, изнурительную борьбу с нашествиями кочевников с Востока.

Положение еще более ухудшилось в середине XIII столетия. Наиболее тяжелым последствием монголо-татарского вторжения было разрушение городов. Политика татар вообще была враждебна городам. Массовый увод ремесленников и уничтожение материальной базы городского ремесла, разрыв торговых связей Руси серьезно подорвали экономику городов. Городское ремесло восстанавливалось значительно медленнее, чем сельское хозяйство, потому что в средневековом ремесле особое значение имели личные навыки и искусство ремесленника, на выработку которых уходили многие годы. Опустошение страны, полный отрыв от морских берегов и тяжелые денежные выплаты в Орду также серьезно затрудняли восстановление торговли. Поэтому экономическое положение русских городов было очень тяжелым, и было бы неправильным отрицать известную экономическую слабость русских городов XIV—XV вв., несмотря на несомненные успехи в развитии ремесленного производства и торговли. Это особенно сказалось в узости рыночных связей городского ремесла. Во всяком случае темпы развития русских городов в XIV—XV вв. оказались замедленными, в то время как усиление княжеской власти прогрессировало весьма быстро.

Поскольку городская жизнь в Северо-Восточной Руси не была уничтожена, поскольку города восстанавливались и продолжали развиваться в условиях феодального строя, постольку сохранялись объективные предпосылки для борьбы горожан за освобождение от гнета феодальной эксплуатации, за городские вольности. Северо-восточные города развивались по общему для всех феодальных городов пути, в их истории имела место тенденция развития в сторону освобождения из-под феодального гнета и борьба за вольности. Некоторые признаки этой борьбы могут быть отмечены в источниках.

Уже в первые десятилетия монголо-татарского ига города стали очагами народной борьбы против иноземных поработителей. В городах поднимались народные восстания, и в этих восстаниях освободительная война неразрыв-

но слилась с антифеодальной. Именно подъем освободительной борьбы способствовал возрастанию политической активности горожан и не случайно в северо-восточных городах во второй половине XIII в. вновь ожило городское вече. Оживлению вечевых собраний в городах способствовало, вероятно, и ослабление княжеской власти в первое время после монголо-татарского нашествия.

Приматриваясь к сообщениям летописей, можно заметить, что в 60—80-х гг. XIII в. произошло несколько вечевых выступлений в северо-восточных городах. В 1262 г. в Ростове горожане «вставша вечем», «звонивша вече»[1] и изгнали татар из города. Восстание против татар произошло тогда также в Угличе[2]. Вече собралось в этом году и в Ярославле. Летопись указывает, что восстание в Ярославле было направлено не только против татар, но и против их русских пособников. В Ярославле был убит монах Зосима, который отступился от христианской веры, наживался на сборе дани, откупленном у татар, «и оттого велику пагубу творяху людем, работяще люди христьяние в резех»[3]. Тело ненавистного ростовщика тащили по всему городу и отдали псам на растерзание. Восстание приобрело антифеодальный характер, «людие по граду гневахуся на враги своя»[4]. Выступление против ростовщиков в Ярославле в 1262 г. — одно из немногих известных нам проявлений классовой борьбы горожан против патрициата, причем особенно важно то, что это выступление происходило в форме веча. Вечевое собрание горожан в 1262 г. отмечено также в Устюге[5]. Сопоставляя все эти известия, можно заключить, что в 1262 г. прокатилась по городам волна массовых антитатарских выступлений и что это привело к оживлению вечевых собраний горожан.

Не случайно и то, что эти вечевые выступления горожан происходили тогда не всюду, а в городах, тесно связанных с Ростовом. В Ростовской земле были еще живы вечевые традиции, сам Ростов до татарского нашествия был одним из крупных центров вечевой активности горожан. В первые десятилетия после батыева вторжения Ростов, как было отмечено выше, на некоторое время приобрел значение

[1] ТЛ, стр. 328; ПСРЛ, т. XXV, стр. 144.
[2] Там же.
[3] ПСРЛ, т. XXV, стр. 144.
[4] Там же.
[5] УЛС, стр. 45.

главного политического центра Северо-Восточной Руси. В то же время княжеская власть в Ростове после вторжения была тогда заметно ослаблена. Первый ростовский князь Глеб Василькович в Ростове почти не находился, а жил в Белоозере.

Проявления политической активности ростовских горожан отмечаются и в 80-х гг. XIII в. «Город весь замятеся в 1281 г., когда разгорелась междоусобица князей Димитрия и Константина Борисовичей[6]. Новое известие о вечевом собрании в Ростове относится к 1289 г.: «...умножи же ся тогда татар в Ростове, и гражане створиша вече и изгнаша их, а имение их разграбиша»[7].

Трудно судить по этим отрывочным сведениям о том, протекала ли в Ростове в 60—80-х гг. более или менее регулярная деятельность вечевых собраний, но несомненно, что в эти десятилетия какое-то оживление ростовского веча имело место.

В дальнейшем сведения о выступлениях ростовских горожан исчезают на длительное время. Активность горожан появляется в других районах — Твери и Переяславле.

Во время вторжения «Дюденевой рати» в 1293 г. «бяше бо ся умножило людей и прибеглых в Тфери и из иных княжений и волостей перед ратью». Князя Михаила Ярославича в городе не было, он возвращался в это время из Орды. Над городом нависла угроза неприятельского вторжения. Тогда «Тферичи целоваша крест, бояре к черным людем, такоже и черные люди к бояром, что стати с одиного битися с татары»[8]. Сообщение летописи, несомненно, указывает на вечевое собрание в Твери, причем реальная сила в этот момент принадлежала «черным людям», заставившим бояр присягнуть первыми на верность в борьбе против врага. Возрастание политической активности тверских горожан в этот период закономерно совпадает с усилением антитатарской борьбы. Н. Н. Воронин справедливо отметил, что в это время «Тверь становится центром притяжения всех сил, стремившихся к сопротивлению татарскому господству»[9]. К концу XIII в. в Северо-Восточной

---

[6] ПСРЛ, т. XXV, стр. 153.
[7] ПСРЛ, т. VII, стр. 179.
[8] ТЛ, стр. 346.
[9] Н. Н. Воронин. Тверское зодчество XIII—XV вв. Известия АН СССР, сер. истории и философии, 1945, т. 2, № 5, стр. 374.

Руси сложилась новая политическая обстановка. Значительно усилились в это время центральные княжества — Тверское, Переяславльское, начинался рост Московского княжества. Ростов в новых условиях уступил свое значение новым центрам, и вряд ли случайно отсутствие данных о выступлениях ростовских горожан в конце XIII в. и наличие указаний на активность горожан в Твери и в Переяславле.

В 1297 г. переяславльцы «с одиного» выступили на поддержку Даниила Александровича Московского и Михаила Ярославича Тверского в их борьбе против великого князя Димитрия Александровича[10]. Слова «с единого» как будто указывают на единогласное решение переяславльцев, которое могло быть принято на вече. После смерти бездетного князя Ивана Димитриевича Переяславльского в 1302 г. Переяславльское княжество по завещанию князя отошло к Москве и сын московского князя Юрий Данилович «седе в Переяславле»[11]. В 1303 г. умер московский князь Даниил Александрович, и для Юрия Даниловича присутствие в Москве должно было быть очень важным, так как к нему переходил московский стол. Однако случилось так, что Юрий Данилович оказался не волен распоряжаться своими действиями. «Переяславцин яшася... за Юрия и не пустиша его на погребение отче»[12]. Это сообщение летописи вряд ли можно понимать иначе, как почти прямое указание на существование в Переяславле в этот момент городского веча, которому принадлежала реальная власть даже в отношении князя. В 1304 г., в момент напряженной схватки с Тверью, переяславльцы опять были «с Иваном с одиного» (с Иваном Даниловичем, прибывшим из Москвы), переяславльская рать снова «единомыслено бе»[13].

С большой вероятностью можно думать о том, что все эти известия указывают на политическую активность переяславльских горожан в конце XIII — начале XIV в. и на существование в Переяславле вечевых собраний.

К этому же времени относятся еще два известных сообщения летописи о городском вече. В 1304 г. «бысть вече в Костроме на бояр»[14], когда тверской князь послал туда

---

[10] ПСРЛ, т. XXV, стр. 158.
[11] ТЛ, стр. 350.
[12] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 96.
[13] ПСРЛ, т. X, стр. 176.
[14] ТЛ, стр. 352.

своих бояр, чтобы воспрепятствовать переходу Костромы под власть Москвы. В том же или 1305 г. в другом поволжском городе — Нижнем Новгороде — «черные люди побили бояр, пришед же князь Михаил Ярославич из Орды в Новгород и изби вечников»[15]. Значение поволжских городов к этому времени стало быстро возрастать, эти города переживали подъем, и повышение политической активности горожан вполне понятно.

Было бы неправильным думать, что дошедшими до нас известиями исчерпываются все факты городских вечевых собраний в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII и начале XIV в. Более реально предположить, что многие сведения остались неизвестными, тем более, что летопись иногда глухо упоминает о каких-то выступлениях горожан, как например, в 1304 г., когда «бысть замятия в Суздальской земле, во всех градех»[16]. Но и те данные, которые находятся в нашем распоряжении, позволяют с уверенностью говорить об оживлении городских вечевых собраний в указанное время и даже предполагать некоторые закономерности повышения и снижения вечевой активности в разных частях Северо-Восточной Руси в прямой связи с изменениями в общей политической обстановке.

Нельзя не обратить внимания и на то, что в дальнейшем известий о выступлениях горожан становится заметно меньше. В 1320 г. «быша в Ростове злия татарове, люди же ростовския, собравшеся, изгониша их»[17]. Снова, видимо, вечевое собрание горожан, происшедшее в момент обострения антитатарской борьбы.

Такая же картина раскрывается из описаний восстания в Твери в 1327 г. Требования народа «оборонить» его от насилий Чолхана не были выполнены князем, призывавшим к терпению. «И сего не приняше Тверичи и искаху подобна времени». Столкновение дьякона Дюдко с татарином в день большого церковного праздника 15 августа 1327 г. послужило поводом к народному восстанию. «Смятошася людие, и ударишя в колоколы, и сташа вечем, и поворотися весь град, и весь народ том часе собрашася, и бысть в них замятия»[18]. Переплетение антифеодальной

---

[15] ПСРЛ, т. VII, стр. 184.
[16] ПСРЛ, т. X, стр. 175.
[17] ПСРЛ, т. XXV, стр. 166.
[18] ПСРЛ, т. X, стр. 416.

и освободительной борьбы очевидно. Когда князь не выполнил требований народа, собралось вече. Этот факт отчетливо указывает на то, что вечевые собрания горожан были проявлением антифеодальной борьбы и имели целью вмешаться в действия князя, заставить его действовать так, как этого хотели массы горожан. Н. Н. Воронин считает доказанным, что в восстании 1327 г. участвовали тверские тысяцкие — бояре Шетневы. Названный автор отмечает также такое важное обстоятельство: «Характерно, что тверской тысяцкий поставил свой храм не в Кремле...а вне Кремля, на Загородном посаде «старой, богатой Твери», как бы подчеркивая этим свою социальную связь с демократическими слоями городского населения»[10].

Как бы ни были отрывочны и немногочисленны упоминания в источниках о городских вечевых собраниях, мы не можем рассматривать их иначе как проявление органически присущих всякому феодальному городу тенденций к борьбе против феодального господства. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. сохраняли, и не могли не сохранять, то же принципиальное направление исторического развития, что и всякие другие феодальные города, как и русские города до середины XIII в. Но, как было уже отмечено, степень реальности успеха горожан в этой борьбе зависела от многих обстоятельств, и не только на Руси, но и в Западной Европе далеко не всем городам удалось добиться независимости от феодалов и стать «самыми яркими цветками средневековья», как называл К. Маркс свободные города феодальной эпохи.

В то время как в первой половине XIV в. процесс восстановления городской экономики еще не был завершен и лишь накапливались условия для нового подъема ее, наступившего с половины XIV столетия, процесс усиления великокняжеской власти одержал уже заметные успехи. При Иване Калите, когда была заложена основа могущества Москвы, московская великокняжеская власть впервые выступила серьезной политической и государственной силой, начавшей подчинение северо-восточных земель Москве.

Источники дают немного данных для суждения о внутренней политике Калиты, но все же заметно, что Калита

---

[10] Н. Н. Воронин. «Песня о Щелкане» и Тверское восстание 1327 г. «Исторический журнал», 1944, № 9, стр. 77.

заботился не только о мире с татарами и о мирном расширении подвластной ему территории, но и о подавлении сопротивления своей власти.

Не следует представлять действия Калиты в Твери после восстания 1327 г. только лишь как вынужденный маневр для завоевания доверия Орды и как использование удобного случая для нанесения удара своему противнику — тверскому князю. Все это, конечно, имело место, но была и другая сторона дела. Карательная экспедиция Калиты по тверским городам была вместе с тем и расправой над восставшими тверичами, попытавшимися противопоставить княжеской власти свое вече. Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто справедливо отметили, что сведения источников о том, что Калита «исправи Русьскую землю от татей и разбойников», должны пониматься как указание на политику Калиты, направленную на подавление народных выступлений [20]. Эта политика не могла не быть враждебной вечевым выступлениям горожан, и Калита стремился к подавлению каких-либо проявлений вечевого строя в городах. Не подавив городского веча, нельзя было добиться установления сильной княжеской власти — опыт Новгорода красноречиво об этом свидетельствовал. Использовав относительную слабость северо-восточных городов и наличие постоянной внешней угрозы, требовавшей единства страны под сильной властью, Калита повел наступление против горожан.

Иван Калита не только расправился в 1328 г. с восставшими тверичами, но через десять с лишним лет, в 1339 г., «взял изо Твери колокол от церкви святого Спаса на Москву»[21]. Эти действия сразу напоминают снятие вечевого колокола Иваном III в момент ликвидации Новгородской феодальной республики. Восстание 1327 г. в Твери началось созывом веча звоном колокола соборной церкви. Не были ли действия Калиты в 1339 г. мерой, направленной на уничтожение каких-то неизвестных нам элементов вечевого строя в Твери во второй четверти XIV в.?

Обращает на себя внимание также разгром Калитой Ярославля в 1332 г., произведенный без видимых причин. Весьма интересны сведения о политике Ивана Калиты в

[20] См. В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. О периодизации истории России феодального периода. «Вопросы истории», 1951, № 3, стр. 91.

[21] ПСРЛ, т. X, стр. 210.

Ростове, содержащиеся в житии Сергия Радонежского. Присланный Калитой в Ростов боярин Василий Кочева «возложи велику нужу на град и на вся живущая в нем и гонение много умножися». Говоря о ростовских князьях, автор жития написал, что «отьяся от них власть и княжение и имение и честь и слава и вся прочая и потягну к Москве». Таким образом, Калита силой подчинил себе Ростов, но при этом «великая нужа» и «гонение» обрушились и на горожан. В этой связи интересно упоминание жития о надругательстве над «епархом градским», «старейшим боярином Ростовским» Аверкием[32]. Можно думать, что этот «епарх» занимал какую-то высшую должность в городском управлении Ростова. Этому ни в какой мере не противоречит то, что он был старейшим боярином. В Новгороде, как известно, должность посадника занималась представителями весьма узкого круга боярской аристократии.

События, описанные в житии Сергия Радонежского, похожи на разгром московским князем каких-то элементов городского самоуправления. Сломить сопротивление местного боярства было нельзя без уничтожения существовавших тогда элементов городского самоуправления, потому что республиканские порядки использовались тогда боярской знатью для упрочения своего политического положения и ограничения княжеской власти. Так было в Новгороде и Пскове, аналогичные явления угадываются в меньшей степени и в Северо-Восточной Руси.

Если московская великокняжеская власть подавляла всякие проявления городских вольностей в соседних княжествах, то тем более решительно она должна была действовать в этом отношении в самой Москве. Заметим, что в то время, как в Ростовской земле, а позднее также в Твери и в Переяславле наблюдается оживление вечевых собраний горожан, Москва и города Московского княжества остаются, как будто, в стороне от этого явления. Вероятно, раннее и энергичное укрепление княжеской власти в Москве не давало возможности сколько-нибудь широко развиться вечевым собраниям, в то время как в других княжествах, где княжеская власть была слабее, еще сохранялись некоторые условия для веча. Переяславль очень рано вошел в состав Московского княжества, и кажется не случайным, что с этого момента прекращаются всякие указания и намеки на вече в Переяславле.

[32] ПСРЛ, т. XI, стр. 128—129.

Однако, как было отмечено, сам ход развития феодального города, тем более крупного, неизбежно порождал стремление горожан к освобождению из-под княжеской власти. В этом отношении представляет интерес исследование М. Н. Тихомировым истории московских тысяцких. Вслед за А. Е. Пресняковым М. Н. Тихомиров связал существование московских тысяцких с так называемым «третным владением» Москвой и показал, что ликвидация института тысяцких в Москве была обусловлена укреплением великокняжеской власти. Но и при существовании тысяцких они не избирались москвичами, а назначались князьями. Поддержка бояр и части горожан, поскольку, «ведая судебной расправой над городским населением, распределением повинностей и торговым судом, тысяцкие вступали в близкие отношения с верхами городского населения», придавала тысяцким большое политическое значение и давала им возможность противостоять власти великого князя. Поэтому одним из условий ее усиления была ликвидация тысяцких в Москве и замена их наместниками. В 1356 г. московский тысяцкий Алексей Петрович Хвост был тайно убит, что вызвало какие-то волнения в городе, в результате которых несколько знатных бояр покинули Москву. Среди них был В. В. Вороновв-Вельяминов — представитель боярского рода, в котором должность тысяцких была наследственной. Эти события трудно поддаются анализу ввиду неполноты летописных известий. Указание летописи на то, что после убийства А. П. Хвоста на Москве был «мятеж велий», дало основание М. Н. Тихомирову выдвинуть предположение о том, что горожане-москвичи были возмущены убийством тысяцкого, что перед нами — «этап в борьбе некоторых городских кругов за их привилегии, которым угрожала великокняжеская власть»[23]. Той же точки зрения придерживается Н. Н. Воронин[24]. Но если убийство тысяцкого и затронуло интересы горожан, то, вероятно, лишь торгово-ростовщическую верхушку города, интересы которой могли быть связаны с тысяцким. «Мятеж велий» мог иметь убийство тысяцкого лишь поводом для своего возникновения, но вряд ли он был направлен на отстаивание самого института тысяцких, мало связанного с мас-

[23] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва. М., 1947, стр. 78.
[24] См. Н. Н. Воронин. Древнерусские города. М., 1945, стр. 85.

сами городского населения, ибо незачем тогда было Воронцову и другим боярам покидать Москву. Бояре уехали потому, что мятеж принял антифеодальный характер и был направлен против них, бояр, что давало, в свою очередь, великокняжеской власти возможность использовать народное выступление для укрепления своих позиций против феодальной аристократии.

Должность тысяцких в Москве была упразднена при Димитрии Донском, в 1373 г., после того, как со всей определенностью выявилась враждебная великокняжеской власти политическая позиция бояр-тысяцких. В 1379 г. был казнен по приказу великого князя Димитрия Ивановича сын последнего тысяцкого Иван Васильевич Вельяминов. По поводу его казни летописец поместил многозначительное рассуждение о «злодейственных сетях сатаны», научившего людей «властем не покарятися»[25]. Характерно, что ликвидация тысяцких и замена их наместниками произошла в тот период, когда происходило энергичное укрепление великокняжеской власти. Даже особая форма городского управления (а не самоуправления), поскольку она создавала возможность сближения боярской аристократии с верхушкой горожан в борьбе против наступления великокняжеской власти, была теперь ликвидирована.

Однако за пределами Московского княжества обстановка в городах могла быть иной. Основываясь, видимо, на каких-то местных источниках, Н. Храмцовский привел интересные известия о том, что в 1353 г. нижегородцы сами предложили своему князю Константину Васильевичу ехать в Орду за ярлыком на великое княжение, а в 1359 г. ставший великим князем Димитрий Константинович дал Нижнему Новгороду «полную свободу в правах его, взяв себе лишь княжеские доходы»[26]. Если эти сообщения достоверны, то они могут свидетельствовать о наличии в Нижнем Новгороде в середине XIV в. каких-то элементов вечевого строя и даже самоуправления. На то, что нижегородское население располагало реальной силой для сопротивления неугодным князьям, указывает и факт применения в 60-х г. Сергием Радонежским, действовавшим по поручению Димитрия Ивановича Московского и митрополита Алексея,

---

[25] ПСРЛ, т. XI, стр. 45.

[26] Н. Храмцовский. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1857, стр. 16.

такой исключительной меры, как закрытие церквей[27]. Во всяком случае в Нижнем Новгороде в 60-х гг. XIV в. был еще назначавшийся князем тысяцкий — князь Димитрий Волынский, служивший князю Димитрию Константиновичу[28].

Есть упоминание о тысяцком Василии в Костроме в 70-х гг. XIV в.[29]. Сохранение вечевых традиций во Владимире недавно отметил М. Н. Тихомиров, опираясь на известие о неудачной попытке князя Александра Васильевича в 1329 г. перевезти вечевой колокол из Владимира в Суздаль — «в XIV в., видимо, еще хорошо знали какой колокол на звоннице Успенского собора был вечевым»[30]. Неизвестно, собиралось ли когда-нибудь в XIV в. владимирское вече, но что-то похожее на вечевое собрание угадывается за сообщением о событиях 1371 г., происходивших в напряженный момент борьбы Михаила Александровича Тверского против Димитрия Ивановича Московского за великое княжение. Когда Михаил получил в Орде ярлык на великое княжение, а Димитрий привел население к присяге на верность Москве, то Михаил «поиде к Володимерю, хотя сести тамо на великое княжение, и не приаша его, но отвещаша ему сице: «не имем сему веры просто взяти тебе великое княжение»[31]. Летопись не указывает, от кого исходил этот ответ, но кажется, что он мог быть дан владимирскими горожанами, решившими остаться верными данной присяге.

Однако вряд ли во Владимире XIV—XV вв. были какие-либо условия для установления вечевого строя. Этот город находился в сфере непосредственного воздействия все более усиливавшейся великокняжеской власти и был средоточием владений крупных духовных и светских феодалов.

То, что существование городского веча непосредственно зависело от силы княжеской власти, очевидно вытекает из многих рассмотренных выше фактов. Об этом наглядно свидетельствуют и события 1382 г. в самой Москве, ког-

---

[27] ПСРЛ, т. XV, изд. 2, вып. 1, стр. 74.

[28] См. Н. П. Павлов-Сильванский. Местная грамота XIV века. Зап. отделения русской и славянской археологии Русского археологического о-ва, т. VII, вып. 2. СПб., 1907, стр. 8, 22.

[29] ДАИ, т. I, № 8.

[30] См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 212.

[31] ПСРЛ, т. VIII, стр. 18.

да в городе собралось вече после спешного отъезда Димитрия Донского в Кострому в момент приближения Тохтамыша. Как и в других случаях, московское вече 1382 г. возникло в момент обострения классовой борьбы в городе. Временное ослабление княжеской власти сразу создало благоприятные условия для вечевого собрания. Во время обороны Москвы от Тохтамыша вечу принадлежала реальная власть в городе. Москвичи взяли в свои руки дело защиты столицы и успешно отбивали нападения врага, но были преданы некоторыми представителями феодально-княжеской аристократии. Эти события достаточно полно исследованы Л. В. Черепниным, и нет надобности останавливаться на них особо[32].

Конечно, вече 1382 г. в Москве было исключительным явлением в том смысле, что вечевого строя в Москве XIV—XV вв. не существовало и быть не могло, но в моменты обострения внешней опасности и подъема в связи с этим антифеодального протеста тенденция к вечевым собраниям проявлялась в Москве и позднее, о чем мы будем говорить ниже. Это указывает на живучесть стремлений горожан к высвобождению из-под княжеской власти, несмотря на крайне неблагоприятные условия для осуществления этого стремления.

Не без участия горожан происходили события в Нижнем Новгороде в 1392 г., связанные с переходом Нижегородского княжества под власть Москвы. По звону колоколов «снидеся весь град», и старейший боярин Василий Румянец объявил о переходе бояр на службу московскому князю[33]. Очевидно, что созыв городского населения был нужен боярам для поддержки своих действий. Перед нами, видимо, нечто вроде вечевого собрания. В 1399 г. после трехдневной битвы нижегородцы «взяша мир» и впустили в город князя Семена Суздальского, осаждавшего Нижний Новгород вместе с татарами. При этом татары поклялись, что не тронут города. Когда они нарушили это обещание, князю Семену пришлось держать ответ перед горожанами[34]. Летопись не говорит, в какой форме это происходило.

---

[32] ПСРЛ, т. IV, стр. 88; т. VI, стр. 102—103; т. VIII, стр. 47; т. XXV, стр. 206—210. См. Л. В. Черепнин. Антифеодальные народные восстания в Москве в 1382 и 1445 гг. «Исторические науки», 1959, № 1.

[33] ПСРЛ, т. XV, стр. 446.

[34] ТЛ, стр. 453.

Активность горожан проявилась в далеком Устюге. В 1393 г. новгородский воевода Яков Прокофьев, гонясь за изменившим Новгороду неким Анфалом, подступил к Устюгу и «рече князю и гражаном: «... стоите ли за беглеца Новгородского за Анфала?». И князь с устьюжаны рече: «...мы за него не стоим и не пособляем по нем, по великого князя целованью». Однако затем «устьюжане с своими князи свое слово забыв, придоша ратью в дву тысящь человек на Якова»[35]. Это сообщение 4-й Новгородской летописи ясно говорит о том, что «гражане» Устюга принимали непосредственное участие вместе с князем в выработке ответа новгородскому воеводе и затем в изменении своего решения. Все это напоминает вечевое устройство, которое в далеком Устюге могло сохраняться дольше, чем в центральных русских городах. Власть сильных московских князей непосредственно на Устюг еще не распространялась тогда, в конце XIV в. Устюг имел еще своего князя, Юрия Андреевича, одного из ростовских князей.

В XV в. известия, которые могли бы дать основания для суждений о проявлениях вечевых традиций в городах, исчезают почти совершенно. Вряд ли это случайно, как не случайно и то, что некоторые данные, указывающие на усиление выступлений горожан, относятся именно к периоду феодальной войны, когда на время ослабела великокняжеская власть. Так, в 1434 г., когда войска великого князя Василия Васильевича подошли к находившемуся под властью Шемяки Угличу, «гражане же не восхотеша града отворити»[36]. Лишь при помощи тверских пушек Василию Васильевичу удалось взять город. То, что угличские горожане столь решительно выступили на стороне Шемяки, может быть предположительно объяснено. Л. В. Черепнин установил, что действия Шемяки и его союзников в феодальной войне были направлены не просто на захват великого княжения, но и на восстановление уже преодоленных элементов феодальной раздробленности, на ослабление государственной централизации[37]. Поскольку Шемяка тем самым высвобождал горожан из-под все усиливавшейся власти московских князей, постольку он мог приобрести сочувствие некоторой части городского населения, тем

[35] ПСРЛ, т. IV, стр. 103.
[36] Инока Фомы слово похвальное.., стр. 46.
[37] См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.—Л., 1948, стр. 131.

более на столь раннем этапе феодальной войны, когда политическая линия противников великого князя далеко еще не выявилась с полной отчетливостью.

Во всяком случае в обстановке феодальной войны значение горожан вновь возросло, и с ним не мог не посчитаться и взявший город Василий Васильевич. Он «ничтоже зла граду тому не сотвори, а омири их»[38].

В том же источнике, «Слове» инока Фомы, мы находим еще одно интересное указание. В нем упоминаются по отношению к этому времени «тысяшники земские» в Кашине[39] Обращает на себя внимание то что тысяцкие названы «земскими», что как будто указывает на их отличие от княжеских тысяцких, известных, например, в Москве и в Твери XIV в. Не возник ли вновь в обстановке феодальной войны институт выборных тысяцких в городах, о котором случайно сохранилось лишь это глухое упоминание? Даже если это не выборные тысяцкие, а назначавшиеся, то и это очень интересно, потому что указывает на существование тысяцких еще в середине XV в., в то время, как в Москве они исчезли еще в 70-х гг. XIV столетия. Но к концу феодальной войны, в 1453 г., Кашином управлял уже «наместник и боярин» Иван Кандырь[40].

В самой Москве в напряженный момент феодальной войны вновь поднялась активность городского населения. Когда нависла угроза татарского нашествия в 1445 г., «гражане в велице тузе и волнении быша: могущей бо бежати, оставивши град, бежати хотяху, черь же худые люди совокупившеся начаша преже врата градная делати, а хотящих бежати из града начаша имяти и бити и ковати, и тако уставися волнение, но вси обще начаша град крепити а себе пристрой домовной готовити»[41]. Характерно, что и на этот раз выступление московских горожан произошло в момент ослабления, а точнее — отсутствия княжеской власти, когда великий князь оказался в плену, а великая княгиня с детьми и боярами спешно выехала в Ростов. Вероятно, что и в этот раз в Москве произошли вечевые собрания горожан.

Таким образом, наблюдения над имеющимся материалом позволяют сделать вывод о том, что города XIV—XV вв.

[38] Инока Фомы слово похвальное.., стр. 46.
[39] Там же, стр. 53.
[40] ПСРЛ, т. XV, стр. 490.
[41] ПСРЛ, т. VI, стр. 171.

в Северо-Восточной Руси проявляли те же тенденции развития, что и другие города феодальной эпохи, что северо-восточным городам было также свойственно стремление к восстановлению вечевых порядков и освобождению из-под княжеской власти. Поэтому принципиальное противопоставление «вечевых» городов «великокняжеским», утвердившееся в буржуазной литературе, нельзя считать обоснованным, так же как и мнение о том, что городам Северо-Восточной Руси был присущ «вотчинный характер». Но, конечно, вечевые собрания горожан Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. происходили, как правило, лишь в исключительных обстоятельствах и не были постоянно действующими учреждениями. Факты вечевых выступлений горожан выявляют лишь тенденцию развития городов к вечевому строю, но не дают оснований утверждать о его существовании. Разница во внутреннем устройстве северо-восточных городов и Новгорода хорошо понималась современниками. Она образно отмечена была в Задонщине, автор которой, изображая волнения по всей русской земле в связи с решительной битвой, писал: «Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, бубны бьют в Серпухове. Звонят колоколы вечные в Великом Новгороде»[42].

Условия развития северо-восточных городов были крайне неблагоприятными для достижения сколько-нибудь заметных успехов на пути становления особого «городского строя». Это особенно ярко сказалось в том, что городское население Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. не получило привилегированного правового положения.

Прибегая к денежной помощи разбогатевших горожан, опираясь на них в борьбе со своими противниками, централизующаяся власть вместе с тем стремилась поработить и ограбить своих союзников. Ф. Энгельс очень ярко и сильно показал эту закономерность в отношении стран Западной Европы. Нет оснований думать, что на Руси дело обстояло иначе. Разница могла быть лишь в том, что в России центральная власть усиливалась значительно быстрее, чем на Западе, а купечество было экономически значительно слабее, и поэтому процесс «порабощения и ограбления» центральной властью своих «союзников» совершался здесь раньше и полнее. Усиление княжеской власти отрицательно

[42] Воинские повести древней Руси. М.—Л., 1950, стр. 34.

сказалось на судьбе цеховых и купеческих корпораций, игравших такую большую роль в жизни городов Западной Европы.

Возвращаясь еще раз к договорной грамоте 1389 г., нужно отметить, что взаимное обязательство князей «блюсти с одиного» распространено было не только на гостей, суконников и городских людей, но и на «численных людей». По поводу того, кто такие «численные люди», существуют разные мнения, но кажется наиболее вероятным, что это люди, попавшие в «число», т. е. в контингент, с которого выплачивалась дань в Орду. Комментируя указанные статьи договора, С. М. Соловьев высказал такое соображение: «После, в XVII веке, мы увидим, какой страшный ущерб в московских финансах был произведен стремлением тяглых городских людей выйти из податного состояния вступлением в службу или зависимость от духовенства, бояр и служилых людей и какие сильные меры употребляло правительство для воспрепятствования этому выходу. То же самое побуждение заставляло князей и в описываемое время условливаться не принимать в службу данных людей, ни купцов, ни черных людей, ни численных, ни числяков, ни земель их не покупать»[43].

Конечно, поскольку княжеская власть стремилась не допустить перехода городского и иного тяглого населения в зависимость от каких-либо феодалов, постольку она способствовала сохранению большей личной свободы этого населения. Но при этом княжеская власть, во-первых, не делала принципиальных различий между городским и сельским тяглым населением, а во-вторых, руководствовалась вовсе не интересами поддержания «городской свободы», а фискальными соображениями. Мнение С. М. Соловьева о целях княжеской политики в указанном вопросе является справедливым, на наш взгляд, так как ни в других источниках, ни в грамоте 1389 г. нельзя выявить каких-либо особенностей положения городского населения и политики княжеской власти по отношению к нему.

В литературе также высказано мнение о том, что «городской воздух» в Москве, как, вероятно, и в других больших русских городах, фактически делал свободным, по крайней мере, в эпоху феодальной раздробленности XIV—

---

[43] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, стр. 1202—1203.

XV веков[44]. М. Н. Тихомиров обосновывает это мнение ссылкой на статью договора 1389 г., в которой говорится: «А в город нам послати своих наместников, и тобе своего наместника, ини очистять наших холопов и сельчан. А кого собе вымем огородников и мастеров, и мне, князю великому, з братьею два жеребья, а тобе, брате, треть»[45]. М. Н. Тихомиров считает, что князья договорились найти в Москве бежавших туда своих сельчан и холопов и «очистить» их в смысле освобождения их от обязанности возвращаться к старым владельцам и оставления их в городе с подчинением определенному третному владельцу. «Самая необходимость подобной статьи для княжеских договоров, — пишет М. Н. Тихомиров, — весьма поучительна, ибо показывает особое положение московского населения в XIV—XV веках, где даже холопов и сельчан великого князя и его ближайших сородичей надо было «вынимать» и «очищать» путем посылки наместников, иначе они могли затеряться среди свободного городского населения»[46].

Но, во-первых, «очистить» можно понимать, как освобождение от обязательств перед другими владельцами, т. е. в смысле борьбы с закладничеством. Во-вторых, о каких «старых владельцах» говорит М. Н. Тихомиров? Речь идет о «наших» холопах и сельчанах, т. е. о холопах и сельчанах, принадлежащих договаривающимся князьям. Предположим даже, что князь мог говорить как о «своих» о крестьянах, принадлежащих находившимся на его территории феодалам и обязанных нести повинности в пользу княжеской власти. Но князь никак не мог назвать «своими» холопов, принадлежащих кому-либо другому. Смысл условия совершенно ясен — князья договорились о возврате бежавших в город своих холопов и сельчан. Тем самым они возвращались к своим старым владельцам и вовсе не обязательно должны были оставаться при этом в городе.

Статья об «очищении» холопов и сельчан содержится также и в более раннем договоре того же 1389 г. между Димитрием Донским и Владимиром Андреевичем. Однако там нет упоминания об огородниках и мастерах. Это ука-

---

[44] См. М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва, стр. 101. Этот вывод принят и в «Очерках истории СССР. Период феодализма. XIV—XV вв.». М., 1953, стр. 100—103.

[45] ДДГ, стр. 32.

[46] М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 100.

вание появилось лишь в следующем договоре. Упоминание о мастерах и огородниках было не оговоркой к статье об «очищении» холопов и сельчан, а самостоятельной статьей. Слово «вымем» можно понимать, как «достанем», «приобретем». В этом случае речь шла, вероятно, о холопах — мастерах и огородниках, которых князья уговорились делить впредь между собой [47].

Бежавшие в город сельчане и холопы не становились свободными, а возвращались прежним владельцам — договаривающимся князьям. Мастера и огородники [48] вовсе не обязательно должны были оставаться в Москве. Следовательно, политика князей заключалась в том, чтобы не допускать бегства населения в города из своих владений, и она точно соответствует принципам жалованных грамот князей феодалам — «а кого перезовут собе людей из иных княжений, а не из моее отчины». Тем более князья пресекали попытки своих холопов и сельчан путем бегства в город слиться с массой «черных людей». Не о городской свободе, а о борьбе с тенденцией к городской свободе говорит указанная статья междукняжеских договоров. Что касается срока сыска «по отца моего живот», то это объясняется тем, что великий князь Иван Иванович в своей духовной отпустил всех своих холопов на свободу; речь идет именно о «наших» сельчанах и холопах, принадлежащих договаривающимся князьям.

Отметим и еще одно значение указанной статьи, — она свидетельствует об остром недостатке квалифицированных мастеров в XIV в., раз князья особо уговаривались пропорционально их делить между собой.

Княжеская власть поддерживала интересы феодалов в городах. Так, в 1471—1478 гг. великий князь Иван III

---

[47] Крупнейшие феодалы приобретали холопов-мастеров для строительного дела. Летопись сообщает о том, что митрополит Филипп, приступая к постройке Успенского собора, «купил» людей «на то дело церковное, приказывая отпустити их по животе своем» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 300). Если такая практика существовала у московского митрополита, вполне возможно предположить, что также поступал и великий князь. Ср. в духовой Ивана Калиты: «А что мои люди куплении в великом свертце, а тыми ся поделять сынове мои» (ДДГ, стр. 8) т. е. холопов делили между наследниками.

[48] Под «огородниками» можно понимать специалистов по сооружению городских укреплений — «града».

указал своему наместнику возвращать Троице-Сергиеву монастырю крестьян, бежавших «в мою отчину в Ярославль» «не о Юрьеве дни»[49].

Конечно, князья были непосредственно заинтересованы в расширении контингента своего тяглого населения, в том числе и в городах. Они вели борьбу с закладничеством и договаривались о том, чтобы не держать закладной в городах «и человека с двором в городе не купить»[50]. Князья предоставляли льготы городскому населению, но их нельзя рассматривать как свидетельство особого правового положения городского населения. Эти льготы давались с целью привлечения населения в города, и именно только в этой связи упоминают о них источники. Такова данная Владимиром Андреевичем в 1374 г. при основании Серпухова «ослаба» и «великая воля» «людем приходящим и гражанам, живущим в нем, и человеком торжествующим и промышляющим»[51]. Для чего давалась льгота, видно из одного сообщения о действиях Ивана Калиты в отношении Радонежа, передававшегося им своему сыну Андрею: «...лготу многу людем дарова, и ослабу обещася такоже велику дати, еже ради лготы собрашася мнози»[52]. Политика предоставления льгот и недопущения закладничества и похолопливания своих людей соответствует аналогичной политике в отношении феодальных владений, где также широко практиковалось предоставление временных льгот с целью привлечения населения.

Но дальше борьбы с закладничеством и похолопливанием горожан княжеская власть в XIV—XV вв. еще не шла. Она не могла тогда вести борьбу с феодальным землевладением в городе и лишь ограничивала сферу распространения власти феодальных владетелей на горожан. Само же существование феодального землевладения санкционировалось князьями, свидетельства чему мы видим в многочисленных жалованных грамотах на городские дворы монастырям. Более того, известны даже и такие случаи, когда князья разрешали новое сокращение «черных» зе-

---

[49] ПСЭИ, № 137.
[50] ДДГ, стр. 39.
[51] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 114.
[52] ПСРЛ, т. XI, стр. 129. Ср. рассказ о «Льготе» после разорения Москвы в 1451 г. ПСРЛ, т. XXV, стр. 272.

мель в городах для расширения владельческих слобод. Так, великий князь Василий Васильевич в одной из грамот около 1432—1443гг. игумену Троице-Сергиева монастыря «ослободил... ему купити двор в городе в Переяславле тяглой служень или черной, хто им продаст. А купят собе впрок без выкупа. А вотчичем того двора не выкупить. А ненадобе им с того двора тянути с слугами, ни с черными людми, ни к рыболовем, ни к сотцкому ни к дворекому не тянути никоторыми пошлинами»[53]. В те же годы монастырь получил право купить двор в Ростове, «хто им продаст, чей ни будь»[54]. Выше мы уже обращали внимание на грамоту того же великого князя Василия Васильевича, который во время феодальной войны включил было двор Кирилло-Белозерского монастыря в Вологде по просьбе горожан в тягло, но после окончания войны вновь восстановил иммунитетные права монастыря в городе[55].

Поддержка княжеской властью в XIV—XV вв. интересов феодалов в городах в ущерб интересам «черных людей» является очевидным фактом и свидетельствует о том, что для князя в ряде случаев было выгоднее заручиться помощью со стороны экономически мощного монастыря, чем относительно слаборазвитого города.

Города находились полностью под властью князей и феодальных владетелей.

Управление городами осуществлялось наместниками князя, которые утвердились с течением времени и там, где ранее существовали тысяцкие. Наместники в городах, осуществлявшие судебно-административные функции, назначались из числа высших представителей боярской аристократии. Таков, например, назначенный князем Владимиром Андреевичем при основании Серпухова в 1374 г. окольничий его Яков Юрьевич Новосильцев, которому князь «приказа наместничества держати града»[56]. В 1453 г. в Кашине был «наместник и боярин» Иван Яковлевич Кандяпрь[57]. Под 1385 г. упомянут коломенский наместник князь Остей.

---

[53] АСВР, т. I, № 105.
[54] Там же, № 107.
[55] См. Н. Н. Де б о л ь с к и й. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря, № CXCVI.
[56] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 114.
[57] ПСРЛ, т. XV, стр. 490.

Под 1443 г. в числе московских воевод, ходивших на Рязань, назван «коломеньский наместник» В. И. Лыков[58].

Вероятно, что упоминаемые в источниках городские воеводы являлись одновременно и наместниками. В рассказе о нападении Литвы на Волок в 1370 г. упомянут князь Василий Иванович Березуйский, который «бе ту воеводствуя»[59]. О том, что воевода и наместник были одно и то же лицо, говорит текст Троицкой летописи о набеге новгородцев на Кострому: «...гражане же изыдоша из града противу собращася на бои, а воевода бяше у них, той же и наместник, Плещеев»[60]. Впрочем, известны случаи, когда в городе было несколько воевод. Так, во время нападения князя Семена Константиновича на Нижний Новгород в 1399 г. «люди затворившися в городе, а воеводы бяху у них Володимер Данилович, Григорей Володимерович, Иван Лихорь»[61].

Наместники выполняли свои функции по принципу кормлений. Об этом прямо говорит грамота великого князя Василия Васильевича, выданная в 1426 г. Ивану Григорьевичу Раслу с сыном Каноном. По этой грамоте великий князь пожаловал Расла и его сына «в кормленье» городами Елатьмой и Кадомом «с мыты и с перевозы и со всеми наместничьи доходы и с пошлиною, что было дано за выезд отцу его Ивану». Размеры наместничьих доходов, видимо, были определены каким-то «наказным списком», так как в грамоте содержится такое обращение к населению городов: «И вы, все люди тех городов и станов, и волостей, чтите их и слушайте, а они вас ведают, а судити и хотити велят у вас тиунам своим, а доход имети по наказному списку»[62].

Поборы наместников ложились дополнительной тяжестью на городское население и еще более усиливали гнет феодальной эксплуатации.

В целом судебно-административная система в городах была децентрализованной, так как наряду с княжескими наместниками, компетенция которых распространялась на «черное население», существовало обособленное управление населением вотчинных городских владений феодалов. Ти-

[58] ПСРЛ, т. XI, стр. 86, т. XXIII, стр. 151.
[59] ПСРЛ, т. VIII, стр. 17.
[60] ТЛ, стр. 399.
[61] Там же, стр. 453.
[62] Акты Юшкова, № 6.

пичная для феодальной раздробленности практика «смесных судов» полностью действовала и в городах, о чем говорят многочисленные жалованные грамоты.

Что касается слобод, сотен, концов и других аналогичных явлений в русских городах того времени, то их тоже нельзя рассматривать как свидетельство развитых форм городского самоуправления. А. В. Арциховский собрал в своей статье материал о городских концах в Новгороде, Пскове, Русе, Ладоге, Кореле, Ростове, Смоленске, Серпухове, Москве, Великом Устюге, Твери, Нижнем Новгороде, Туле, но не пришел к определенным выводам о том, что это явление можно рассматривать как свидетельство городской организации[63]. Часть собранного А. В. Арциховским материала относится к более позднему времени — — XVI—XVII вв., от которого до нас дошло значительное количество документов. По-видимому, концы — это очень древняя форма городской организации, идущая из Древней Руси с ее элементами городского строя, сохранившаяся и в более поздние столетия, но не игравшая более той роли, какую она имела в древности.

Есть все основания согласиться с мнением С. В. Юшкова, который писал: «В рассматриваемый период городское население утратило те права, которые оно имело в эпоху Киевского государства. Оно стало облагаться теми же налогами и повинностями, что и крестьяне. Городских людей, подобно крестьянам, относили к разряду «черных людей»... В Русском государстве XIV—XVI вв. посадские люди никаких прав на самоуправление не имели. Они управлялись или удельными князьями, или наместниками великого князя»[64].

Но если в северо-восточных городах не было особого городского строя, то это не значит, что города не имели никакой привлекательной силы для населения. Самый факт бегства в города холопов и крестьян отмечен источниками, о чем говорилось выше. Необходимо учитывать также то, что в условиях постоянных внешних вторжений население усиленно собиралось в города «крепости ради градные». Особенно увеличивался приток населения в города во время нападений, и, вероятно, далеко не все из

[63] См. А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. «Исторические записки», т. 16. М., 1945, стр. 3—13.

[64] С. В. Юшков. История государства и права СССР, изд. 3, ч. I. М., 1950, стр. 167.

вновь пришедших возвращались потом на опустошенные и разграбленные врагами земли. Будучи средоточием ремесленного производства и торговли, город привлекал к себе население, занимавшееся ремеслом и торговлей и находившее в городе лучшие условия для этих своих занятий. Но, с другой стороны, по мере усиления эксплуатации городского населения княжеской властью развивался и обратный процесс ухода в закладничество. В более позднее время, в XVI—XVII вв., это явление приобрело массовые размеры и вызвало во многих городах отлив населения с черных земель, породив острую борьбу посадских людей против беломестцев. Элементы этой борьбы были уже в XV в., когда в период феодальной войны вологжане добились от Василия Васильевича, имевшего одно время Вологду своим уделом, отписания двора Кирилло-Белозерского монастыря к посаду. Но после победы в феодальной войне ставший вновь великим князем Василий Васильевич вернул двор монастырю, оговорив лишь запрет принимать туда вологодских горожан, что само по себе еще раз подтверждает существовавшую уже в XV в. тенденцию части городского населения уходить из-под гнета княжеского тягла на белые земли.

Положение городского населения становилось все более трудным, и оно не могло так сильно привлекать к себе массу беглых крепостных, как это было в свободных городах некоторых стран Западной Европы. В то же время надо еще сопоставить степень закрепощения крестьян на Руси в XIV—XV вв. и в западноевропейских странах. Существовало еще право выхода крестьян от феодалов, и не было, вероятно, еще острой необходимости обязательно бежать в город, чтобы избавиться от крепостничества, потому что существовали еще другие реальные пути выхода от феодалов.

Во всяком случае считать, что на Руси дело обстояло точно так же, как и в Западной Европе, что массы крестьян и холопов бежали в города, а городской воздух делал их свободными, нет сколько-нибудь серьезных оснований при учете как показаний источников, так и анализа общего состояния социально-экономического развития русских земель того времени.

Развиваясь принципиально по тому же пути, что и другие феодальные города, русские города в XIV—XV вв. отставали от наиболее развитых городов Западной Европы

и в экономическом и в политическом отношении. Этот факт не объясняется ни «самобытностью» русского исторического процесса, ни тем более якобы «неспособностью» русского народа к интенсивному историческому развитию, о чем писали и пишут ныне за рубежом реакционные историки. Факт отставания русских городов естественно и закономерно вытекает из тех чрезвычайно трудных условий, в которых они оказались в XIV—XV вв.

После татарского вторжения вследствие разрушения и значительного экономического ослабления городов, усиления в стране и в том числе в городах позиций феодалов, неразвитости буржуазных отношений, сужения рыночных связей и отрыва от мировых торговых путей, в условиях быстрого процесса централизации феодальной государственной власти в Северо-Восточной Руси города не получили политической самостоятельности и особого правового положения городского населения. Восстановив и даже увеличив свое значение как центров ремесленного производства и феодальной торговли, города не смогли выйти из подчинения князьям.

Но из этого не следует, что русские города якобы не имели никакого исторического значения или имели отрицательное значение, как писал И. И. Дитятин, или же что они оказались правительству нужнее раньше, чем народу, как думал П. Н. Милюков. Если русские города отставали в своем развитии, это не значит, что они были искусственным явлением. Мы старались показать выше, что они были порождены объективными социально-экономическими условиями, присущими феодальной эпохе, и развивались в общем для всех городов направлении. В исторических процессах, развивавшихся на Руси в XIV—XV вв., городам принадлежала далеко не маловажная роль.

Города имели важное значение в процессе борьбы за объединение русских земель и свержение монголо-татарского ига. Как центры ремесленного производства и укрепленные пункты, русские города приобрели исключительно большую роль в борьбе с нашествиями. События в Твери в 1293 и 1327 гг., в Москве в 1382 и 1445 гг., в Ростове в 1262, 1289, 1320 гг. и многие другие проявления самоотверженной, героической борьбы горожан против монголо-татар были важнейшими этапами борьбы русского народа

за свое освобождение. Волна антитатарских восстаний в городах во второй половине XIII и начале XIV в. привела к ликвидации баскачества на Руси, как это установлено А. А. Зиминым. В исторической битве на Куликовом поле участвовали, несомненно, большие массы горожан. Стойкость московского населения ярко проявилась и в 1382, и в 1408, и в 1445, и в 1451 гг. С другой стороны, успехи в борьбе с монголо-татарами имели очень важное значение для развития единства русских земель и образования единого государства. Без более или менее развитых городов нельзя было свергнуть татарское иго, и уже само это обстоятельство достаточно убедительно свидетельствует об историческом значении русских городов XIV—XV вв., причем именно северо-восточных городов, выдержавших главную тяжесть борьбы с татарами.

Городское население не было безучастно и к борьбе московских князей за единство страны. Мы, однако, не можем согласиться с мнением И. У Будовница о том, что население городов уже с самого начала XIV в. активно и последовательно поддерживало Москву. Заметим, что еще в 1293 г. население сбегалось от татар именно в Тверь, а не в Москву и что москвичи сами предупредили тверского князя Михаила Ярославича об опасности и проводили его в Тверь[65]; и даже в 1370 г. среди москвичей были «доброхоты» тверского князя.

В 1304—1305 гг. восстания горожан в Костроме и Нижнем Новгороде были направлены против насилий тверских бояр. Тем самым эти восстания объективно помогали Москве. Но сознательной поддержки Москвы горожанам в этом случае мы еще не видим. В 1316 г. новгородские черные люди отказались поддержать Москву в борьбе с Тверью, видимо, уклоняясь от участия в разорительной междоусобной борьбе. В 1318 г. жители Твери оказали полную поддержку своему князю в борьбе с Москвой, дали крестное целование на верность и победили москвичей в битве при Бортеневе. В 1340 г. новгородские черные люди отказались поддержать Тверь в борьбе с Москвой, занимая ту же позицию нейтралитета, что и в 1316 г. В связи с этим произошло восстание в Торжке против бояр, втянувших горожан в опасную борьбу с Москвой, но не обеспечивших

[65] См. И. У. Будовниц. Поддержка объединительных усилий Москвы населением русских городов. В кн. «Академику Б. Д. Грекову ко дню его семидесятилетия». М., 1952, стр. 119.

поддержки со стороны новгородских черных людей. В 1365 г. население Нижнего Новгорода было подвергнуто церковному наказанию за упрямство князя Бориса Константиновича, не желавшего уступить город поддерживавшемуся Москвой Димитрию Константиновичу. Именем московского митрополита очень авторитетный тогда на Руси церковный деятель Сергий Радонежский закрыл все церкви в Нижнем Новгороде. Спор о княжении пришлось решать военной силой. Никак невозможно усмотреть в этих событиях поддержку городскими массами объединительной политики Москвы.

Как видно из приведенных фактов, позиция городского населения по отношению к Москве не была устойчивой в первой половине и середине XIV в. Но и руководящее положение Москвы в борьбе за единство русских земель и за свержение татарского ига определилось тоже не с начала XIV в., а лишь в княжение Димитрия Донского. К. Маркс проницательно отметил, что при Калите лишь была заложена основа могущества Москвы[66]. Тем более нет никаких оснований представлять Москву того времени экономическим центром русских земель, к которому тянулись бы города, хотя об этом и пишется иногда в литературе. Выдвижение Москвы в центр возникающих общерусских рыночных связей произошло значительно позже того времени, когда Москва приобрела значение политического центра Руси.

Но именно с приобретением этого значения становилась более устойчивой и определенной позиция городского населения, заинтересованного в сильной княжеской власти, способной защитить страну от внешних вторжений и разорительных междоусобиц.

Позиция поддержки горожанами Москвы ясно проявилась в 1371 г., когда жители городов присягнули на верность Димитрию Ивановичу Московскому, а жители Владимира просто не впустили к себе Михаила Александровича Тверского[67]. Поддержка горожан имела большое значение для успеха борьбы Димитрия Ивановича. Димитрий Иванович сумел вновь получить в Орде ярлык на княжение не дорогой ценой в буквальном смысле слова. Он «приведе из Орды с многыми дължникы, и бышет от него по городом

[66] См. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII. М., 1946, стр. 149.
[67] ПСРЛ, т. VIII, стр. 18.

тягость данная велика людем». Но это не изменило стремлений горожан в поддержке Москвы. Даже враждебный Москве тверской летописец, приведя сообщение о «тягости данной великой», вынужден был признать: «А ко князю к великому к Михаилу так и не почали люди из городов передаваться»[68]. Возможно, что именно на роль городского населения в поддержке Димитрия Ивановича указывает примечательное выражение Рогожской летописи в рассказе о решающем походе Димитрия Ивановича на Тверь в 1375 г.: «Князь великий Димитрий Иванович собрав всю силу русских городов и с всеми князми русскими совокупяся»[69]. Кажется, что здесь особо отделены городские ополчения от обычных княжеских дружин. Даже в самой Твери горожане стали колебаться. В критический момент осады города Димитрием Ивановичем в 1375 г. появились признаки недовольства горожан, хотя вообще русские горожане умели выдерживать самые трудные осады при нападении внешних врагов. Михаил Александрович был вынужден сдаться, «видев озлобление людем своим»[70]. Выше мы указывали также на возможную роль городского населения в Нижнем Новгороде в 1392 г. Правда, спустя семь лет, в 1399 г. нижегородцы открыли ворота пришедшему из Орды бывшему нижегородскому князю Семену Константиновичу[71].

Сложная политическая обстановка возникла в годы феодальной войны. Не все города сразу поддерживали московского князя. Часть городов, видимо, оказалась на стороне противников Москвы. В самом начале феодальной войны на призыв князя Юрия Димитриевича «снидошася к нему вси изо всих градов его». Затем, начиная переговоры с митрополитом Фотием о заключении мира с великим князем, князь Юрий Димитриевич «черинь всю собрав из градов своих и властей и сел и деревен, и быть их многое множество, и постави их по горе от града с приезда митрополича, сказывая и являя ему многих людей своих». Митрополит посмеялся над галичским князем, сказав: «Не видях столко народа во овечих шерстях»[72]. Этот летописный рассказ показывает, что Юрий Димитриевич имел

[68] ПСРЛ, изд. 2, т. XV, вып. 1, стр. 98.
[69] Там же, стр. 110.
[70] ПСРЛ, т. IV, стр. 71.
[71] ПСРЛ, т. VI, стр. 130.
[72] ПСРЛ, т. XII, стр. 2.

опору у своих горожан и не случайно демонстрировал множество их московскому митрополиту. Насмешливый ответ Фотия, с другой стороны, выразил даже презрительное отношение высшего церковного служителя к «черным» людям, «вси бо бяху в сермягах». Угличские «гражане не восхотели града отворити» в 1446 г. и только с помощью тверской артиллерии, возглавлявшейся Микулой Кречетниковым, Василий Васильевич взял город[73]. «Вскоромолили» против великого князя московские гости — суконники[74], ушли в Тверь, а среди заговорщиков против Василия Васильевича в 1446 г. были «мнози же с ними от Москвичь в думе, Иван Старков, и бояре, и гости»[75]. После ослепления Василия Васильевича «боляр, и князей, и дети боярьских, и гостей, и чернь всех привели к целованию, что хотети им добра князю великому Димитрию Ивановичу и князю Ивану Андреевичу»[76]. Нет указаний на то, что эта присяга вызвала какое-либо противодействие горожан. Зато Ржев не хотел переходить в руки тверского князя по решению московского князя, отдавшего Ржев, и Борису Александровичу пришлось брать город в тяжелом бою и преодолевать очень упорное сопротивление ржевских горожан[77].

Активно выступили против Шемяки жители Кашина во главе со своими «тысяшниками земскыми». Кашинцы нанесли тяжелое поражение Шемяке[78]. Весной 1449 г. Шемяка проиграл сражение за Кострому[79], и, видимо, этот перелом в долго колебавшемся соотношении сил решил вопрос о позиции поволжских горожан, ранее не оказывавших сопротивления Шемяке. В следующем, 1450 г., «предашася» великому князю «гражане» Галича[80] — главной опоры враждебных Москве князей.

Характерным является то обстоятельство, что князья старались заручиться поддержкой горожан, что в свою очередь указывает на значение горожан в феодальной войне.

---

[73] ПСРЛ, т. XV, стр. 493. Инока Фомы слово похвальное.., стр. 46.
[74] ДДГ, стр. 101.
[75] ПСРЛ, т. VI, стр. 174.
[76] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 152.
[77] ПСРЛ, т. XV, стр. 493. Инока Фомы слово похвальное. , стр. 47—48.
[78] ПСРЛ, т. VI, стр. 179.
[79] Там же, стр. 178.
[80] Там же, стр. 179.

Так было в Галиче, горожан которого Василий Васильевич «омирил», в Угличе, где он «ничто же зла граду не сотвориша и омири их», в Вологде, где Василий Васильевич пошел навстречу горожанам и отписал к посаду двор Кирилло-Белозерского монастыря, в Ржеве, где Борис Александрович «пожаловал» горожан и «сотвори над ними многую милость», запретив предавать город огню.

Таким образом, позиция горожан в борьбе за объединение русских земель имела важное значение. Заинтересованность горожан в установлении государственного единства страны под властью сильных московских князей сыграла свою историческую роль в образовании Русского централизованного государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Северо-восточные русские города понесли очень тяжелый урон в результате монголо-татарского нашествия и последующих вторжений. Вторая половина XIII в. была самым тяжелым временем в истории этих городов, но уже тогда началось их восстановление и дальнейшее развитие. После недолгого оживления старых вечевых центров Ростово-Суздальской земли главный очаг городского развития переместился в новый район. Приток населения в центральную, наиболее защищенную от вторжений, часть междуречья Оки и Волги, выгоды расположения на водных и сухопутных путях обусловили подъем Твери, Переяславля, Москвы, причем ведущим центром к концу XIII столетия стала Тверь, являвшаяся наиболее развитым городом. Однако уже в начале XIV в. определился подъем Москвы как городского центра, усилившийся в княжение Ивана Калиты. На протяжении XIV в. можно отметить наиболее интенсивное развитие городских центров в нескольких районах: Московском и Тверском княжествах и в Поволжье, где особенно усилился к середине XIV в. Нижний Новгород. Определившаяся к середине XIV в. концентрация крупнейших феодальных княжеств — Московского, Тверского и Суздальско-Нижегородского — была тесно связана с подъемом городской жизни в этих княжествах. Новый этап развития городов наступил примерно с середины XIV в., что было обусловлено подъемом ремесленного производства и развернувшейся активной борьбой против монголо-татарского ига. В этот период наибольший рост городов происходил в Московском княжестве, что явилось важнейшей предпосылкой его усиления и закреп-

ления за ним руководящего положения в русских землях. С этого времени отмечается усиление роли горожан в бо ьбе за единство русской земли, особенно проявившейся в напряженные моменты в 70-х гг. XIV в. и феодальной войне второй четверти XV в.

Вместе с тем прогрессировавшее усиление великокняжеской власти привело к полному подчинению ей городов и к ликвидации элементов городского самоуправления, что происходило прежде всего в самом сильном Московском княжестве. Города XIV—XV вв. в Северо-восточной Руси полностью сохраняли свой феодальный характер.

Городское ремесло дополняло натуральную экономику феодальной округи, товарное производство имело в общем незначительные масштабы, хотя, несомненно, существовало, как всегда и всюду в феодальную эпоху. Городской торг, являвшийся центром экономической жизни города и округи, был местом сбыта излишков продуктов, производившихся в крупных феодальных хозяйствах, а также изделий городских ремесленников. В то же время группы состоятельных горожан вели довольно широкую торговлю с далекими странами. Но эта торговля еще очень слабо была связана с производством и не оказывала на него пока существенного влияния. Нажитые торговлей денежные богатства пускались в рост; ростовщичество, сильно развитое всюду, где невысок был уровень товарного производства, распространялось и в русских городах.

Большой удельный вес в городах принадлежал феодалам. Они владели многочисленными дворами и целыми слободами, в городах жило много их холопов и феодально-зависимых людей. Феодальные владения в городах были прикрыты иммунитетом и были одним из самых ярких проявлений феодальной раздробленности. Сохранение феодального землевладения в городах было серьезной преградой развитию городских свобод.

Для княжеской власти город был важен не только как укрепленный оплот своего господства, но и как источник доходов. Эта потребность в городах, как источниках денежных средств, особенно возрастала в условиях необходимости выплаты тяжелых платежей ордынским ханам. Князья были поэтому заинтересованы в росте городов и в привлечении в города ремесленно-торгового населения. Княжеская власть была еще недостаточно сильной, чтобы ликвидировать частное землевладение в городах, — это удалось сде-

лать значительно позже, лишь в середине XVII в., но князья вели борьбу против закладничества в городах и предоставляли различные льготы населению, перезываемому из других княжений. Но эти льготы носили временный характер, они не превращались в какие-либо привилегии для городского населения. Однако борьба за вольности и самоуправление, органически вытекающая из самой природы средневекового города, шла и в русских северо-восточных городах XIV—XV вв., свидетельства чему мы видим в ряде вспышек вечевых выступлений, совпадавших с временными ослаблениями княжеской власти и имевших антифеодальный характер.

Своеобразным проявлением стремления к освобождению от феодального гнета была и та поддержка, которую оказывали горожане князьям в их борьбе с противниками. Горожане стремились к государственному единству страны, к сильной княжеской власти, потому что она могла явиться защитой от произвола и нападений многочисленных феодалов и была прогрессивной силой. В основе этого стремления вовсе еще не лежало осознание Москвы как центра экономических связей. Национальные рыночные связи тогда еще не существовали. Горожане поддерживали князей как силу, способную обеспечить лучшие условия для развития ремесла и торговли, защиту от усобиц и нападений внешних врагов. Понятно, что князья в феодальной войне старались привлечь горожан на свою сторону, и это удавалось отчасти не только великокняжеской власти, но и ее соперникам. Одной из главных целей военных действий было разрушение городов противника как его опорных центров.

Значение горожан возросло бы гораздо более, если бы в городах того времени уже формировались буржуазные элементы, которые могли бы возглавить борьбу горожан против феодального гнета. Но на Руси условия для формирования буржуазных элементов были неблагоприятными в XIV—XV вв., а зажиточная городская верхушка шла по пути сближения с феодальной аристократией и временами занимала позиции, даже прямо противоположные интересам единства страны.

Во всяком случае на Руси достаточно отчетливо проявилось общее для всех феодальных стран стремление горожан к сильной княжеской власти. Но, как и в других странах, только с еще большей силой, окрепшая велико-

княжеская власть поработила и ограбила своего союзника — города. Подчинив себе города, задушив все проявления борьбы за городские вольности, не дав горожанам никаких привилегий, централизованная великокняжеская власть все более распространяла на города крепостнические порядки. Развитие крепостничества в России в период формирования централизованного государства не могло не привести к созданию новых трудностей для роста городов, хотя объединение страны и обеспечение ее внешней безопасности имели немалое положительное значение для городов. Образование централизованного государства на феодальной основе не разрешило, а еще более углубило и обострило противоречия социально-экономического развития русских городов, скованных все более укреплявшейся феодальной системой.

В XIV—XV вв., в эпоху, когда складывались условия образования единого государства на Руси, эта противоречивость социально-экономического развития русских городов уже определилась с полной отчетливостью. Внутренние закономерности их развития вели к расширению товарного производства и обращения, к формированию буржуазных элементов, к борьбе за вольности и самоуправление как важнейшего условия прогрессивного развития городов и складывания буржуазных элементов. Все эти тенденции можно с достаточной ясностью видеть в истории русских северо-восточных городов XIV—XV вв., и это вполне соответствует общности закономерности развития феодальных городов. Но конкретно-исторические условия, сложившиеся на Руси в XIV—XV вв., оказывали серьезное тормозящее воздействие на развитие указанных тенденций. Города восстанавливались и развивались, но их развитие ограничивалось потребностями феодального строя, они не могли выйти за его пределы и образовать в то время ядро новых общественных отношений. Роль городов в процессах общественно-экономического развития была значительной, но это была их роль в укреплении и развитии феодализма. Город как центр товарного производства и обращения, обслуживающего феодализм и дополняющего господствующее натуральное хозяйство, как укрепленный центр феодального властвования, как центр феодальной идеологии и культуры имел очень большое значение в экономической и политической истории средневековья, и именно это значение он сохранял в период образования единого Русского

государства. Выйти за пределы феодального строя, как некоторые западноевропейские города периода образования национальных государств, где феодальная система находилась в упадке и зарождалась буржуазия, русские города тогда еще не могли. Они оставались феодальными городами, способствовавшими на данном этапе своего развития укреплению прогрессивного в ту эпоху феодального строя.

ОГЛАВЛЕНИЕ Стр.

Введение 3

Глава I. **Общая характеристика развития городов Северо-восточной Руси XIV—XV вв.**

1. Предварительные замечания . . . . . 1[illegible]
2. Общие условия развития городов в XIV—XV вв. . . . 2[illegible]
3. Ростово-Суздальские города . . . . . 2[illegible]
4. Города Поволжья . . . . . [illegible]
5. Северные города . . . . . 7[illegible]
6. Центральные (московские) города . . . . . 8[illegible]
7. Тверские города . . . . . 10[illegible]

Глава II. **Социально-экономическое развитие городов XIV—XV вв.**

1. Городское ремесло 130
2. Городская торговля 144
3. Город—центр феодального господства 175
4. Городское население 191

Глава III **Политическое развитие городов XIV—XV вв.** 201

Заключение 231

Анатолий Михайлович Сахаров
ГОРОДА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XV ВЕКОВ

Редактор *Краснобаев Б. И.* Технич. редактор *Георгиева Г. И.*
Сдано в набор 10/III 1959 г. Подписано в печать 25/VII 1959 г. Л. 119808
Изд. № Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 14,75. Уч.-изд. л. 12,89. Тираж 2000
Заказ 289. Цена 9 р.

Издательство Московского университета. Москва, Ленинские горы
Полиграфический комбинат Ярославского совета народного хозяйства.
г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
13	2 снизу	„Труды древне-	„Труды отдела древне-
47	16—17 снизу	„плотниками" и „каменщиками"	„холопами-каменщиками"
49	15 снизу	XIII-XVI вв.	XIII-XIV вв.
137	9 снизу	экономические	торговые
166	2 сверху	появилась только в этой	появилась в этой
229	23 сверху	выступили против	выступили в 1443 г. против